

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

Невеста ЧЕРНОГО ВОРОНА

ХИТЫ РУНЕТА

Annotation

Я должна стать женой узурпатора. Он пришел с войной в мой дом, отнял все, что было мне дорого, его войско заняло город. Он кровожадное чудовище, убийца, и я ненавижу его. Я нужна ему как трофей, как принцесса, последняя в роду, с моей помощью он собирается укрепить свою власть. Я готова убить его. Но глядя в его глаза, я вижу мальчика, которого знала когда-то, лучшего друга детства, почти брата. И мое сердце разрывается...

- [Екатерина Бакулина](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
-

Екатерина Бакулина

Невеста Черного Ворона

© Бакулина Е., текст

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

Если он войдет сюда... если хоть кто-то войдет – я брошусь в окно.

Высоко, аж кружится голова.

Небесная Мать, спаси меня!

Если он войдет...

Внизу еще идет битва. Мне страшно. Небесная Мать, как мне страшно! Окно башни выходит в сторону сада, но даже отсюда я вижу убитых. наших защитников. Воинов, защищавших меня и брата, наш замок. Мой брат... Я не знаю даже, жив ли Хаддин. Я убежала, а он остался. Хаддин король, он не мог убежать. Хаддин сказал – ему нечего бояться. Мне казалось, он сошел с ума. Эта война, осада помutilи его разум. Я помню лихорадочный блеск в его глазах. «Он не сможет меня убить, – шептал Хаддин. – Не сможет! У него ничего не выйдет! Пусть только сунется, и я сам убью его!» Но Хаддин остался там. Если воины Эрнана захватили замок, то убили его.

Я боюсь. Спаси меня, Небесная Мать!

Я слышу шум внизу. На лестнице. Кто-то идет. Кто-то с хрустом и лязгом продирается по узкому тайному ходу в стене, протискивается, цепляясь доспехами. Там и мне-то было тесно, а уж ему... Ругается. Я даже не могу понять, его ли это голос.

Если он войдет...

Небесная Мать, лишь бы это был он!

Эрнан. Только бы он. Если это кто-то из его людей, кто-то из этих ужасных диких варваров из Лохленна, я не выдержу. Как мне быть тогда? Я брошусь в окно. Если только он прикоснется ко мне...

Я боюсь.

Если это он...

– Тиль! – слышу я. – Тиль, ты здесь?!

И меня начинает трясти с удвоенной силой. И слезы льются из глаз. Сердце колотится так громко, что я почти ничего не слышу и ничего не вижу от слез.

– Тиль!

Нет!

Я не пойду с ним.

Но он не оставит меня в покое. Он пришел за мной. Вчера у подъемного моста он обещал Хаддину взять замок и меня тоже. Я нужна

ему как трофеей.

Я стояла тогда на стене, высоко, но я видела.

Видела, как Эрнан подошел к самым воротам без оружия. Снял шлем, потрянул головой. Он стоял и ждал, когда Хаддин выйдет к нему. А Хаддин все не выходил. Хаддин собирался, он пошел... но я не видела его, не знала, что происходит.

– Убирайся прочь! – услышала я голос Хаддина. – Ты взял город, но замок тебе не взять! Еще никто не брал Облачную Нит! Кому, как не тебе, знать это! Убирайся, ублюдок!

Я не видела брата. Думаю, он стоял в проеме ворот или совсем близко к стене.

– Я возьму замок завтра к вечеру, – спокойно сказал Эрнан. Я не могла толком разглядеть его лица, слишком далеко, но я отчетливо слышала голос, спокойный и ровный. Уверенный, что так и будет. – Возьму замок, выпущу тебе кишки и повешу на них, а потом оттрахаю твою сестру. Я получу все, что хотел. Завтра вечером я буду пировать в Небесном Чертоге. Но если ты откроешь ворота, то умрешь быстро. А твои люди смогут уйти живыми. Я отпущу их. Решай.

Хаддин ответил не сразу.

– Подойди, – наконец велел он, его голос нервно дрогнул. – Подойди сюда.

Эрнан засмеялся.

– Трус! Подойди сам. Нечего прятаться за решеткой. Или говори так, пусть твои люди все слышат!

– Подойди!

– Хорошо, – согласился Эрнан. Он подошел к воротам, теперь я не видела и его тоже.

Я не слышала, что Хаддин говорил ему. Мне показалось, прошла целая вечность.

– Сукин сын! – услышала я. Увидела, как Эрнан поворачивается и идет прочь широким размашистым шагом. – Как ты можешь? Она твоя сестра!

Я видела, как он сплевывает в сторону, надевает шлем.

– Приготовиться к бою! – командует своим.

– Стреляйте! – орет Хаддин. – Убейте его!

Но никто не стреляет Эрнану в спину.

– Стреляйте! Иначе вас всех повесят!

Несколько неуверенных стрел срываются и летят, но ни одна не достигает цели.

Говорят, Эрнан неуязвим, его охраняет магия или даже боги. Никто не

в силах убить его.

Я ненавижу его. Я сама готова убить.

Что мне делать? Он совсем рядом.

Я слышу шаги.

– Тиль, ты здесь? Не бойся, я не трону тебя!

Рядом.

К горлу подкатывает тошнота.

К окну...

Я смотрю вниз, и темнеет в глазах. Спаси меня, Небесная Мать. Я не хочу умирать, но выхода нет. Лучше умереть, чем так... Я сейчас прыгну. Я не хочу...

Рядом.

Он дергает дверь. Потом бьет.

Я заперла на засов, и дверь не поддается. Тяжелая, дубовая дверь. Но еще немного, и он сломает ее. И тогда уже все...

– Тиль, открой!

Я не узнаю его голос – глухой и низкий, но я узнаю то, как он произносит это: «Тиль!» И только он зовет меня так. Не Луцилия, а как в детстве.

– Не подходи! – пытаюсь крикнуть я, но голос не слышится, выходит едва слышно, почти шепотом. – Не подходи, или я прыгну!

Он не слышит.

Я сама едва слышу.

И снова удар в дверь. И еще. Дверь трясется и трещит.

У меня подгибаются ноги. Я сползаю по стене на пол, сажусь, обхватываю колени руками. Я зажмуриваю глаза. Спаси меня, Небесная Мать! Лучше умереть.

Я слышу, как трещит дверь.

Еще немного...

Боги! Скорей бы уж! Я не могу!

– Тиль!

Еще удар, и дверь ломается пополам, с грохотом падает на пол. Летят щепки.

Он стоит на пороге.

В первое мгновение мне кажется – я ошиблась, это не он. Вчера со стены я не могла рассмотреть. Он так изменился. Последний раз вблизи я видела его восемь лет назад, ему было четырнадцать, он был худым и длинным нескладным мальчишкой, огромные серые глаза, непослушные кольца черных волос... я... нет, он был мне как брат.

Сейчас передо мной стоял взрослый мужчина. Он выглядел даже старше Хаддина, хотя, наверно, это просто усталость, две недели непрерывных боев. Черных кудрей больше нет, волосы пострижены по-военному коротко, черная щетина на подбородке, по лицу, по доспехам размазана кровь. Только глаза...

– Тиль... – он тяжело дышит.

Он тоже не видел меня эти восемь лет. Мне было девять. Сейчас, наверно, совсем не узнать.

Что теперь?

Он осторожно делает шаг вперед, и я почти вжимаюсь в стену. Мне страшно.

Как же вышло все это?

– Не бойся, Тиль, – тихо, чуть хрипло говорит он, – я ничего не сделаю тебе.

Он поднимает руки ладонями вперед, чуть разводит в стороны, словно показывая, что в руках ничего нет, он не желает мне зла...

И тут я вижу кольцо.

Вскрикиваю, вскакиваю на ноги.

– Нет! – в ужасе всхлипываю я.

Он не понимает.

– Не бойся, я...

– Кольцо! У тебя кольцо Хаддина! Что ты сделал с ним?!

Он опускает руки. Хмурится, облизывает губы. Зажмуривается на мгновение.

– Я убил его, – говорит, наконец.

Я знала. Знала это с самого начала. Земля качается и уходит из-под ног, все кружится.

Только не так.

Рушится мир... Хаддин! Эрнан, нет!

Отступаю назад.

– Не подходи, – говорю я. – Уходи. Если ты сделаешь хоть шаг, я прыгну в окно!

– Не говори глупости, Тиль. Если я уйду, то что будет? Ты останешься здесь одна? И что потом? Замок уже мой. Кого мне прислать за тобой?

У меня нет выхода.

Мне так плохо, так страшно, что я уже не понимаю ничего, все плывет. В глазах совсем темно. Нет выхода. Прости меня, Небесная Мать... Один маленький шаг в сторону, и за моей спиной проем окна. Я чуть приподнимаюсь, сажусь на край. Теперь стоит лишь отклониться назад.

Эрнан стоит у дверей. Нарин. Он всегда был Нарин для меня, как в детстве.

Я вижу панику в его глазах.

– Не надо, Тиль, – тихо говорит он. – Не надо, прошу тебя.

Я вижу, он готов броситься ко мне. За мной.

Он не успеет.

Все это происходит не на самом деле, я не верю... Это сон.

Мой Нарин не сделал бы такого, он не убийца.

– Нет, Тиль!

Я не смогу так жить.

Я наклоняюсь назад.

И падаю в бездну. Словно во сне. Я лечу. Целую вечность. Уже не страшно... Я словно в облаках... Небесная Мать...

И вдруг удар в плечо, так сильно и больно, что я кричу. И реальность возвращается.

Я вишу над пропастью. Вниз головой. Эрнан успел схватить меня за платье. Он держит крепко, но платье уже трещит. Сейчас ткань лопнет, и я...

– Давай руку! Скорей! – кричит он.

Одной рукой он держит за платье, другую протягивает мне. Он высунулся в окно так сильно, что даже не представляю, как держится сам. Еще немного, и мы упадем вместе. Он рычит сквозь зубы.

– Руку! Давай!

Я не хочу... лучше умереть.

– Нет! – кричу я. – Отпусти меня!

– Дура! Я скорее прыгну вместе с тобой!

– Я ненавижу тебя!

Он ругается, рычит.

И каким-то невероятным рывком вытаскивает меня, перехватывает за платье, за плечо, потом за шиворот, за волосы, вытягивает, я слышу треск... и вместе мы падаем на пол.

Он все еще держит меня. Обнимает, вцепившись крепко, словно все еще боясь, что я упаду. Я чувствую его колючую шершавую щеку у своей щеки, его дыхание. Он тяжело дышит, стиснув зубы. И на какое-то мгновение я теряю голову, он кажется мне самым близким человеком во всем мире, самым родным... Но лишь на мгновение. От него резко пахнет кровью. На нем стальная кираса, холодная и жесткая, он придавил мне руку...

Я, наверно, только сейчас понимаю, что случилось. И меня трясет. Я

всхлипываю.

– Тихо, тихо, – шепчет он. – Уже все.

– Отпусти! – я дергаюсь назад.

Он послушно отпускает. Поднимается на ноги, но предусмотрительно встает, загораживая окно.

– Ты так сильно боишься меня, Тиль?

– Я ненавижу тебя.

Он кивает.

Я отползаю назад, к стене, забиваюсь в угол. Слезы подступают, я не могу их сдержать. Как же так вышло? Как вышло, что мальчик, в которого я была влюблена всю свою жизнь, вдруг вырос, и я готова умереть, лишь бы он не прикасался ко мне. Он так изменился?

Я смотрю на него и не могу понять.

Он прислоняется спиной к стене, он глядит мне в глаза. Молчит.

По моим щекам бегут слезы.

– Ты убил моего брата, – говорю я.

Он кивает. Это глупо отрицать.

– Ты убил их обоих. И Оуэна. Его ты убил тоже? Ему ведь было всего двенадцать лет! Он был ребенком!

Он качает головой. Я вижу, как желваки движутся на его щеках.

– Нет. Я думал, ты мне веришь... – он поджимает губы.

– Ты лжешь. Хаддин видел это. Я не верю тебе... Как я могу верить? Ты захватил мой город, сжег его. Ты захватил замок. Ты отнял у меня все! Ты убийца!

– Да, – холодно говорит он. – Я убийца. Я убил твоего брата, Хаддина, честно, один на один. Я захватил и сжег город. Но Оуэна – нет...

Он смотрит мне в глаза, и в его глазах я вижу лед.

– Честно? – говорю я. – Слышала, ты неуязвим? Тебя невозможно убить? О какой честности ты говоришь тогда?! Что мог сделать Хаддин?

– Что он мог сделать? – Эрнан усмехается, так криво и зло. – Ты думаешь, у него было меньше шансов, чем у меня? Ты действительно не понимаешь? Хаддин... – он не договаривает, скрипит зубами, отворачивается. – Хватит, Тиль, – говорит он, и мне становится страшно. – Хватит, я устал. Мне плевать, что ты думаешь. Можешь думать все, что угодно. Но сейчас ты встанешь и пойдешь со мной. Ты нужна мне. И тебе придется смириться. Ты станешь моей женой и сядешь на трон рядом со мной. И сегодня вечером ты будешь сидеть рядом со мной на пиру в Небесном Чертоге и принимать поздравления. Вставай.

Я чувствую, как все тело холодеет, и ужас сжимается внутри.

– А если я не пойду?

– Если ты не пойдешь, Тиль... Луцилия, если ты не пойдешь по доброй воле, я велю заковать тебя в цепи. И потащу на пир в кандалах. И все равно будет так, как я сказал. У тебя нет выбора. Идем.

Он протягивает мне руку.

И я вижу, как его пальцы дрожат.

* * *

– Убийца! – истошно орал Хаддин. – Ты убил его! Ты убил!

Когда я прибежала, Нарина уже схватили. Тогда еще его звали Нарин, а не Эрнан, я и подумать не могла, кто он на самом деле.

Они с Хаддином стреляли во дворе из арбалета. Хаддин стрелял, а Нарин бегал за стрелами. Учебными, с тупым концом. Да и арбалет у них был почти игрушечным, легким, из которого никого нельзя убить даже с двадцати шагов. Я никогда не понимала этой забавы, тем более что Хаддин был уже взрослым, ему было шестнадцать.

Но сейчас у ног Нарина лежал настоящий боевой арбалет.

А там, в кустах на другой стороне двора... Оуэн? Я даже не сразу поняла, что случилось. Не сразу поверила.

– Убийца! – орал Хаддин.

Нарин молчал. Его держали за руки, он стоял совсем белый, не пытаясь вырваться, не пытаясь оправдываться.

– Оуэн! – я бросилась было к брату, но появился отец. Он схватил меня. Не пустил. Велел немедленно идти к себе.

Я никогда не могла спорить с отцом. Не могла ослушаться.

Даже сейчас.

Отец подошел к Оуэну сам, склонился над ним.

– Ты убил его! – рявкнул, словно грянул гром.

– Нет! – И тогда я впервые увидела ужас на лице Нарина, но смотрел он не на отца и даже не на мертвого Оуэна, а на меня. – Нет! Это не я! Не я сделал это, Тиль!

Я потеряла брата в тот день. Меня даже не пустили к нему. Я рыдала у себя в комнате и весь день потом. Отец сказал: «Нечего тебе на это смотреть», не позволил даже проститься. Я не могла понять – как же так.

Я потеряла брата.

И друга потеряла тоже.

Отец велел казнить Нарина следующим утром, еще до похорон. К

нему, конечно, меня не пустили тоже. Я видела Нарина лишь издалека. Видела, как его вели к высокой скале над морем. Он шел, слегка прихрамывая, расправив плечи и высоко подняв голову. Он был совсем мальчишка тогда. Его связали, привязали к ногам камень и бросили со скалы.

Вот только тело так и не нашли. Одни говорили – его унесло течением, другие – утащили русалки. Отец был в ярости.

* * *

– Принеси воды ее высочеству, – велел Эрнан, – и новое платье. Помоги ей привести себя в порядок. Сегодня вечером нас ждет торжественный ужин.

Он привел меня в мою комнату, позвал дрожащую горничную.

Замок казался пустым, но все осталось на своих местах. Даже слуги – они попрятались, но стоило только позвать. Я так боялась, что люди Эрнана разграбят все, ведь это их добыча. Или это добыча Эрнана, а он не позволит тронуть свое? Я пока еще не понимала как будет, и что ждет нас.

Только сейчас, впервые, подумала о Маргед, жене Хаддина. Королеве... Она называла себя королевой, как только умер отец, но ведь Хаддин не успел надеть корону. Времени не было, вокруг враги, коронация так и не состоялась. Хаддин был принцем. А Маргед... он отослал ее куда-то, лишь только к городу подошли войска. Ее и маленького сына. Они спаслись? Их нашли? Я боялась подумать, что с ними будет, если найдут. Ведь если Хаддин мертв, то не я, а маленький Гаран будет наследником. Вряд ли Эрнан закроет на это глаза.

Глава 2

Вечером Эрнан сам зашел за мной.

Он тоже успел помыться, сбрить щетину. И теперь выглядел еще более уставшим и осунувшимся, эйфория победы схлынула. Он сменил окровавленные доспехи на простой черный дублет, какие носили северяне, с фамильным гербом: ворон на голубом фоне. Герб Лохленна. Эрнан король Лохленна по праву рождения и по праву, завоеванному собственным мечом. Но здесь он пока не король.

Он вошел, окинул меня придирчивым взглядом.

– Уже готова? Ты прекрасно выглядишь, Луцилия. Я рад.

И я со всего маху залепила ему пощечину. Эрнан только поморщился.

– Можешь не стараться, – сказал он. – Я ничего не чувствую, ты забыла? Ходят слухи, что я неуязвим. Так что если надумаешь воткнуть мне нож в спину, когда я сплю, то у тебя тоже ничего не выйдет.

– Неуязвим? – я протянула руку, коснулась его брови. – Тогда что это?

Бровь рассечена, и вокруг бордовый синяк, глубокая царапина на скуле. Там, в башне, он был настолько грязный, что я и не разглядела. На правой руке сбиты костяшки пальцев.

– Не трогай, принцесса, – сказал он. – Иначе я решу, что мне можно тоже.

Он провел пальцами по моей щеке, чуть приподнял подбородок. И мои щеки вспыхнули, я даже не сразу нашла что сказать. Смутилась.

– Или можно? – тихо спросил он, наклонился ко мне. Я почувствовала на лбу его дыхание.

– Нет.

Он кивнул. Отвернулся. Убрал руку.

– Эрнан, я еще... Я хочу спросить... Неужели ты правда заковал бы меня в кандалы?

– Правда, – холодно сказал он, искоса глянул на меня, вздохнул. – Не знаю, Луцилия, – добавил чуть теплее. – Думаю, я нашел бы и другой способ, попроще. Я бы взвалил тебя на плечо и потащил в Чертог. И ты бы никуда не делась.

– Я бы кричала и вырывалась.

– Да? – он повернулся ко мне и теперь смотрел прямо в глаза. – Ты визжала бы и брыкалась на виду у всех? Устроила бы истерику перед своими врагами? Я думал, принцесс учат держаться достойно, даже когда

их ведут на казнь, – злость скользнула в его голосе и даже, кажется, толика презрения.

Потом он снова повернулся ко мне спиной и пошел по коридору, не оглядываясь. Не сомневаясь, что я пойду следом.

Меня словно окатили холодной водой. Стало так стыдно и обидно разом. Так плохо. Он прав, это действительно недостойно. Нужно помнить, кто я, даже если у меня все отняли. Даже если всем плевать.

Эрнан всегда помнил. Кому, как не ему, говорить о таких вещах.

Я пошла за ним.

Побежала, едва догнала. Эрнан шел быстро, я едва поспевала за ним, запыхалась, едва не упала, споткнувшись. Он успел поймать меня под руку. Потом пошел тише.

Я смотрела на него и никак не могла понять, что я чувствую. Я ненавижу его, но... Наверно, я до сих пор не могу поверить. Я смотрю на него и вижу таким, каким он был в детстве, добрым и чутким мальчиком. Сегодня в башне он спас мне жизнь. Он всегда был готов помочь мне. Он играл с Оуэном, он вырезал для него лошадок и драконов из дерева. Он собирал для меня вишню в саду...

Как бы там ни было, я всегда считала, что с Оуэном произошел несчастный случай. Нарин просто не мог причинить ему вред. Что-то случилось, стрела сорвалась. Не знаю, как это вышло, но он не хотел.

Да, его армия взяла город. Но это его армия, не он сам. Варвары, наемники, дикие лорды с равнин. Я понимала, что это он привел их, но все равно у меня в голове не укладывалось. Это не он.

И даже с Хаддином. Мне все казалось, Эрнан меня обманул. Хаддин жив. Я скоро увижу его. Он отрекся от трона, сейчас заперт где-нибудь в башне, а может, даже ему позволили уехать. Да, он отдал кольцо, как символ власти. Но он жив.

Если бы все было так, то, возможно, я бы даже смогла принять Эрнана. Не сейчас, со временем. Когда все уляжется. И стать его женой. Я ведь помнила его все эти годы. Я ждала.

Если Хаддин жив, он где-то там со своей семьей... Все хорошо.

Небесный Чертог – огромный тронный зал с высокими стрельчатыми окнами, словно парящий в облаках над морем. Сейчас он был полон народу, еще не войдя, я слышала музыку, крики и смех. Там готовились праздновать победу, ждали лишь короля.

Эрнан подал мне руку, предлагая зайти вместе. Я покачала головой.

Двери открылись перед нами. Я видела, как он глубоко вдохнул,

словно собираясь нырнуть. В Чертоге наступила тишина. Мы вошли. Сначала Эрнан, я за ним.

Он сделал несколько шагов вперед и вдруг замер. Он обернулся было ко мне, хотел что-то сказать, но тут я увидела.

Посреди зала, между колонн, висел Хаддин вниз головой с распоротым животом. Внутренности вывалились наружу. Кругом кровь.

Я заорала.

Паника. Дикая паника захлестнула меня. В первое мгновение мне захотелось спрятаться, не видеть этого. Я в ужасе, зажмурившись, уткнулась Эрнану в грудь. И только потом поняла – ведь это он! Он – убийца! Там, у ворот вчера он обещал убить Хаддина и вспороть ему живот. Я рванулась в сторону, но Эрнан уже крепко держал меня за плечи.

– Не дергайся, – сказал он. И потом громко, чтобы все слышали: – Уберите это!

– Тебе не нравится, как мы украсили зал? – крикнул кто-то, я слышала, тот явно был уже пьян.

– Убрать! – рявкнул Эрнан так, что у меня заложило уши.

Я почти ничего не сообщала больше, у меня ноги подгибались. Эрнан подхватил меня, почти поднял, потащил за стол, на положенное место. Я даже идти сама была не в силах.

Он что-то говорил, я ничего не понимала, и мне говорил, и людям в зале. Все словно в тумане. Я зажмурилась. Боялась открыть глаза и увидеть снова. Я не вынесу этого. К горлу подкатывала тошнота.

Меня усадили в кресло, сунули в руки высокий кубок, но пить я не могла, и даже удержать в руках не выходило. Я уронила, расплескала все. Закрыла лицо руками. В животе все сжималось и подкатывало к самому горлу...

– Дыши. Дыши глубже, – услышала я голос Эрнана. – Не хватало еще, чтобы тебя стошнило прямо здесь. Можешь открыть глаза, его уже унесли.

Я всхлипнула, зажмурилась еще крепче.

Хаддин! Как же так?! Я ведь почти поверила!

– Зря ты так, мой мальчик, – сказал кто-то рядом. – Зря снял. Ты хочешь угодить этой девке? Я понимаю тебя. Был бы я помоложе, тоже мечтал бы о ее любви. Но не забывай, кто она. Лучше подумай о своих людях. Они хотели тебя порадовать.

– Если мы хотим остаться здесь, не стоит вести себя как свиньи, – холодно ответил Эрнан. – К мертвым стоит относиться с уважением. Кем бы они ни были.

– К мертвым? – тот вздохнул. – Тебе виднее. Вот только я бы

предпочел получить свое и отправиться домой. Меня жена ждет. Она, конечно, старая и толстая, но я уже к ней привык.

Я слышала, как Эрнан усмехнулся.

Мертвым... Отчего-то вспомнились разговоры, что Эрнан давно мертв, поэтому его никто не может убить. Мой отец бросил его в море, он утонул. Какая-то черная русалочья магия вернула его.

Но это все сказки.

Вдруг стало так страшно.

Всхлипнула, приоткрыла глаза.

Нет, Эрнан не мертв, конечно. Это сказки.

Хаддина уже унесли, кровь убрали. Снова громко играла музыка. Начали разносить еду, гости за столами оживились. Голова еще кружилась, но я немного пришла в себя.

– А, очнулась, – сказал старик рядом с Эрнаном. – Ты так убиваешься, а знаешь, что твой братец предлагал выдать тебя, чтобы ему сохранили жизнь?

– Что? – я сама не узнала свой голос, едва слышно.

– Твой братец, говорю, хотел подсунуть тебя под Эрнана, чтоб спасти свою шкуру.

Это не укладывалось в голове.

– Нет... Он не мог. Я не верю.

– Зря не веришь, – пожал плечами старик. – Хаддин визжал как свинья, когда Эрнан пришел за ним. Он кричал тут, что если его хоть пальцем тронут, то ты тоже умрешь, напугать хотел. Не вышло, значит?

Я мотнула головой.

Не верю.

Не сейчас.

«Тебе лучше умереть, чем отдаться ему!» – горячо шептал Хаддин. Ворота уже пали, исход битвы решен. «Тебе лучше умереть! Он чудовище! Захватчик! Узурпатор! Он хочет получить тебя, но ты не должна позволить ему! Ты не шлюха! Умереть! Иначе ты опозоришь весь наш род! Ты не должна достаться ему живой!» Он тащил меня в Небесный Чертог, но я вырвалась и убежала. Я спряталась в крошечной комнатке в Зеленой башне, тайной комнатке, о которой знала только я. И еще Эрнан. Наверно, я ждала его, хоть и не могла признаться даже себе.

«Ты должна умереть!» – звенело в ушах.

– Твой братец был той еще сволочью, – сказал старик. – И трусом.

– Не трогай ее, Ливан, – Эрнан остановил его. – Сейчас не самое подходящее время.

Я отвернулась. По щекам покатались слезы.

– Ты убил его, да? – спросила я.

– Да, – сказал Эрнан. – Я утопил его в купели в Утренней часовне.

– Утопил?

– Это было не просто, – Эрнан устало поморщился. – Принесите вина, – велел он, – тиронского, покрепче.

Когда принесли, сам наполнил мой кубок.

– Выпей, – сказал он. – Тебе поможет.

Я не хотела пить. И есть, конечно, не хотела тоже. Вообще ничего, даже смотреть не могла.

Музыка, смех и разговоры сливались для меня в общий гул, я почти не слышала ничего вокруг. Я сидела почти неподвижно, глядя в свою тарелку. Никто больше не пытался говорить со мной. Всем было не до меня. Я ни о чем не могла думать, мне все казалось – я сплю и сейчас проснусь... Проснусь, и ничего этого не будет. Все будет, как раньше.

Эрнан смеялся. Он обсуждал что-то со своими людьми, принимал поздравления, пил за победу, выслушивал клятвы верности от придворных вельмож, которые уже успели переметнуться на его сторону. И снова пил, смеялся и радовался победе. Я сидела совсем рядом, но все это доносилось до меня, словно из глубины... Словно пустота вокруг.

Я пыталась понять, что меня ждет. Боялась того, что будет.

Сейчас или потом... Я должна стать его женой? У меня нет выбора.

Этот Эрнан, сидящий рядом, казался мне совершенно незнакомым, чужим и страшным человеком. Чудовищем. Даже в башне он был другим.

– И когда коронация? – краем уха уловила я.

– Думаю, через месяц, не больше, – говорил Эрнан. – Не хочу тянуть. Мне нужны полномочия.

– А наследники? Кроме принцессы никого нет?

– Нет, – говорил Эрнан, – я все решил.

– Принц Гаран, сын Хаддина?

Я вздрогнула, резко повернулась к нему. Принц? Что с ним? Эрнан не успел ответить, встретился со мной взглядом. Что-то изменилось в его лице, хотя он все так же вальяжно продолжал сидеть в кресле, держа полный кубок в одной руке и засахаренный персик в другой. Рядом с ним на столе лежал нож, которым он только что резал мясо.

– Что ты сделал с принцем? – спросила я.

Кто-то рядом заржал. «О, ты смотри, смотри! Проснулась!» «Да ей только принцев подавай!» и что-то еще.

Эрнан молчал.

Я глядела в его глаза – совершенно ясные, трезвые, напряженные, несмотря на бурное веселье вокруг. Я видела, он пытался что-то решить. Соврать?

– Что ты сделал с ребенком? – повторила я, голос дрогнул.

В глазах Эрнана сверкнула какая-то страшная невероятная злость.

– Я убил его, – резко бросил он. – Его я тоже убил, поняла? Чего ты ожидала?

Я вскрикнула.

И даже не знаю, что на меня нашло. Никогда бы не подумала, что способна на такое.

Я подскочила, схватила нож и...

Конечно, я не успела. Эрнан перехватил мою руку.

Мы оба теперь стояли. Я сжимала нож в руке, он держал меня за запястье.

И вокруг тишина.

Стало так тихо, что слышно было, как море шумит далеко внизу. Ни единого звука.

– Она хотела убить короля? – осторожно сказал кто-то.

– Это покушение!

Все, конец, поняла я. Это конец. Прямо на пиру. Все видели. Такого не прощают. Как глупо...

Эрнан обернулся к ним. Так широко и беззаботно ухмыльнулся.

– Вот эта дикая кошечка по мне! – сказал он громко. – Любит выпустить когти! Ничего, я с ней справлюсь!

Резко притянул меня к себе, крепко прижал, обнял. Я забилась было в его руках, пытаюсь вырваться, но сделать ничего не могла. Он был страшно силен, его руки казались железными, нечеловеческими. Чуть надавил на запястье, я вскрикнула, выронила нож.

А потом он поцеловал меня...

Я еще пыталась дергаться. Мои руки вдруг оказались свободными, я принялась колотить его, но он, кажется, даже не чувствовал, ему было все равно. Одной рукой он прижимал меня к себе, обхватывая за талию и спускаясь все ниже... другая рука поддерживала шею и затылок, и мне некуда было деваться. Я пыталась оттолкнуть его, но что толку. Так близко... Я чувствовала, как гулко и быстро колотится его сердце. И еще, как сильно он хочет меня ...

Он поцеловал... Он обнимал меня так уверенно и по-хозяйски, но поцелуй был нежный, даже осторожный. Сахар от персика на его губах. И я совсем не чувствовала запах вина, хотя, казалось, он выпил уже боценок.

Его губы... словно обожгло огнем. Меня еще никто и никогда не целовал. Я никогда... Еще в детстве я пыталась представить, как это бывает, и в моих мечтах это всегда был Нарин. Эрнан. Я знала, что это невозможно, но в мечтах я всегда представляла его. А теперь... У меня закружилась голова. И подогнулись ноги. Все поплыло, все провалилось куда-то. Все исчезло, словно мы одни в целом мире. Я затихла, почти повисла на его руках, и в какой-то момент мне показалось даже, что я готова ответить...

Эрнан чуть отстранился.

В его серых глазах был лед.

– И это все? – тихо-тихо сказал он. – Так просто? Ты уже согласна?

Словно пощечина.

Меня бросило сначала в жар, потом в холод. Затрясло. Лицо вспыхнуло. Мне казалось, я сейчас умру, провалюсь сквозь землю.

Я толкнула его, попыталась освободиться. Он ухмыльнулся.

Вокруг смеялись. Улюлюкали. Какие-то шутки в мой адрес... пошлые шутки... кто-то советовал продолжить в спальне, кто-то кричал, что и эта крепость храбро сражалась, но уже готова пасть и открыть победителю ворота... и слава королю!

Меня трясло.

Еще немного, и я упаду в обморок.

Лучше бы я умерла тогда. Лучше бы прыгнула в окно сразу, и Эрнан бы не успел. И ничего бы этого не было.

Он наклонился, поднял нож, сунул за пояс.

– Думаю, нам действительно стоит уединиться! – весело и громко объявил он. – Простите, что оставляю вас, но надо и эту осаду довести до конца. Отдыхайте! И за победу!

– За победу! – грянул Чертог. – Слава королю!

Эрнан поднял бокал, залпом выпил все до дна и швырнул об пол.

– Идем, – он взял меня за руку.

Я не смогла толком сделать и пары шагов, ноги не слушались, я чуть не упала.

Тогда Эрнан подхватил меня на руки и понес.

Он так и нес до самой моей спальни, через весь замок.

Сейчас...

Паника. У меня темнело в глазах, все сжималось внутри, и от волнения стучали зубы.

Пинком ноги он открыл дверь. Я чуть не закричала, страшно боясь того, что сейчас будет. Но он пронес меня мимо кровати на балкон. Усадил

в кресло. Солёный свежий морской воздух пахнул в лицо. Ночная прохлада. Треск цикад в саду под окном.

Он присел рядом.

– Как ты?

Я смотрела на него и ничего не могла сказать. Не знала, что и думать. Все так перемешалось.

Он потянулся было ко мне, но я со страха вжалась в кресло, чуть не закричала.

Он улыбнулся. Лишь легонько коснулся губами моего лба.

– Не бойся, Тиль, я не трону тебя. – Страшная усталость в его глазах. – Посиди немного на воздухе и иди спать. Это был тяжелый день, и завтра будет не лучше. Отдохни.

На глаза навернулись слезы, губы дрогнули... Я сейчас расплачусь.

– Ты не против, если я посплю тут у тебя? – сказал Эрнан. – Если сразу пойду к себе, начнутся пересуды. Зачем давать лишний повод?

Я неуверенно кивнула.

Он поднялся на ноги.

Не знаю, сколько сидела так. Сначала тихо плакала. Потом рыдала в голос, почти захлебываясь, всхлипывая. Потом просто сидела, глядя на море.

Страшная опустошенность накрыла меня.

Ни горя, ни боли, только безграничная пустота.

Я потеряла все. Всех близких людей. Отец умер чуть больше месяца назад, а потом... потом все это. Даже Гаран. Он только родился. Отец даже не видел его, не успел. А теперь...

Когда-то, когда я только слышала, что Эрнан вернулся и вернул себе Лохленн, я тайне мечтала, что однажды он придет за мной. Заберет меня с собой. И мы будем счастливы.

Он пришел.

Только счастливы мы никогда не будем. После всего...

Этот Эрнан – совсем не тот мальчик, которого я знала. И никогда уже не будет прежним. Слишком много всего между нами.

Я встала. Заглянула в спальню.

Он действительно спал там, на маленьком диванчике в углу, сняв сапоги, неудобно поджав длинные ноги, подсунув руку под голову.

Король Лохленна.

Я подошла.

Он не слышал. Он глубоко и ровно дышал во сне, хмурился, ему что-

то снилось... Тяжелый день... Еще утром шел бой. А для него, я думаю, этот бой не прекращался последние две недели, когда они брали город, а потом крепость. Две недели непрерывных боев. Его видели у стены, на улицах, он всегда был со своими людьми, впереди, и днем, и ночью. У нас шептались – он вообще не человек. Демон, вернувшийся из Табера, царства теней.

Жестокий демон, несущий смерть, не знающий усталости.

Не знающий жалости.

Даже к младенцам.

Тварь, вернувшаяся с того света.

И все же я слышала, как бьется его сердце. Его можно убить?

Нож у него за поясом.

Он спит.

И мне уже почти все равно, что будет со мной. Если я смогу хоть раз попытаться...

Я подошла. Стараясь очень тихо, не шуметь и почти не дышать. Не разбудить его. Протянула руку.

Рукоять была теплой. Я взялась, осторожно потянула. Сначала никак не выходило, пришлось сильнее, так старалась, даже закусил губу. Осторожно, чуть покачивая, ничего не задевая.

И мне почти удалось, но тут он открыл глаза.

Я отшатнулась, отпрыгнула назад. Но нож остался у меня, я смогла.

Эрнан сел. Он смотрел на меня, на нож, на то, как дрожат мои руки.

– Ты так хочешь убить меня? – сказал, наконец. – Хорошо. Давай. Попробуй убить, и закроем этот вопрос раз и навсегда.

Попробовать? Он издевается? Что я могу сделать против него? Он воин. Хочет, чтобы я дралась с ним?

Эрнан поднялся на ноги.

– Давай, Тиль. Попробуй, ударь меня, – он развел руки в стороны. – Я даже не буду тебе мешать. Давай.

Что это за игры? Что он задумал?

Я не понимала.

– На тебе кольчуга, да? Там, под одеждой?

Он покачал головой. Расстегнул застёжки, снял дублет, оставшись в тонкой сорочке.

– Никакой кольчуги, – сказал он. – Я могу совсем раздеться, но, думаю, понятно. Попробуй, ударь.

Оцепенение напало на меня. Я стояла и не могла поверить.

– Давай, – Эрнан сам шагнул ко мне. – Ты должна увидеть своими

глазами. Убедись. И больше уже не лезь ко мне с этим. Ударь.

– Тебя нельзя убить, да?

– Убить можно, – сказал он. – Но не так, придется постараться. В конце концов, я снял его с мертвого... с убитого врага, – он криво ухмыльнулся. – Давай, ты все равно не поверишь, пока не увидишь.

Я мотнула головой.

Не могу.

Тогда он взял меня за руку. За ту руку, в которой я держала нож, сам сжал мои пальцы, чтобы я не выронила. Поднял, направил острием себе в грудь и вдруг резко дернул на себя со всей силы. Я едва не упала. Мне показалось, нож ударился в камень. Во что-то твердое, и отскочил, отдавшись болью в руке. Взвизгнула сталь. Эрнан моргнул и выдохнул почти с облегчением, так, словно и сам он видел это впервые, не очень представляя, как все будет.

– Поняла? – чуть хрипло спросил он. – Давай сама. Ну?

Я замороженно ткнула его в грудь снова. Потом еще, сильнее. И снова. Я вложила в это весь ужас, всю боль, все желание отомстить... И еще! За всех, кого он убил! С размаху. И снова!

– Хватит, – Эрнан поймал меня за руку. – Убедилась?

Словно очнулась.

Сорочка на нем порвана, свисает клочьями. Неужели это все я?

– Ты... ты вообще человек? – шепнула я. – Говорят, ты демон? Мертвый. Поэтому тебя невозможно убить.

Он покачал головой.

– Всего лишь защитный амулет. Если я сниму его, ты сможешь проткнуть меня насквозь, и я умру. Но не пытайся снять сама. С живого хозяина против воли снять невозможно. У тебя не выйдет. И давай без глупостей. В следующий раз я не стану просто стоять и смотреть.

Эрнан повернулся, подобрал сапоги и куртку.

– Скоро утро, – сказал он. – Отдохни.

Глава 3

Погребальные костры уже сложили.

Три костра на берегу.

Хаддин. Маргед. И Гаран. Кто-то говорил, надо положить ребенка к матери, но Эрнан сказал: «нет». Пусть идет в Табер сам, своим путем, он принц. У Эрнана были свои счеты с мертвыми и свои взгляды.

Я стояла рядом, смотрела и понимала, что уже почти ничего не чувствую. Пустота. Все слезы закончились. Все выгорело. Одна пустота. Ни слез, ни горя, ни ненависти.

– Подойди, – тихо сказал Эрнан. – Подойди к ним, прости. Только тихо.

Я удивленно посмотрела на него. С какой стати ему указывать?

Нет. Я уже простила с ними в своей душе, я уже достаточно видела в Чертоге и больше не вынесу этого. Я закрываю глаза и вижу снова. Хватит. Они мертвы.

Если я подойду, то разрыдаюсь при всех. Но плакать нельзя.

Совсем недавно я проводила в Табер отца. Теперь брата. У меня больше никого не осталось.

– Возьмешь факел? – спросил Эрнан.

Я покачала головой.

– Это должен делать мужчина.

– Это должен делать близкий родственник, – сказал он сухо. – У них тут, кроме тебя, никого нет.

– Ты не имеешь права говорить об этом.

– Не имею, – согласился он. – Как хочешь.

Жрец Темного уже закончил напутственные песни, священный огонь трепетал перед ним, выбрасывая в воздух искры. Пора.

Эрнан подошел сам. Я слышала, как в толпе зашептались – он убийца, он не имеет права. Но он король. И никто не посмеет сказать ему это в лицо.

Эрнан опустился перед жрецом на колени. Тот что-то шепнул ему, Эрнан покачал головой. Мне кажется, жрец тоже был не доволен. Он медлил. А Эрнан терпеливо ждал на коленях, склонив голову, как подобает.

Но спорить не время.

Жрец взял в руки нож, трижды пронес его над пламенем. Потом срезал немного волос с головы Эрнана, бросил в огонь. Взял его руку, провел по

ладони острием, и несколько капель крови скатилось, и священный огонь вспыхнул снопом искр, затрепетал.

Эрнан поднялся на ноги.

– Эдн, Великий Орел, я зову тебя! – Его голос звучал громко и чисто, кажется, даже в самых последних рядах собравшихся было слышно. – Спустись и возьми эти души, подними их на свое крыло, отнеси их во мрак! Пусть дорога ваша будет легка!

В небесах, над головой, раздался орлиный клекот.

По толпе прокатился вздох. Орел! Такое бывает не часто. Говорят, это добрый знак.

На меня напало странное оцепенение.

Я смотрела, как Эрнан берет факел, зажигает его от священного огня, подходит, подносит сначала к стопке хвороста у ног Хаддина, шепчет слова молитвы, и сухие ветки вспыхивают огненной стеной. Потом к Маргед. Потом к Гарану. Убийца. И все же: *«к мертвым стоит относиться с уважением»*, я почему-то уверена, что он все делает правильно. Они найдут последнее пристанище там. Дорога будет легка и сон безмятежен.

Убийца.

Если смогу, я отправлю Эрнана вслед за ними. Теперь мне тоже есть кому мстить. Нужно только понять как. Боги, клянусь вам! Я отправлю убийцу вслед за ними, я сделаю это.

Кружится голова.

Дым пахнет сандалом и миртом. Искры трещат. Сейчас займутся крупные бревна, а потом... Я отворачиваюсь. Вдруг щиплет глаза.

Наверно, мне стоило все сделать самой. Я единственный близкий родственник. Но теперь поздно.

Они уже ушли. Орел забрал их.

Эрнан возвращается на свое место, стоит, хмуро глядя в небеса.

– Так странно, – тихо говорит он, – по моей вине погибли тысячи людей. Я затеял эту войну, я повел их. И погибли не только солдаты, но и простые люди. Случайные. В своих домах, на улицах. Ты видела, что творилось на улицах, когда вошли войска? Я видел. Резня. Погибли женщины, дети, такие же, как и те, что лежат сейчас на костре. Ничем не лучше и не хуже. Не я их убил, не своей рукой, но все же. Но винить меня будут только за этих.

– Боги рассудят за всех.

– Пожалуй, – соглашается он.

В ноздри бьет запах горелого мяса.

Я пытаюсь отвернуться, становится нехорошо.

– Ты умирал, Эрнан? Ты был там?

Он как-то очень буднично пожимает плечами.

– Не знаю. Может, это был только сон. Я помню, как спускался в глубокий колодец. Помню свет... Не знаю, Тиль. Я умирал, но не знаю, умер ли до конца. Я помню удар об воду, меня оглушило, из носа хлынула кровь. Помню, как камень тянул меня вниз, как я задыхался, как горели и разрывались легкие, но... Не знаю.

– Страшно было?

– Страшно было сидеть и ждать утра. Знать, что будет. Страшно было подниматься на скалу. А там, в воде – уже нет.

– Оуэн умер быстро. Не успел испугаться.

Эрнан трет ладонью лицо, потом поворачивается, долго пристально смотрит на меня, словно желая что-то понять. Я отвожу глаза. Я уже и сама не знаю, зачем начала этот разговор.

– Ты любила своего брата? – вдруг спрашивает он. – Хаддина? Ты любила Хаддина, Тиль? Тебе дорога память о нем?

У меня все сжимается внутри. Кажется, я знаю, что он сейчас скажет. Всегда знала. Но я не хочу.

– Память – это все, что у меня осталось, – говорю я. – Ты отнял у меня все. Не отнимай хотя бы это.

Он кивает.

Пустота.

* * *

– Луцилия! Как я рада!

Флир ждала меня. И я, наконец-то, вздохнула с облегчением – хоть с кем-то можно поговорить, поплакать у кого-то на плече. Хоть кто-то, кого я действительно рада видеть! Пустота угнетала, я уже думала – она полностью захватила меня. Но улыбка Флир придавала немного сил.

Флир – дочь лорда Корсена, распорядителя королевской охоты, всегда веселая и беззаботная, мы давно дружны с ней.

Последние дни я не видела ее, не представляла, что случилось. Только бы все было хорошо.

– Как ты, Флир! Как твой отец?

Я боялась, она скажет, что Эрнан убил и его тоже. Боялась того, что могло случиться с ней самой, ведь замок полон солдат, и захватчики не церемонятся...

– Все хорошо, не волнуйся, отец уже присягнул на верность Эрнану. Ты разве не видела его на пиру?

Я даже вздрогнула. Как все просто.

Как все просто для нее. Отец присягнул, и волноваться не о чем. Тот король или другой – не важно.

– Нет. Мне было не до того.

– Ах, прости... – Флир на мгновение смутилась, но лишь на мгновение. – А Расскажи, как он?

– Кто?

– Эрнан! Он такой красавец! А в постели он так же горяч, как в бою? Меня передернуло.

Не удивило, пожалуй, но возмутило. Как можно?

– Он просто чудовище.

– Так плохо? – удивилась Флир. – Он был груб с тобой? Тебе не понравилось?

– Он убил моего брата! Он убил Маргед!

– Ну, Маргед... ты же ее терпеть не могла? А твоего брата давно стоило придушить, поделом ему.

Я не могла в это поверить. Вся эта война, все ужасы ничего не значили для нее? Все то, что случилось... И словно ничего не было. Словно так и должно быть.

– Что ты такое говоришь, Флир?

– Твой брат был той еще скотиной, уж прости. Как вспомню...

– Он был моим братом!

– Прости, – Флир нахмурилась. – Но, насколько я помню, твой отец когда-то убил всю семью Эрнана, а теперь он пришел и убил твою. Он имел полное право. Вы в расчете. Ты же всегда мечтала о нем?

– Нет.

Я отвернулась.

Мечтала. Но не так. Я была глупой девочкой и не понимала...

Как можно такое говорить? После похорон!

Мне хотелось прогнать ее. И в то же время я боялась вновь остаться одна. Боялась пустоты.

– Ну, так как он?

Флир обошла меня и присела на край диванчика, того самого, на котором спал Эрнан. Ей хотелось подробностей. Она была свежа и весела с утра, ей хотелось новых историй и подвигов. О! О подвигах Флир я знала многое. Ее отец, несмотря на звание лорда, скорее формальное, был совсем не богат. Не знаю, какими землями он владел, и владел ли вообще. У Флир

не было шансов удачно выйти замуж, зато была цветущая красота.

Зачем ей еще и это? Зачем ей знать об Эрнане?

– Никак. Ничего не было.

– Не было? – удивилась Флир. – Ты пыталась зарезать его на пиру? Он поймал тебя и страстно поцеловал, потом поднял на руки и понес сюда. Говорят, он нес тебя всю дорогу, до самой спальни, по всем лестницам и переходам. И ты хочешь сказать, что после этого ничего не было? Он принес, и? И ничего?

– Ничего, – сказала я. – Я упала в обморок и очнулась только к утру.

Флир недоверчиво смотрела на меня.

Ну вот, я уже сама начинаю врать. Зачем? Неужели я в чем-то виновата?

– А пока ты спала? Он... ну, он нет? – Флир пыталась понять. – Он ничего не сделал с тобой?

– Нет, – резко сказала я.

Мне начинало казаться – лучше пустота, чем это.

– Ты уверена?

Еще немного, и я... сама убью ее.

– Оставь меня, Флир. Я хочу побыть одна.

Она заулыбалась вдруг, словно поняла это как-то по-своему.

Я не могу.

Почему я должна оправдываться?

Что я должна объяснять? Что он не тронул меня? Почему? Потому, что не хотел причинить мне боль? Потому, что он...

Он любит меня? Или я не знаю чего-то важного?

На глаза навернулись слезы.

Он убил моего брата. Иногда душу можно ранить сильнее, чем тело.

– Оставь меня, Флир, прошу тебя, – попросила я. – Не сейчас.

Я вышла на балкон.

Там, внизу, вдалеке, шумело море. Белые барашки пены на сияющей лазури, еще не шторм, лишь легкое волнение. Небо синее-синее, и лишь у горизонта, почти у самой кромки воды, шла черная туча. Надвигалась гроза?

Ветер нес запах мирта с каменистых склонов. И аромат кипарисов – такой густой и терпкий. Камни нагрелись на солнце...

На берегу пусто.

Дым погребальных костров уже иссяк, пепел собрали.

Все кончено.

И еще отсюда видна Соленая башня над воротами, ведущими к набережной, кусок стены, и головы на стене. Даже отсюда я вижу их. Из своего окна. Каждый раз, глядя на море, я вижу мертвые головы.

Сначала две, потом добавилась еще одна.

Мародеры, как сказал Эрнан. Я не знаю этих людей, кто-то из тех, что пришел с ним. Да, он жесток даже к своим. Я ужаснулась, попросила снять, но он только покачал головой. Пусть остаются, чтобы все видели.

«Если хоть раз позволить им и закрыть глаза, город будет разграблен за пару дней».

Теперь это его город. И он никому не позволит портить свое.

Так будет с каждым.

Наверно, он прав. Но каждый раз, глядя на них, я понимаю, что он убийца. И пусть даже эти головы он срубил не своей рукой. Он не тот мальчик, которого я знала. Того Нарина больше нет. Все изменилось.

Нужно помнить об этом и никогда не забывать.

Пока он сдержан и даже добр со мной, но не стоит забывать о том, зачем он пришел.

Захватчик.

Нужно понять, чего мне ждать.

* * *

– Тиль?

Он поднялся мне навстречу.

– Не помешала? – спросила я.

Эрнан занял отцовские комнаты. Просторный светлый зал, рабочий стол у окна весь завален бумагами, с краю примостился одинокий кувшинчик вина.

– Нет. Заходи, Тиль.

Не знаю, правильно ли я поступаю?

– Я пришла поговорить. Хочу понять, чего от тебя ждать. Обсудить. Ведь даже с врагами нужно уметь договариваться, правда?

– Правда, – сказал он. – Я бы тоже хотел кое-что узнать у тебя. Ты обедала?

– Немного. Я не голодна.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда просто посиди со мной, я как раз собирался. Хочешь виноград? Или соленые оливки? Вина?

– Вина, пожалуй, – согласилась я.

Эрнан усадил меня за небольшой столик, в кресло. Удивительно, но я никогда не сидела здесь, никогда не обедала с отцом, он не звал меня. Я даже не уверена, что вся мебель стояла именно так, как раньше. На столе уже ждала миска с изрядно остывшим рагу, немного нарезанного мяса, сыра, оливки и свежая зелень. Мальчик, слуга Эрнана, принес мне еще один бокал и кувшинчик вина, Эрнан отослал его.

Сам налил мне немного, себе взял бокал, стоящий у него на столе, среди бумаг. И, наконец, сел напротив.

– У тебя много дел? – спросила я. – Некогда даже перекусить?

Он улыбнулся.

– Раз уж мы об этом, скажи, насколько ты вообще в курсе состояния дел? Казна? Долги? Важные договора? Я так понимаю, отец не посвящал тебя? А Хаддин? Что ты знаешь?

Я пожала плечами.

Хаддин тоже меня не посвящал.

– Не много, – сказала я.

Эрнан улыбнулся. Отпил несколько глотков, поставил бокал на стол.

– Дипломатично, – сказал он. – И все же? Ты боишься выдать мне какие-то тайны? Или просто не знаешь?

– Скорее не знаю. Думаю, ничего нового для тебя. Основная торговля с Фаннаром и Лотой – масло, вино, дерево, серебро. Гилтас и Тир платят нам дань зерном, Диджас – золотом. Мы платим дань Тоуру, морскому царю, но это скорее дань традиции.

– Традиции... – Эрнан покачал головой. – Хорошо, я понял.

Он взял пару оливок.

– Нашего повара ты убил тоже? – спросила я. – Обычно он мог приготовить что-то получше вчерашнего мяса и тушеной морковки... что там у тебя? Бобы с луком?

– У нас пустые склады, Тиль. Городские амбары сожгли еще на прошлой неделе. Все, подчистую. Поля сожжены. Окрестные деревни выгребли до основания. Будут ли поставки из Тира – сказать сложно, мне они, боюсь, могут отказать. Казна пуста. Дороги сейчас опасны, так что купцы придержат товар, и с торговлей будет плохо до лета как минимум. Нас ждет голод. Не нас с тобой, конечно, но город в целом. Бобы с луком – неплохой вариант, дешевый. Жизнь научила меня ценить даже сухие лепешки.

– Казна пуста? – я не поверила.

– Возможно, Хаддин припрятал что-то от меня. Но, судя по бумагам, проблемы с долгами уже давно, – Эрнан отпил вина. – Прости, Тиль, ты

тоже хотела о чем-то поговорить?

Мне стало как-то неловко. Мои проблемы какие-то мелкие по сравнению с этим.

И все же.

– Что будет со мной? – сказала я.

– Ты будешь королевой, – сказал он.

Это прозвучало так... Словно награда. Словно Эрнан решил назначить меня на важный государственный пост. Деловое решение. Сказал – королевой, а не его женой.

– А если я не хочу?

Он откинулся на спинку кресла, разглядывая меня.

– Есть другие варианты, Луцилия. Твой отец тоже собирался выдать тебя замуж, думаю, ты понимаешь. Причем обещал тебя не единожды. Я нашел три договора, скрепленных печатями, от него и еще парочку обещаний от Хаддина. Должен признать, отец был более добр к тебе, по крайней мере, он собирался выдать тебя за короля и двух принцев. В Гилтас, Фаннар и Кидарис. Хаддин – лорду Дэйкину и Орсу в Тааракар. Орс даже не лорд, скорее богатый торговец, очень влиятельный – этого не отнять, и он обещал в обмен на тебя подкинуть денег в казну. Это еще раз подтверждает, что дела шли совсем плохо.

Мне казалось, будто землю выбили из-под ног.

Растерянность... даже не ужас, просто растерянность. Этого не может быть.

– Я не верю.

– Хочешь, я покажу тебе? – предложил Эрнан.

– Нет.

Это уже слишком. Нет, я не хочу сейчас на это смотреть.

– Не представляю, как бы твой отец, и особенно Хаддин, выкручивался бы, когда все эти короли и торговцы пришли бы за тобой.

Эрнан улыбался, ирония звучала в его голосе, но вот глаза смотрели очень серьезно.

Я глубоко вдохнула.

Нет. Я не могу поверить.

Потянулась, взяла бокал с вином, почти не глядя сделала большой глоток. Я видела, Эрнан попытался было остановить меня, но не стал. Большой глоток, и еще, хоть немного прийти в себя... Я только потом поняла, сморщилась.

– Что это?

Эрнан широко улыбался, теперь уже совершенно честно, и глаза

смеялись тоже.

– Это мое, прости, Тиль. Ты схватила мой бокал. Твой вот. Ничего особенного, просто очень сильно разбавленное вино.

– Разбавленное?

– Вода. Не бойся, ты не отравишься, – он вздохнул. – Если честно, то очень хочется хорошенько напиться и не думать ни о чем. Вот прямо надраться до беспамятства и проваляться дня три. Но пока не выходит. Я так мало спал в последнее время, что, боюсь, меня свалит с пары глотков. А еще нужно кое-что решить.

Я смотрела на него.

Все это как-то не укладывалось в голове.

Разбавленное вино, бобы с луком, уставшее, осунувшееся лицо, круги под глазами. Победитель. Король. Только вчера взявший город, получивший все...

– И вчера тоже? – тихо спросила я.

Он кивнул.

– Вчера вообще только воду. Если бы пил вино на пиру, то не смог бы ограничиться одним поцелуем. Порадуйся. И так, знаешь...

Он отвернулся. Поджал губы.

Разбитая бровь, синяк у него на лице из бордового стал густо-синим, желтоватым по краям, скоро начнет сходить. Царапина на скуле. Как же это вышло? Я ведь пыталась убить его, я видела, что это невозможно, даже поцарапать. В чем секрет?

Небо за окном совсем потемнело, еще немного, и начнется гроза. Я уже слышала далекие раскаты, молния сверкнула на горизонте.

Веселье закончилось.

Стало как-то не по себе. Совсем неудобно. Неловко.

– А как собираешься выкручиваться ты? – тихо спросила я. – Когда все эти короли и торговцы придут за мной?

– Я узурпатор, а не преемник, – хмуро сказал Эрнан. – От меня не ждут соблюдения старых договоренностей. Я просто оставлю тебя себе, и пусть проваливаются.

– Почему?

Глупый вопрос.

– Потому, что я люблю тебя. И никому не отдам.

Тихо и просто, словно это не признание. Словно...

Он даже не смотрел на меня. Куда-то в сторону, все так же хмуро, стиснув зубы.

Потом встал, вышел на балкон. Подставил лицо первым каплям дождя.

С улицы пахнуло прохладой.
Мне, наверно, стоит уйти.

Глава 4

Бабочка у окна.

Мертвая бабочка лежала у окна, сложив крылья. Почти высохшая, невесомая.

Когда-то в детстве я умела оживлять бабочек. Я брала их, клала на одну ладошку и накрывала второй. Я представляла, что бабочка сейчас спит, ей снятся сны, какие-то чудесные цветочные сны, в которых небо и солнце, и у нее все хорошо. Сейчас она проснется и полетит. Потом я открывала руки, тихонько дула, и бабочка просыпалась. Иногда взлетала сразу. Иногда долго лежала на боку, подергивая лапками, но потом все равно поднималась, расправляла крылья.

У меня всегда получалось.

Однажды я даже оживила птичку, найденную в саду.

Я так радовалась. Мне было, наверно, пять лет.

Только няня сказала, что птичка просто замерзла ночью, уснула, а я отогрела ее своим дыханием. Ничего особенного не произошло. Никакого чуда.

Отец был в ярости. Он сказал, что если я еще раз, еще хоть раз сделаю что-то такое, он велит запереть меня в башне и не выпустит, пока не придет пора выдать замуж. Потому что принцессе не подобает делать такое. Потому что людям, которые умеют такое, уготована особая судьба. Я должна забыть. Иначе скитальцы заберут меня. И я ему больше не дочь.

Этими скитальцами пугали долго. Но я даже не знаю, были ли они на самом деле, или это все сказки. Древние сказки о древней магии.

Больше никаких бабочек.

Я была послушной девочкой, а потом выросла и забыла.

Теперь у меня нет отца, и уже никто не заберет.

Бабочка у окна.

Я осторожно взяла ее, положила на ладонь. Неужели я правда могла бы сделать это? Представить, что она спит, накрыть другой рукой. Какие сны снятся бабочкам?

Бабочка у меня между ладонями.

Что нужно сделать?

Я пыталась представить изо всех сил. Она спит. Просто спит.

Теперь открыть ладони и подуть?

Открыть... крылышко сломано, на пальцах пыльца.

Если подуть...

Я очень хотела, очень старалась все делать правильно.

Но ничего.

Я дула, но бабочка не оживала никак. Я пыталась повторить все снова, от начала до конца. И снова ничего.

Ничего не выйдет. Я была ребенком, теперь все иначе. Это была игра, не на самом деле. Я просто не помню. Ничего не было. Няня права, я не оживляла их, бабочки просто спали. Мне только казалось, что я оживляю их.

Чудес не бывает.

Вдруг слезы навернулись на глаза.

На что я надеюсь?

Мне все равно никого не оживить. Остался лишь пепел.

* * *

Убийц бросали в море с Костяной скалы. Не Эрнан был первый. Решив казнить его, отец всего лишь следовал традиции.

Так было раньше, а потом море отступило, под скалой обнажились камни и пляж. Можно было продолжать скидывать на камни, с такой высоты это верная смерть. Но отец решил иначе. После Эрнана убийц он вешал без затей. Или рубил им головы, если злодеи были знатного рода. Думаю, ему просто не хотелось снова вылавливать тело и гадать, где оно может всплыть.

Когда рубишь голову – тут уж наверняка.

Эрнану удалось выжить.

Говорят, русалки спасли его.

Может быть, даже сама Ингрун, дочь Тоура, морского царя. Я видела ее.

Видела ее утром у Костяной скалы. Они с Эрнаном говорили о чем-то. Я... не знаю... Мне стало как-то не по себе. Зачем он с ней?

Видела издалека. Со скалы, сверху. Я гуляла. Я всегда любила здесь гулять и даже купаться – тихо, спокойно, недалеко от замка, но никого нет, и никто не пытался меня останавливать. Здесь можно было раздеться и нырнуть, поплавать, не думая ни о чем, расслабиться, не боясь, что кто-то увидит. Говорили, Костяная скала – проклятое место, дурное, но меня эти разговоры не беспокоили. Я не верила.

Со скалы вниз вела узкая, едва заметная тропинка, очень крутая. Я

хотела спуститься к морю, но увидела их. Внизу.

Эрнан сидел на большом плоском валуне у самой воды, сняв сапоги, закатав штаны до колен. Волны накатывались, обдавая брызгами и пеной.

А русалка сидела рядом, держа его за руку, заглядывая ему в глаза. Она приворожила его? Говорят, ни один мужчина не может устоять, если русалка его поманит. Ингрун я видела и раньше, вблизи. Она совсем как юная девушка, хотя ей больше трехсот лет. Маленькая, хрупкая, невероятно красивая, с молочно-белой кожей, зелеными длинными волосами и глазами синими, словно небесная лазурь. Я слышала сказки, что у русалок есть рыбий хвост, но так говорили лишь те, кто живет далеко от моря. У Ингрун – изящные ножки. Дети моря очень похожи на нас.

А еще они почти никогда не носят одежды, считают ее нелепой.

Она сидела рядом...

Невообразимо прекрасная, обнаженная.

Зачем он говорит с ней?

Я чувствовала, как сжимается сердце.

Она заманит его и уведет на морское дно. Что ей надо?

Но разве не об этом я должна мечтать? Чтобы она увела его навсегда? Чтобы он утонул. Умер.

Я слышала ее смех, чистый и легкий, словно серебряный колокольчик. А потом она заметила меня, махнула рукой, словно старой знакомой.

Я дернулась назад. Я готова была провалиться сквозь землю.

Нет, я не слежу за ними, это вышло случайно!

Но все еще слышала ее веселый смех.

Хотела тут же броситься бежать, но все же не удержалась, осторожно выглянула еще раз. Эрнан уже взбирался по тропинке вверх. Ко мне.

Облегчение на мгновение, потом паника.

Нет...

Я побежала.

Со всех ног, в платье, по высокой траве. Я понимала, что мне никуда не деться, я далеко не убегу. И совершенно не понимала, от чего я пытаюсь сбежать. Зачем? Я не сделала ничего плохого.

– Тиль! – он уже взобрался, я видела его. – Тиль, стой! Что случилось?!

Я не понимала. Но остановиться не могла. Бежать. Меня не должно было здесь быть.

И слезы...

– Тиль!

У меня подгибались ноги. Не было сил.

На какой-то кочке споткнулась, и едва не упала с разбега в траву, но Эрнан успел догнать, подхватить меня на руки. Я забилась было, пытаюсь освободиться. И тут же охнула. Нога! Как больно!

Тогда он осторожно посадил меня на траву, сам сел рядом.

– Что случилось?

– Нога очень болит... – тихо сказала я, закусила губу. Обидно и больно до слез.

– Болит? Давай посмотрю.

– Нет!

Почти паника.

Я попыталась было отодвинуться, дернуться назад, но он резко схватил меня за руку.

– Тихо. Я просто посмотрю. Главное, чтобы не сломала ничего. Если вывихнула, я могу вправить. Сиди спокойно. Я ничего плохого тебе не сделаю.

Он откинул юбку, снял туфлю с моей ноги.

Никаких возражений.

– Пошевели пальцами. Так, хорошо...

Он осторожно и вместе с тем очень уверенно прощупал ногу, сначала ступню, потом голень. Лодыжка чуть припухла.

– Сильно болит?

Я мотнула головой.

– Хорошо, – сказал он.

Помял пальцами еще немного, резко повернул, я вскрикнула, но даже почувствовала, как все встало на место. Стало лучше.

– Ничего страшного, – сказал он. – Так зачем ты убегала?

Я смутилась.

– Не знаю... я просто...

Что ему сказать, если я даже сама не понимаю?

– Что-то случилось? Ты искала меня?

– Нет. Я гуляла... я часто гуляю здесь... А потом увидела тебя и... и ее...

Кажется, я покраснела.

– Ее? – он удивился, потом ухмыльнулся так понимающе, что мне стало совсем нехорошо.

Ревность – вот что это. Я только сейчас смогла признаться сама себе, когда увидела это в его глазах.

Так не должно быть.

Он понимает лучше меня самой.

Я испугалась, что он сейчас скажет это вслух, или скажет еще что-то об этом, но он промолчал. Оставил мои чувства мне.

– Ладно, – сказал только. – Ты уж аккуратней в следующий раз. Придется снова нести тебя на руках, это уже входит в привычку.

Хотел было поднять меня, но я дернулась, попыталась отползти назад, вскочить на ноги.

– Не трогай!

Но не успела.

– Хватит. Сколько можно бегать, – он поймал меня, прижал к земле. Не больно, но очень крепко. – Перестань шарахаться от меня. Я и так ношусь с тобой, словно с ребенком, боюсь ранить твои чувства. Что опять?

– Не трогай меня... пожалуйста... Я боюсь.

Я не могла ничего с собой поделать. Было страшно. Когда он рядом, вот так, я...

Словно обжигало огнем.

Его глаза вспыхнули.

– Не трогать? Совсем? Чего я должен ждать, скажи мне? Свадьбы? Потом можно? Что-то изменится?

– Нет, – всхлипнула я. – Ничего не изменится.

Его лицо совсем близко.

– Чего ты хочешь, Луцилия? Ты думаешь, я просто отпущу тебя? И что дальше? Я скажу: «Ты свободна, иди куда хочешь!» Нет? Или ты ждешь, что я сам уйду? Верну тебе назад твою землю, заберу людей и уйду? Плюну на все, ради чего сражался? Так не бывает. Чего ты ждешь?

Злость в его глазах. Раздражение и злость.

Хотелось вжаться в землю, провалиться... умереть прямо сейчас, тут... Слезы катились из глаз.

Хотелось убить его.

– Ты пришел мстить, – сказала я. – Ты не успел отомстить отцу, но зато успел брату. Но разве я чем-то провинилась перед тобой? Что сделала я? Ты сломал мою жизнь. Я твой трофей. Игрушка без права голоса. И ты спрашиваешь, почему я бегу от тебя? Ты не понимаешь? Я тебя ненавижу!

На мгновение показалось – он сейчас ударит меня.

Я зажмурилась.

Но он отпустил.

Зашуршала трава. Он глубоко вздохнул и сел рядом. Долго молчал.

– Знаешь, – тихо сказал он, – было время, когда месть значила для меня все. Остальное просто не существовало. Я ненавидел твоего отца за то, что он сделал. Со мной, с моей семьей. Мне было пять лет, когда он

захватил Воронье Гнездо. Он думал, что я все забыл, но я помню. Он убил моего отца, убил братьев. Он отрубил им головы, насадил на пики и поставил на стене. А тела скормил свиньям. Я не видел, что стало с моей матерью, знаю лишь, что она тоже умерла в тот день. Я слышал разное... Мы с сестрой, с Дайрэ, пытались спрятаться, убежали, забились под кровать. Но он нашел нас. Дайрэ было двенадцать. Была ли она виновата в чем-то? Я ведь даже толком не понимал, что он делал с ней, я был слишком мал. Я только слышал, как она кричала. Ей было больно и страшно. Она плакала. Просила отпустить ее... А потом, когда твой отец закончил, он встал и перерезал Дайрэ горло. Столько крови... Я забился в угол, меня никто не заметил. Я пролежал там до утра рядом с мертвой сестрой.

Эрнан сидел ко мне спиной, отвернувшись, я не видела его лица.

Я... я не знала...

Нет, кого я пытаюсь обмануть. Я, конечно, знала, что случилось тогда, просто никогда не задумывалась. Это было далекой историей, случившейся едва ли не до моего рождения. Не моей реальностью. Историей о победе, завоеваниях, славе и богатой добыче. Историей о чужих людях. Я знала правду, но видела ее не так. С другой стороны.

Эрнан с усилием провел ладонью по лицу, по шее, взъерошил волосы на затылке.

– Я мечтал отомстить, – сказал он. – Я представлял, как я приду сюда. Убью всех. И на глазах твоего отца я сделаю с тобой то же, что он сделал с моей сестрой. Чтобы он все видел, чтобы он понял – каково это. А потом я убью его тоже. Я представлял себе... Эта картина мести так распирала меня, что я ходил в бордели, и на месте каждой шлюхи я представлял тебя... и как ты будешь кричать, так же, как и они... – он глубоко вздохнул. – Потом я понял, что просто мальчишка и мечтаю совсем даже не о мести. Прошли годы, прежде чем я смог добраться сюда. Твой отец умер, а с Хаддином у меня были другие, особые счеты. Мстить за то, что когда-то сделали с моей семьей, уже некому.

– А если бы отец был жив? – тихо спросила я.

Эрнан усмехнулся.

– Это ничего не изменило бы для тебя. Я просто убил бы его там, в Чертоге, вместе с Хаддином.

– Ничего бы не изменило... – повторила я. Села, подобрала под себя ноги. – А Хаддин? За что ты мстил ему? За то, что в детстве он издевался над тобой, за то, что пытался тебя бить?

– Пытался, – Эрнан фыркнул. – Он пытался бить меня, потом я бил его, потом меня бил твой отец, потом я приходил и бил Хаддина снова. Еще

неизвестно, кому досталось больше. Нет, не за это. Это ерунда, за такое нельзя ненавидеть всерьез. Ты просто многое не знаешь о своем брате. О том, что он делал и собирался сделать. Если бы Оуэн не вмешался тогда, я убил бы Хаддина еще восемь лет назад.

– Оуэн... – у меня к горлу подступил ком. – Скажи, как это вышло? Только не ври мне... Не ври мне, пожалуйста. Уаткин, наш оружейник, видел, как ты стрелял. Ты хотел убить Хаддина, а попал в Оуэна? Так?

Эрнан повернулся ко мне.

– Нет. Я стрелял в Оуэна, но стрелял поверх головы. Две стрелы поверх головы, в дерево. Его убил не я.

– А кто? Ты знаешь?

У меня даже сердце замерло. Испугалась.

– Тиль, я спрашивал уже, дорога ли тебе память. Хочешь ли ты правду? Я могу рассказать, но нужно ли это тебе.

– Ты хочешь сказать... – у меня перехватило дыхание, все сжалось внутри. – Ты хочешь сказать, что это был Хаддин? Так?

Эрнан молчал.

Нет. Так не может быть. Хаддин мог многое, но не такое. Убить брата?

– Нет! Я не верю!

Эрнан покачал головой. В его глазах была пустота.

– Ты можешь не верить, Тиль. Когда-то я думал, что смогу вернуться и рассказать, доказать тебе, что все было совсем иначе, что я не виноват. Но сейчас я ничего не хочу доказывать. Мне все равно. Это ничего не изменит.

– Я не верю тебе. Хаддин не мог! Он не мог этого сделать...

– Конечно, не мог, – Эрнан вздохнул, поднялся на ноги, протянул мне руку. – Забудь. Пойдем лучше. Я отнесу тебя домой.

Я больше не стала вырываться из его рук. У меня все равно не было выбора.

Он взял и понес, вот так просто, до самого замка и потом через двор. Мимо страшных голов на стене. Все смотрели на нас, начиная от стражи у ворот, заканчивая знатными лордами, ожидающими аудиенции короля. Он кивнул кому-то, пообещал, что сейчас примет. Он так и шел со мной – босиком, в закатанных до колена штанах, спокойно, невозмутимо.

Это мне было неловко, я пыталась спрятаться, уткнувшись ему в плечо. А ему все равно.

Далеко, и по лестницам. Уже в замке я почувствовала, что ему тяжело. Он не бессмертный демон, не знающий усталости, а всего лишь человек. Он, конечно, силен, но у всего есть свой предел. И это даже немного радовало. Просто человек.

Его руки бережно обнимали меня.
Даже не знаю, что я чувствовала. Это было так странно.

* * *

– Ты уже слышала? – Флир прибежала вечером, вся такая розовая и взволнованная, села на край кровати.

– Слышала что?

Я лениво потянулась, так и провалялась весь день, наступать на ногу было больно.

– О-о! – Флир радостно заулыбалась, она первая может рассказать свежую сплетню. – Ты слышала, что наш король собирается драться и с Тоуром тоже?

«Наш король» – резануло слух. Здесь он пока еще не король, хотя распоряжается уже как у себя дома.

– Что? – Мне показалось, я неправильно поняла. – Драться с морским царем? Что это значит?

– Да, – Флир энергично кивнула. – Ему жалко золота, а может, жалко девственниц, или и того и другого сразу. Зачем отдавать, если можно оставить себе? Он нашел договор, по которому девушек и золото можно заменить юношами, если только эти юноши смогут победить десять морских демонов. Он ищет добровольцев. Там такая шумиха поднялась.

Скоро день весеннего солнцестояния, день Тысячи Цветов, когда по традиции мы приносим дары морю, чтобы кораблям и рыбакам сопутствовала удача. Вино, золото и десять прекрасных невинных девушек, которым суждено стать наложницам Тоура, а потом, возможно, и женами кого-то из высоких вельмож. Через год девушки имеют право вернуться, но не возвращаются почти никогда.

Эрнан решил все переиграть?

– А разве демонов можно убить?

Я видела их – огромные дикие чудовища из свиты Тоура. Разве кто-то по доброй воле решится выйти против них? Это самоубийство.

– Наш король говорит, что можно. – Глаза Флир взволнованно блестели.

Я чувствовала, ее увлекают эти игры, возбуждают. Она хочет зрелищ.

– Раз он считает, пусть сам и выходит драться, – буркнула я.

– Да-да! Он и собирается выйти. Но, по правилам, нужно еще девять. Кое-кто из его рыцарей, из тех, что пришел с ним, уже готов. Киар, сын

лорда Йоса, Лохан и еще... как же? Такой высокий красавец с длинными волосами, из Сатора, говорят, в бою ему нет равных.

Эрнан собирается выйти сам? Это безумие.

Ради чего?

Мне стало страшно.

– И что, Тоур уже согласился? – осторожно спросила я. – Зачем ему это надо?

– Зачем надо – не знаю, – Флир пожала плечами. – Но король уже обо всем договорился.

Глава 5

На Ингрун было ожерелье моей матери. Слезы моря. Я видела его всего несколько раз, отец показывал мне, обещал подарить, когда я буду выходить замуж. Оно одно стоило целого состояния. Невероятной красоты сверкающие камни цвета морской волны, белое золото, как белая пена.

А теперь я видела ожерелье на Ингрун.

Сердце сжималось. Это Эрнан отдал ей? В тот день, на берегу? Я хотела спросить, но все никак не могла решиться.

Ингрун сидела рядом с отцом на высоком помосте, выстроенном прямо в воде. На ней была лишь тонкая, почти прозрачная туника, ничуть не скрывающая изгибы тела, длинные волосы волнами струились по плечам. Все мужчины, все рыцари Эрнана смотрели только на нее.

Я сидела на другой стороне, у скалы, в резном кресле под навесом.

Исар – морской принц, сын Тоура и брат Ингрун, обсуждал сейчас с Эрнаном детали предстоящего действия. Они уже осмотрели сундуки с золотом, кувшины с вином, и девушек, которые предназначались морскому народу. Я не слышала, о чем они говорят, видела лишь, что Исар злится, что-то не нравится ему. А вот Эрнан выглядел совершенно спокойным.

Мне даже показалось – он передумал. Сейчас отдаст положенную дань, перед нами выступят певцы и танцоры, потом начнется пир, и этим закончится все, как обычно. Никакой битвы. Разве что игры, не до смерти, а до первой крови.

За моей спиной рыцари нетерпеливо переминались с ноги на ногу, уже готовые кинуться в бой. Все они были совсем молоды, горячи, всем хотелось подраться. Все они пришли с Эрнаном и никогда не видели демонов в настоящем бою. Они спорили, кто будет первым и кто убьет больше, смеялись.

А вот я видела демонов в бою, однажды, когда отец пытался отказаться платить. Нет, они смертны, их можно убить. По ним стреляли огненными шарами из катапульт, весь берег был усыпан телами... Но каждый из демонов на голову выше человека, сильнее и быстрее. Один на один не справиться. Они убивали людей сотнями. Я не могла представить, на что Эрнан рассчитывал, кто из его рыцарей достаточно силен?

Демоны стояли за спиной Тоура черной стеной.

Тоур откровенно скучал.

А вот Ингрун сидела прямо и напряженно, сцепив пальцы. Она тоже

волновалась.

Наконец, Исар махнул рукой и направился к отцу. Потом долго говорил ему что-то, Тоур равнодушно слушал, лишь изредка хмуря брови.

Потом подозвал Эрнана.

– Подойди сюда! – Его голос, словно раскат грома. – Мой сын утверждает, ты хочешь обмануть нас.

Так подзывают мальчика-слугу, но не короля.

Эрнан подошел, ему пришлось влезть в воду почти по колено, чтобы забраться на помост.

Тоур долго смотрел на него, разглядывая, изучая, словно стараясь что-то обнаружить.

– Я не вижу на тебе магии, – сказал он. – Но ты же не настолько глуп, чтобы рассчитывать в одиночку победить десять моих воинов?

– Нас тоже десять! – крикнул кто-то из-за моей спины.

Я видела, что Эрнан усмехнулся.

– Твои боевые петушки чего-то не понимают? – удивился Тоур. – Ты не объяснил им правила?

Эрнан повернулся к нам, поднял руку.

– На поединок выходят двое, – громко сказал он. – Битва до смерти, тяжелораненых добивают. Победившим считается выживший. Против него выходит следующий противник. И так, пока на какой-то из сторон не закончатся бойцы. Все просто.

– Тот, кто выходит первым, должен победить десятерых или умереть, – сказал Тоур. – Первый почти всегда смертник.

Эрнан улыбался.

– Я ведь имею право выставить любого? – сказал он, и Тоур кивнул. – Тогда не вижу причин, по которым не могу выйти сам.

– Я не верю ему, – сказал Исар.

Роптание за моей спиной. Кажется, молодые рыцари начали что-то понимать.

И я тоже. Его убьют сейчас, на моих глазах.

Закружилась голова.

Я ведь должна этого хотеть? Я сама пыталась его убить.

На что он рассчитывает? Я могу поверить, что Эрнан сможет выстоять против одного демона. Он ловок и силен, он хороший воин. Если действительно Ингрουν спасла его, то и с демонами он мог быть знаком достаточно хорошо, знать их сильные и слабые стороны.

Но десять подряд!

Я видела, как пальцы Ингрουν впились в подлокотники кресла. Она

тоже боится? Она знает больше меня?

– Начнем? – сказал Эрнан.

– Снимай все, – сказал Исар. – Я хочу посмотреть.

– Хорошо, – Эрнан пожал плечами, он был готов к такому повороту. Снял куртку, рубашку, снял сапоги. – Штаны тоже снимать? Думаешь, я засунул кольцо в задницу? Думаешь, от него там будет польза? Хочешь проверить?

Я даже отсюда видела, как Исар побагровел, как гнев и раздражение захлестывают его. Эрнан издевался над ним, но Исар не мог понять, в чем подвох и что следует с ним делать.

– У тебя медальон на шее, снимай.

Эрнан снял, подержал на ладони, подошел к Ингрун.

– Пусть побудет у тебя, – сказал он. – Сохрани его, он мне дорог.

Ингрун поджала губы. Я неожиданно поняла, что она тоже злится. Рука дрогнула, она взяла медальон осторожно, словно это была ядовитая змея. Что не так?

– Дай руку, – велел Исар, вытащил нож.

– Хочешь убить меня сразу?

– Давай!

Эрнан протянул ему левую руку, Исар крепко взял его за запястье, провел по предплечью острием ножа. Тонкая красная полоса осталась под лезвием, выступила кровь.

– Ну? Хватит? – холодно спросил Эрнан.

Исар молчал.

– Начинаем! – грянул грозовой голос Тоура. – На поле!

Эрнан прыгнул с помоста, вышел на узкую прибрежную полосу. Ему принесли меч и длинный кинжал. Я видела, Исар дернулся было, наверно, оружие тоже хотел осмотреть вблизи, но Тоур остановил его.

Затрубили трубы.

Пути назад нет.

Победить десять демонов или умереть.

Мне хотелось закрыть глаза и ничего не видеть. Хотелось убежать, спрятаться. Но я уже не могла. Весь мир сжался до двух фигур на песке.

Эрнан ждал.

Он смотрел, как демон выходит вперед, разминая плечи, как берет огромный, чуть искривленный на конце меч и круглый щит в другую руку. Идет на него. Движения демона – словно движения воды, плавные, тягучие, он катится, словно гигантская волна. Неумолимо. Эрнан чуть отступает,

назад и вбок. Волна надвигается. И они кружат. Терпение демона безгранично, это стихия – неумолимая, бесстрастная, так может продолжаться вечно.

Эрнан спокоен. Он идет круг за кругом, так же плавно... вода... нет, словно рыба в воде.

Один рывок. Словно прыжок из воды! Эрнан бросается вперед, подныривая под волной. Вперед и в сторону. И прежде чем ответный удар успеет обрушиться на него, острием меча рубит демона по ногам. Демон ревет, пытается сделать шаг, замахнуться снова и падает. И Эрнан уже успевает подскочить к нему со спины. И с разбегу всаживает в него меч, а потом кинжал в горло.

Все кончено.

– Один есть! – Эрнан салютует поднятым мечом. – Давай следующего. Я слышу радостные крики за спиной. Это кажется так просто.

Еще девять.

Но следующий демон куда осмотрительнее. Его так просто уже не возьмешь, и он готов к внезапным рывкам. Он отбивает, парирует удар, и сам бросается в атаку. Эрнан уклоняется. Он уходит, словно танцуя, стараясь не сталкиваться с демоном напрямую. Демон чудовищно силен, его удар выдержать нелегко. И только раз Эрнан принимает удар левой рукой, кинжал с визгом ломается под таким напором, меч демона задевает ему ладонь. Резкий выпад, и правой Эрнан вгоняет меч демону под ребра. Отскакивает назад.

Демон качается и падает навзничь.

– Второй! – Эрнан салютует мечом.

На песок капает кровь.

– Где ты научился так драться? – спрашивает Исар.

– Меня учил Айнар, как и тебя.

Я не знаю, кто это, но Исар знает, скрипит зубами. Это многое объясняет для него.

Эрнан утирает пот, встряхивает головой.

– Можно перевязать руку? – спрашивает он. – Крови много, рукоять выскальзывает, неудобно.

– Перевязать? – Исар медлит. – Неудобно тебе?

– Да. Или ты считаешь, что я ранен достаточно тяжело, чтобы меня сразу добить? – Эрнан смеется.

– Хорошо, – нехотя соглашается Исар.

И тогда к Эрнану подбегает мальчик с кувшином воды и с бинтами, быстро промывает, заматывает. Этот мальчик... я где-то уже видела его. Он

не оруженосец и не слуга. Нет, что-то другое.

Исар следит так пристально, словно чувствуя подвох, он едва ли не сам сует нос, проверяя бинты.

Эрнан рассматривает повязку, шевелит пальцами, сжимает и разжимает их.

– Отлично, – говорит он. – Теперь давай третьего!

– Он сейчас всех перебьет, нам не достанется, – слышу смех за спиной. У него нет выбора. Если достанется им, значит, Эрнан умрет.

Мне страшно.

Но он убивает третьего, потом четвертого. И я начинаю думать, что все еще может закончиться хорошо, когда понимаю, что Эрнан устал, пока еще не слишком сильно, но до конца далеко. Он двигается медленнее и не всегда уже успевает ускользнуть из-под удара, парировать все тяжелее. Спина блестит от пота.

Пятый демон с двумя мечами гоняет Эрнана по полю из конца в конец. Сталь в его руках сверкает, словно молния, словно лопасти бешеной ветряной мельницы. К демону не подойти. Эрнан едва успевает защищаться, отбивается, и вдруг очередной взмах выбивает меч из его рук, тот отлетает, втыкаясь в песок.

Я не успеваю толком разглядеть, что происходит, но Эрнан бросается на демона с одним кинжалом, зажатым в левой руке, пригибаясь и изворачиваясь так, что кажется невероятным, и темнеет в глазах. Мне даже кажется, он пропускает удар в бок и хватает за лезвие голыми руками, дергая и выворачивая, и тут же вгоняет кинжал демону в глаз. Тот дико ревет, заваливается на бок, едва не подминая Эрнана под себя, но Эрнан успевает отскочить в сторону.

– Стоять! – орет Исар. – Что это было?! Ты что делаешь?

– Что? – Эрнан тяжело дышит, стоит над поверженным демоном, согнувшись, упершись ладонями в колени. – Я его убил. Еще пять.

– Покажи руки!

Эрнан смеется, поднимает руки ладонями вперед, и на ладонях кровь.

– Да, я поймал за лезвие. Ты так не умеешь? – В его голосе ясно слышна издевка.

– Он ударил тебя в бок! Но ничего нет.

– Он промахнулся. Ты можешь что-то доказать? Или просто придираешься ко всему подряд?

Исар долго молчит, супит брови.

– Если я поймаю тебя на лжи, то убью собственной рукой.

– Договорились! – соглашается Эрнан.

Пять. Еще столько же.

С шестым все кажется довольно легко. Долго, но легко. По крайней мере, так выглядит со стороны. Они ходят кругами, скорее присматриваясь, чем нападая, несколько единичных выпадов, пробуя силы, и вдруг короткая атака, и Эрнан широким замахом сносит демону голову.

А вот седьмой демон просто страшен. Он выскакивает на поле стрелой и тут же бросается в бой, Эрнан едва успевает приготовиться. Едва успевает отбивать яростные атаки, отступает. Он и так уже сильно устал, выдерживать напор не хватает сил.

У меня замирает сердце.

Я слышу лишь звон мечей, и он сливается в один непрерывно-долгий звук, мне кажется, это никогда не закончится. Мне страшно. Демон загоняет Эрнана в воду и заставляет отступать все дальше, все глубже. Человеку в воде двигаться намного сложнее, прибой сбивает с ног, ничего не стоит поскользнуться на мокрых камнях.

И вдруг... Эрнан падает? Или делает это сознательно? И вместе с волной он проскальзывает за спину демона и, еще не успев вскочить, бьет по ногам. И демон падает на него всем своим весом. Я почти не вижу, что происходит. Брызги, мелькают руки и тела, я ничего не понимаю. Потом я вижу спину демона, мне кажется, он пытается Эрнана утопить. Так долго держит. Я сама уже почти не дышу. Понимаю, что вскочила на ноги, еще немного, и побегу к ним...

Держит...

Демон прижимает Эрнана к земле, мне кажется, тот уже перестал дергаться.

Долго.

Холодеют руки.

Я вижу, как Ингрун напряженно вытягивается, как широко улыбается Исар.

Нет.

Нет-нет-нет!

Не может быть.

Демон все еще держит его.

И вдруг всплеск, что-то сверкает, и демон падает. И по воде расплывается кровь. И еще удар. Я почти не понимаю, что происходит.

А потом Эрнан встает. Шатаясь и кашляя. Он едва стоит на ногах, почти выползает, садится на песок.

У меня подгибаются ноги. Все хорошо. Он жив, все хорошо.

Но только впереди еще трое.

– Живой? – спрашивает Исар.

Эрнан поднимает меч на вытянутой руке, ответить не хватает дыхания.

– Тебя что, и утопить нельзя? – удивляется Исар, усмешка и издевка разом. – Умеешь дышать под водой?

Эрнан качает головой.

– Утопить как раз можно, – хрипло говорит он. – Он плохо старался!

– Так ты признаешь?

– Я дерусь честно! – Эрнан тяжело поднимается на ноги. – Следующего! Я готов.

Я падаю в кресло. Щиплет глаза, слезы катятся, я ничего не могу сделать. Я не могу смотреть. Закрываю лицо руками.

Еще три.

Слышу звон мечей. Рев демона и звон. И еще шорох прибоя. Эрнан дерется молча.

Почти не понимаю уже, что происходит.

У меня кружится голова.

Визг, словно лопнувшая струна, и в руках Эрнана только обломок меча. И демон не останавливается.

Я крепко зажмуриваюсь, мне кажется – это конец.

А потом грохот упавшего тела в тишине.

И Эрнан стоит. В его руках огромный тяжелый меч демона. Кругом кровь.

Я не понимаю, как он это делает.

Мне кажется, минула целая вечность. Всю мою жизнь длится этот бой и никогда не закончится. Невозможно...

Но и девятого он убивает тоже.

Стоит, покачиваясь, лицо в крови... из носа течет кровь.

– Я видел, как он достал тебя несколько раз, – говорит Исар. – Он чуть не сломал тебе ребра и спину, должен был сломать. Ты должен быть ранен. Разрублен пополам. Ты должен быть мертв! Это обман!

– Просто твои демоны слабаки! – Эрнан откровенно ржет. Кровь стекает по подбородку и капает на грудь, он переступает с ноги на ногу, пытаюсь удержать равновесие, его шатает. – Давай последнего, и хватит уже!

– Последнего?! А если я тоже решу, что могу выставить любого? Если я сам выйду и убью тебя?

– Ты не можешь, – говорит Эрнан, широко улыбается, и эта улыбка почти ужасает. – Ты не можешь никого никуда выставить. Это решаешь не ты.

Исар шипит что-то сквозь зубы, оглядывается на отца.

– Сядь, – говорит Тоур.

Я плачу.

Это безумие.

Он едва стоит на ногах, и то, опираясь на меч, словно на палку.

Как можно драться? На что можно рассчитывать?

Но демон выходит, и Эрнан дерется снова. Словно в первый раз. Он держит меч двумя руками, одной не выходит, не хватает сил. Но рубит так отчаянно.

Словно в последний раз.

Словно он и правда бессмертен.

Словно...

Напролом.

Даже я вижу, что увернуться он не успевает, удары сбивают его с ног, отбрасывают... Но ему все равно. И двумя руками вгоняет клинок в грудь демону.

Все кончено.

Толпа у меня за спиной взрывается криком: «Он победил! Наш король! Победа! Ура!»

Король поворачивается к Тоуру. Ждет. Если морской царь не признает победу, если усомнится – все зря.

Это должно быть произнесено.

Тоур встает.

– Ты победил, – громко объявляет он.

Исар еще пытается возразить и что-то доказать, но это больше ничего не значит.

Эрнан падает сначала на колени, потом заваливается на бок. Силы закончились. Перекатывается на спину, глядя в небо.

Но его уже подхватывают.

Победил.

Невозможно.

Я почти забыла, как сильно ненавижу его.

* * *

– Ты волновалась за меня? – Он лежал с закрытыми глазами, раскинув руки, и улыбался. – Волновалась? Я видел, ты плакала.

– Плакала с горя, что тебя никак не убьют, – фыркнула я.

И он заулыбался еще шире.

– Если бы меня убили, то забрали бы тебя. Как им такое позволить?

От него пахло вчерашним вином и потом. Он напился, лишь только немного пришел в себя после боя. Еще там, у моря. Они праздновали победу. Я видела, как двое рыцарей тащили его наверх. Он проспал весь вечер, всю ночь и большую часть дня. А потом я не выдержала и пришла к нему сама. Я должна была...

Я хотела поговорить.

Он валялся в кровати, я села рядом... было как-то неловко.

– Ты просто пьян.

– Нет, я уже слегка протрезвел, – он приоткрыл один глаз. – Голова трещит. Я пообещал им тебя. Ты же видела, девушек было девять?

– Что?!

– Иначе Исар не соглашался. Но против тебя он не смог устоять.

Я не верила своим ушам. Хотелось взять и убить его. Он издевается? Это правда? Сколько было девушек – я не считала.

– Как ты мог?

– А что? Чем ты хуже или лучше других? Юная девушка, невинная и прекрасная, – он довольно хрюкнул, засмеялся было, но тут же вздрогнул, замер, словно прихватило где-то. – Ох... Я подумал, что каждый рыцарь должен сражаться за прекрасную даму. Если на поле выходит король, то сражаться ему нужно за свою королеву. Справедливо?

– Ты ненормальный.

– Да, – согласился Эрнан. – Но если серьезно... – он открыл глаза и приподнялся на локтях. – Если серьезно, Луцилия, тебя забрали бы только в случае моей смерти. Я говорил с Ингрун, она проследила бы, чтобы с тобой обращались хорошо, как подобает. Чтобы никто не посмел тебя обидеть. Всего год, и вернулась бы, словно ничего не было. А вот как ты себе представляешь, что будет с тобой тут, если я умру? Ты станешь королевой? Кто поддержит тебя? Причем сразу, в первые дни? У тебя есть верные надежные люди, готовые тебя защищать? Стервятники устроят драку, и ты для них лакомый трофей. Побороться за трон можно чуть позже, отсидевшись в безопасности, собравшись с силами. Хотя даже так – ты не первая в очереди.

– Хочешь сказать, ты думал обо мне? – я не верила ни одному слову.

– В первую очередь я думал о своих интересах. Мне это на руку. А уж только потом – как не поставить под удар тебя. В море не так уж плохо, я полтора года жил там.

Я выдохнула.

– Тебя спасли русалки? Тогда...

– Да, – он снова упал на спину, лег поудобнее. – Между прочим, я первый король за последние триста лет, который отказался платить Тоуру и остался жив.

– Мой отец тоже пытался, – тихо сказала я.

– Пытался. Это два года назад? Когда демоны чуть не взяли город? Ну, и что он выиграл? Сотни убитых. И золота отдал в итоге вдвое больше, да еще, я смотрю, ожерелье своей жены подкинул. Что толку? Тоура силой не взять. Надо умом. Тоур стар и любит зрелища, ему нужно всего лишь подыграть.

Отец сам отдал Слезы Моря? Это невозможно...

– Ты взял хитростью? Обманул его?

– Обманул? – Эрнан засмеялся. – Никто ничего не может доказать. Все видели, но никто не может сказать наверняка. Тоур признал мою победу. Что еще надо?

– Ты лжец! Это все представление! Тебя не могли убить, ведь так? Это все... Я так...

– Ты волновалась за меня? – он был доволен. – Ради такого я готов выйти снова.

– Снова! – я вскочила, схватила первое, что подвернулось под руку, вазу со стола, и запустила в него. – Сукин сын!

Он успел закрыться, подставить локоть. Ваза разлетелась об него вдребезги.

– Принцесса, – Эрнан почти осуждающе покосился на меня, – веди себя прилично. Между прочим, я сохранил кучу денег для казны. Не знаю, считаешь ли ты достойной спасения невинность десяти простых девушек... но деньги нам нужны и вино тоже. Пригодится для коронации. Ну и заодно заслужил немного народной любви.

– Я чуть с ума не сошла! Я думала, тебя убьют! – это вырвалось само. Я до сих пор еще не могла прийти в себя.

– Не волнуйся, принцесса, – сказал он. – Все в порядке.

Эрнан лежал на спине, закрыв глаза. Неподвижно.

Что из всего этого было правдой? Я видела кровь вчера. Видела, как ему тяжело, как он устал. Или это тоже игра? Так невозможно сыграть!

Но ему ничего не угрожало?

Левая ладонь все еще замотана, на повязке засохшее бурое пятно. Правая... а вот на правой ничего нет.

Глава 6

– Помогите! – Она выскочила непонятно откуда и бросилась к моим ногам. – Помогите, прошу вас, ваше высочество!

Я испугалась. Никогда еще никто не пытался обращаться ко мне.

И никого рядом. Если бы хоть Флир, она могла бы что-то подсказать.

– Помогите! – женщина плакала. – Выслушайте меня!

Худая, страшная, в грязных лохмотьях, седые волосы взлохмачены, торчат в стороны. Я пыталась отступить, но она ползла за мной, желая, кажется, поцеловать ноги.

Как она оказалась здесь? Кто пустил?

– Ваше высочество! Только на вас вся надежда! Матушка наша, кого же еще, как ни вас, просить! Кто же еще заступится за нас, несчастных!

Что мне делать?

– Что случилось? – сказала я осторожно. – Чем я могу помочь?

– Родная наша, милая наша... да кто ж кроме тебя? Помираем мы совсем! Совсем житья не стало! И так эти вороны проклятые все вынесли, разграбили, до последней крошки из домов вынесли! Ничего не оставили! Отца убили, девочку мою убили! Осталась я с пятью малыми детками! Кушать нечего! Ни одной корочки, ни одного зернышка не осталось! Матушка, милая, помоги нам! Все померем скоро... Матушка...

Она ползла за мной на коленях. Я отступала. Но что я могла сделать?

Что ей сказать? Чем я могу помочь?

Дать ей хлеба? Нужно позвать кого-то, чтобы принесли? Конечно! Пусть принесут...

Что...

Она пыталась уцепиться за мои ноги, и мне было страшно.

Мне было жаль ее. Я готова была расплакаться вместе с ней. Но я не понимала, что делать.

– Чем мне помочь? – пыталась спросить я.

Женщина лишь завывала громче.

– Что? Мне дать тебе еды? Да? Я сейчас попрошу, и мне принесут...

Слезы подкатывали к горлу. Почти паника.

Еще немного, и я бы сама бросилась бежать.

– Помираем мы! – выла женщина. – Все эти вороны проклятые! Только вы...

Я озиралась по сторонам, надеясь, что хоть кто-то увидит и подойдет,

поможет мне. Что делать? Где-то же должны быть слуги? Стража? Так не бывает, чтобы вокруг никого!

Эрнан.

Я почти обрадовалась, увидев его.

Не такой помощи я ждала и все же на мгновение испытала облегчение.

Он быстро шел по аллее, почти бежал ко мне. И двое замковых стражей едва поспевали за ним.

Лишь на мгновение...

– Пошла вон! – рявкнул он издалека, так, что даже у меня сердце ушло в пятки, я чуть не бросилась бежать. И потом своим: – Взять ее!

– Нет! – я кинулась было, пытаюсь преградить им путь. – Не трогайте ее!

Женщина затряслась в ужасе, вскочила на ноги, но не успела.

– Убивают! – заголосила она. – Убивают, изверги! Деточки мои, сиротки...

Ее уже схватили под руки.

Меня оттеснили в сторону.

– Допросить, кто провел сюда, и выкинуть за ворота, – велел Эрнан.

– Не трогай ее! Это просто несчастная женщина!

Я готова была сама броситься перед ним на колени. Что он сделает с ней?

– Не лезь, – холодно сказал Эрнан. – Это не твое дело.

– Мое! Она пришла ко мне за помощью!

Стражники уже волокли женщину прочь. Она попыталась было вырваться, но ее ударили по лицу.

Эрнан равнодушно смотрел на это.

– Чего она хотела?

– Помощи! – у меня слезы наворачивались на глаза. – Немного еды. Они голодают!

– Все голодают, – сказал Эрнан. – И с этим пока ничего не поделать. Я уже говорил тебе: амбары пусты, дороги слишком опасны, торговли нет.

– Они умирают! Как ты можешь?!

– Могу что? – он холодно смотрел на меня сверху вниз. – У меня нет средств, чтобы накормить каждого.

– Это же из-за тебя! Война, которую ты устроил!

– Да, из-за меня, – согласился он. – Это неизбежно. Ты хочешь, чтобы я расчувствовался и пустил слезу?

– Неужели тебе все равно?

– Мне не все равно, – сказал Эрнан. – Но сейчас я ничего не могу

сделать. У меня нет возможности помочь всем. Помогу ей, и тогда придут другие.

– Хотя бы ей! Хоть кому-то! Она пришла за помощью ко мне!

– И какую помощь ты можешь ей оказать? – Почти насмешка.

Я...

Что я могу?

Я всего лишь пленница.

Задрожали губы.

– Я могла бы поделиться с ней едой, – сказала чуть слышно, голос внезапно подвел.

– Имбирным печеньем? – Эрнан криво ухмыльнулся. – Медовыми орешками? Фаршированной муреной?

У меня вспыхнули щеки.

Как он может!

Я...

«Бобы с луком – неплохой вариант, дешевый. Жизнь научила меня ценить даже сухие лепешки». Это воспоминание так и встало у меня перед глазами. Сама я не заметила разницы, для меня готовили так же, как и обычно, я не задумывалась... А вот Флир жаловалась мне, что пропали эосские конфеты, что апельсины, которые всегда лежали у нее в комнате, теперь приходится выпрашивать по одному, что перепелок стало меньше...

А в городе дела совсем плохи.

– Да хоть печенье! – обиженно сказала я. – Все, что у меня есть. Пусть все это раздают голодным. А я тоже буду есть бобы и тушеную капусту!

– Принцесса... – Эрнан нахмурился было, но все же, не удержавшись, засмеялся. – Какой же ты еще ребенок, Тиль! Никто не отбирает твое печенье, ешь спокойно. Уж одну принцессу мы как-нибудь прокормим. Но в городе не одна голодная девочка, там тысячи. А с тысячами все не так просто.

– Но ведь я могу что-то сделать?

– Ты? – он все еще улыбался. – Ты можешь, например, взять свои драгоценности, продать их и купить хлеб для бедных.

Продать драгоценности? Но разве... Мне было сложно такое представить. Дойти до такого?

– Все так плохо, да? – спросила я.

Эрнан вздохнул, чуть ухмыльнулся.

– Знаешь, Тиль, когда я смотрю на то, сколько должна корона, мне начинает казаться, что твой отец сам отравился от безысходности.

Так плохо.

– Ты же не отдал золото Тоуру? Там было много!

– Я раздал свои долги. Расплатился с большей частью наемников, которые пришли со мной, распустил их по домам. Но многие остались, и я все еще должен их кормить.

– Наемники... Они тебе дороже, чем...

– Да, – согласился он, – дороже. Я обязан им всем. Эти люди пошли за мной, сражались за меня, умирали за меня, и я должен выполнить свою часть договора. Да, часть людей пошла за мной, потому что это их долг, и я их сюзерен. Но Лохленн – бедная земля, достойных рыцарей там всегда было мало. Часть людей поддержала меня, рассчитывая получить что-то взамен. Лорд Йос, например, получил Белый Зубец и земли вокруг, лорд Миран – Альтаэль и ссуорские виноградники. А часть пошла просто за деньги. Победа стоит дорого. А знаешь, что будет, если не заплатить, и толпы обиженных наемников разбредутся по стране, в надежде так или иначе получить свое?

Я поджала губы.

Надо что-то решать.

– Хорошо, я продам драгоценности.

Кажется, Эрнана это позабавило.

– Не спеши, Тиль. Ты еще успеешь.

– Я хочу помочь.

– Удивительно, – он склонил голову набок, разглядывая меня, – ты ничуть не изменилась за эти годы. Совсем. Ты как была маленькой девочкой, так и осталась. Мне казалось, прошло столько лет, для меня самого все перевернулось с ног на голову. Но ведь для тебя не изменилось ничего. Твоя жизнь осталась прежней.

– Не правда, – сказала я. Больно кольнуло сердце. – Для меня тоже все изменилось. Я потеряла всех, кого любила, кто был мне дорог. Отца, брата, маленького племянника. У меня теперь никого нет. Я пленница в собственном доме.

Что-то дрогнуло в его лице. Так неуловимо, но... Я видела боль в глазах. На какое-то мгновение мне показалось, что все вернулось, нет этих восьми лет. Вот он стоит, и у его ног лежит арбалет. *«Это не я, Тиль! Не я убил его!»*

– Нарин... – тихо сказала я, и он дернулся, словно от удара. – Ты даже не представляешь, как я ждала тебя. Ты был героем моих детских мечтаний. Но теперь...

– Теперь ты не рада, – глухо сказал он. Даже не вопрос, и так ясно.

Я кивнула.

– Все изменилось, Нарин. И уже никогда не будет прежним. И для меня тоже.

* * *

Мы ловили кузнечиков в траве. Я поймала шесть, а Нарин пятнадцать. Давно. Кажется, тысячу лет назад, и все это было не со мной. Отец уехал на охоту, нянька уснула, я тихо выбралась из комнаты и отправилась гулять. Заглянула к Нарину на конюшню, как же иначе, он был моим лучшим другом.

Он казался взрослым, на целых пять лет старше меня.

Я и сама себе казалась взрослой.

Мы мечтали убежать далеко-далеко. На край света.

Или хотя бы в город для начала. Посмотреть, как там.

В город меня не пускали, я была принцессой и могла это понять, ведь никогда и никуда не ходила одна. А с няньками разве интересно? С няньками и не увидишь ничего. Но самое странное, Нарина не пускали тоже. Тут, на лужайке за садом – другое дело. Здесь нет чужих, и никуда не убежишь, кругом море, небольшой пятачок зеленой травы, дикие вишни, а дальше обрыв, с другой стороны – высокие стены крепости Облачной Нит. Никуда не деться. Разве что броситься в море с высокой скалы.

Нарин прыгал. С разбегу, раскинув руки, словно птица. Он летел далеко и нырял, теряясь в волнах. Он ничего не боялся. Он даже до города тайком добирался вдоль берега, а потом возвращался, карабкаясь на скалу. Главное – не попасться на глаза страже. Я боялась, что однажды он убежит совсем.

Боялась, что меня заберут, и я больше никогда не увижу...

К отцу приезжали важные люди из Фаннара, едва ли не впервые отец просил меня выйти к гостям. Меня одевали полдня, завивали, причесывали, заставили надеть ужасные узкие туфли. Потом просили спеть для них и сыграть на кифаре. Я ужасно боялась и почти ничего не понимала от страха, запинаясь, у меня дрожали руки. Но отец сказал, что я очень понравилась этим гостям и что, когда вырасту, меня выдадут замуж за Фаннарского принца.

Я не хотела этого принца. Не хотела ни в какой Фаннар.

– Не бойся, – говорил Нарин. – Мы с тобой убежим!

Мы лежали в траве, над морем, раскинув руки, глядя в небо. Кузнечики стрекотали на разные голоса, шумел прибой.

– Ты будешь моим рыцарем! Как Ришарт, Победитель Драконов! Ты прискачешь на волшебном летающем коне и спасешь меня! Унесешь далеко-далеко!

Он смеялся.

– Обязательно прилечу! Я не оставлю тебя здесь одну.

Конечно, у него не было волшебных коней, только обычные, с нашей конюшни. Он не мог прилететь. Он не был рыцарем и, как казалось, никогда бы не мог им стать. Он убирал стойла, чистил и кормил лошадей. Вряд ли представлял тогда, как все обернется. Хотя, в отличие от меня, Нарин всегда знал, что он последний принц Лохленна. Всегда помнил, кто он.

Я не знала. Это были всего лишь детские игры.

Я сплела колечко из травы, очень серьезно надела ему на палец.

– Носи его всегда, – сказала я, – и никогда не снимай. Это будет твой талисман, он будет охранять от любых бед, с тобой ничего не случится. И ты всегда будешь помнить обо мне. Хорошо?

– Обещаю тебе.

Нарин осторожно поцеловал меня в щеку.

У него были огромные серые глаза, веснушки на носу и непослушные черные кудри. Мне казалось – он самый лучший мальчик на свете.

* * *

Я снова чувствовала себя девочкой, которую просили спеть для гостей. И пусть я в этот раз не пела, но гости так же придирчиво разглядывали меня. И приехали они за тем же самым.

Когда я пришла, они уже сидели на открытой веранде над морем, и, судя по всему, переговоры шли не очень успешно.

Эрнан быстро поднялся, увидев меня.

– Луцилия! Рад, что ты зашла, – сказал он, но в голосе радости не было ни капли. Было лишь плохо скрываемое раздражение. – Не садись, я просил заглянуть лишь для того, чтобы поздороваться с нашими гостями. Это Римано Тьюр и Адаль-ин-Дидар из Тааракара.

Гостей было двое, и кто из них кто, я не знала. Один – невысокий худой старик с маленькой бородкой, в яркой шелковой тунике и таких же ярких штанах. Толстая золотая цепь на шее. Он так смотрел... как на товар на рынке, никто еще не позволял себе такого. Словно раздевая меня глазами. Как он смеет? Захотелось спрятаться. К счастью, Эрнан подошел и

встал между нами, немного закрывая.

– Она выглядит вполне неплохо, – сказал второй, молодой, крепкий, слегка косоглазый, я не могла толком понять, куда он смотрит, и это смущало даже больше, чем пристальный взгляд старика. – Девственность не слишком принципиальна. Вы, конечно, заплатите нам компенсацию, но в целом нас все устраивает.

Я видела, как Эрнан позеленел.

И даже не сразу поняла, что это говорят обо мне.

– Нет, – сказал он. – Это невозможно. Она останется здесь.

– Наш хозяин уже выплатил полную сумму, – сказал старик. – К тому же нам пришлось отказать другим уважаемым людям, потратиться на подготовку свадьбы и на дорогу сюда. Мы подписали договор. Кто возместит нам все это?

– Вы подписывали договор не со мной, – холодно сказал Эрнан.

– Мы подписывали его с королем Таррена, а сейчас король вы. Так что мы считаем себя вправе требовать исполнения договоренностей.

– Хаддин не был королем.

– Договор скреплен королевской печатью, принц Хаддин был единственным законным наследником, так что я не вижу противоречий. К тому же он был ее братом, – сказал старик. – Следовательно, он имел полное право заключать этот договор.

– Да, все верно, заключать договор он имел право, – Эрнану стоило усилий сохранять спокойствие. – И, тем не менее он подписал договор с вами, как брат девушки. Не от лица государства, а как частное лицо. Теперь девушка перешла ко мне как военный трофей. Договор ее брата ко мне отношения не имеет.

– Мы привыкли получать свое. Особенно то, за что уже заплатили.

«Заплатили». Это было так дико. Словно я рабыня, словно меня можно взять и продать...

Хаддин продал меня.

– Луцилия, ты можешь идти, – сказал Эрнан. – Думаю, наши гости уже удовлетворили свое любопытство.

– Нет, подожди, – вмешался косоглазый. – У меня есть к принцессе еще вопрос. Подойди сюда, дорогая.

Я сделала было шаг, но Эрнан поймал меня за руку, покачал головой. «Стой тут» – он не сказал это, но я прекрасно видела в его взгляде.

– Хорошо, – косоглазый хмыкнул. – Я всего лишь хотел узнать, как чувствует себя принцесса? Не болит ли чего? Не кружится ли голова? Не тошнит? Давно ли были лунные дни?

Давно ли были?

Я так растерялась, что не могла ничего сказать. Я все правильно расслышала?

Что это значит? Зачем спрашивать такое?

– Принцесса чувствует себя хорошо, – сказал Эрнан. – Прошло еще слишком мало времени.

И только потом я поняла, о чем они...

И тут же поняла, что краснею.

Да как он может?!

– Что вы хотите сказать? Что я... Нет!

– Его величество настаивает, что ты можешь быть беременна, – сказал косоглазый. – И, поскольку, этот ребенок, как он утверждает, его, то передача тебя нашему господину пока невозможна.

Беременна?

Я чего-то не понимаю? Это же никак не могло произойти без моего... ведома?

– Луцилия... – тихо выдохнул Эрнан, скрипнул зубами.

Та-ак...

Я смотрела на него, на косоглазого, и не могла понять – они оба издеваются надо мной или только кто-то один?

Косоглазый следил за мной с интересом.

– Я мог бы осмотреть принцессу и сказать точно уже сегодня, – предложил он.

– Нет, – жестко ответил Эрнан.

– Нет! – Меня передернуло. – Этого не может быть! Я не беременна!

Эрнан злобно сверкнул глазами, я видела, что ему так и хочется меня придушить, но он сдерживался.

– Почему ты так уверена? – ласково улыбнулся косоглазый.

– Потому, что она ненавидит меня, я убил ее брата, – вмешался Эрнан. – И лучше умереть, чем родить от меня ребенка.

– Этого не может быть... – тихо сказала я.

Эрнан схватил меня за руку, потянул в сторону.

– Хватит, иди к себе, – велел он. – Помолчи, и не делай глупостей.

– Нет...

Решается моя судьба. Я ведь имею право знать?

Но спорить слишком явно боялась. Кто знает, на что он способен.

Уходя, я еще успела заметить, как, довольно улыбаясь, косоглазый наклонился к старику и что-то шепчет ему.

Весь вечер не находила себе места.

Я знала, конечно, что Эрнан не отдаст меня. Он скорее поссорится со всем Тааракаром, чем отдаст. Скорее устроит новую войну. Но все же.

Чего я боюсь больше? Остаться с ним? Всю жизнь быть рядом с человеком, которого я ненавижу, или... Я не смогу принять его, иначе никогда себе этого не прощу. Но остаться в стороне не выйдет.

Лучше сбежать и не видеть никогда.

Даже в Тааракар. Даже так.

Что ждало бы меня? Я стала бы рабыней? Меня продали.

Но ведь и здесь я бесправная пленница. Здесь ничуть не лучше.

Здесь я дома, но это только иллюзия. Все изменилось. Это больше не мой дом.

Краешек бумаги торчит из-под миски с орешками.

Как я не заметила раньше? Или это только сейчас принесли? Горничная заходила, спрашивала – не нужно ли чего. Это она подложила?

Я осторожно приподняла миску, достала листок. Руки дрогнули.

«Вы очаровательны, принцесса. Я помогу вам. Завтра на рассвете в саду, на скамейке с драконом».

Глава 7

Утренняя прохлада пробирала до дрожи. Или это только волнение?

Я пришла рано. Не к скамейке, подойти туда так и не решилась. Но я все равно вышла в сад, так, чтобы я могла видеть эту скамейку, а вот меня оттуда не было видно. Глупо, я понимаю. Но ведь даже не понятно, кто написал записку.

Кому и что надо от меня?

Нет, в то, что кто-то искренне хочет мне помочь – я не верила. Конечно, я наивная девочка, и Эрнан прав, но не до такой же степени.

Мне хотелось знать.

В саду мне ничего не угрожает, я закричу, и сбежится стража.

– Принцесса!

Он подошел незаметно, со спины.

Тот вчерашний старик из Тааракара. Вот уж кого меньше всего ожидала увидеть. Не такой яркий сегодня, в темно-синих одеждах без украшений.

– Рад, что вы пришли, принцесса, – он галантно поклонился. – Это я писал вам.

– Вы?!

Зачем? Разве я что-то решаю? Я даже рассказать ничего ценного не могу. Разве что, кроме...

– Простите, принцесса. Я вижу, как вы несчастны, как вы страдаете. Вы потеряли семью. Я понимаю, как вам тяжело находиться здесь, как тяжело видеть рядом с собой этого жуткого варвара с севера. Вы еще нежное дитя, вам так много пришлось пережить...

Его голос звучал так мягко и ласково, так сладко, словно мед... Не утонуть бы.

– Чего вы хотите? – спросила я.

– Я пришел всего лишь выразить вам свое сочувствие и соболезнование. Мой господин, несомненно, поймет, что вы не виноваты в этом некрасивом отказе. Ваш отец и ваш брат всегда соблюдали договоренности, поступали достойно. Этот вор и убийца на троне – беда всего Таррена. Но это не ваша вина. Мой господин мудр и великодушен. Ах, принцесса, – старик всплеснул руками, – как мне жаль, что вы не сможете встретиться с ним. Мой господин давно мечтает о вас, с тех самых пор, когда увидел впервые, на свадьбе вашего брата. Он выстроил для вас

целый дворец! Он готов был окружить вас нежностью и заботой, так, что вы бы даже думать забыли о всех этих ужасах!

– Такое невозможно забыть, – сказала я.

– О, простите, принцесса! – старик снова поклонился. – Простите меня за столь бестактные слова. Несомненно, забыть невозможно. Смерть близких – всегда тяжелая рана на сердце, может затянуться, но исчезнуть – никогда, эта боль не уходит. О, принцесса! Но вы могли бы немного отвлечься. Хоть немного! Вы так молоды и прекрасны! Вы достойны лучшей жизни. Мой господин, конечно, не король, но он один из самых влиятельных людей Тааракара! Вы бы ни в чем не нуждались, у вас было бы все самое лучшее, что может предложить юг!

Я понимала, к чему он клонит, и мне это не нравилось.

Он хочет, чтобы я уехала с ним. Но это невозможно. Мое решение вообще ничего не значит. Даже если бы я хотела...

Как я могу этого хотеть?

Уехать в чужую далекую страну? Я даже совсем не знаю этого Орс.

Я помнила, как вчера старик смотрел на меня, буквально раздвигая глазами, словно на рабыню. Что изменилось теперь? Его планы? Он говорил так сладко, но искренности я не видела ни капли. К чему это?

Он же не сможет схватить меня прямо здесь, в саду, и утащить с собой?

– Благодарна вам за сочувствие, но здесь я всего лишь пленница. И не смогу поехать с вами, это зависит не от меня.

– О, я понимаю, принцесса! Но для меня важно уже одно только ваше желание. Я передам своему господину, что, будь ваша воля, вы бы с радостью приехали к нему и стали его женой. В вашей честности я не сомневаюсь! Мой господин скорбит о такой потере, и он не отступит от своей мечты снова встретиться с вами.

Не отступит, понимала я. Такие люди привыкли получать свое.

Эрнан может выгнать послов силой, но на этом они остановятся. Тааракар могущественен, и пусть этот Орс не входит в число правителей, но имеет большое влияние, даже я слышала о нем... вернее, о Фиро Орсе. Но меня ведь собираются выдать не за того ужасного толстого старика? За его сына? Джанкаро Орс, насколько я понимаю. Кажется, он был здесь, на свадьбе Хаддина, они с отцом много говорили о делах.

Я попыталась вспомнить, но ничего не выходило. Тогда я не придавала значения.

Старик смотрел на меня так пристально, словно пытался прочесть мысли.

– Возможно, вы помните моего господина? – осторожно спросил он.

Не помню. Попытаться?

– Джанкаро... – сказала я, – он ведь был здесь год назад.

Старик вдруг так странно заулыбался, что мне показалось, я ляпнула какую-то глупость. Что не так? Или он просто радуется, что я хоть что-то могу сказать?

– Да, да, Джанкаро! – поспешил подтвердить он. – У принцессы прекрасная память! Удивительно, как она могла запомнить моего господина среди стольких благородных лордов и королей! Может быть, мой господин тоже покорила сердце прекрасной принцессы? Он красив и молод – о чем же еще мечтать невесте? Вы помните его? Он сказочно богат! Возможно, он не рыцарь, но он отважный моряк, обошел весь мир, сражался с пиратами! Мой господин может рассказать множество чудесных историй о своих подвигах, принцессе не будет скучно с ним. К тому же он прекрасно образован, его учителями были лучшие ученые и мыслители со всего мира.

Все это не нравилось мне, как-то одно не вязалось с другим. Зачем столько лести, если еще вчера меня рассматривали как товар?

– Я рада за вашего господина, он достойный человек. Но прошу простить, мне пора идти. Если я задержусь, то меня начнут искать.

– Еще пару слов, принцесса. Я не зря сказал, что готов помочь вам. После коронации, на рассвете, наш корабль отплывает домой, в Тааракар. Если бы вы только пожелали, мы могли бы взять вас с собой. Спасти вас из плена, помочь обрести свободу. Мои люди будут ждать вас у Костяной скалы. Приходите.

* * *

Свадебное платье.

Я даже не сразу это поняла. Его принесли примерять, я думала – для коронации. Даже успела подумать – какое красивое, какая тонкая работа. И только потом поняла. Дымчато-серый струящийся шелк, прозрачное лиосское кружево, вышитые серебром птицы... алая лента под грудью. В таком платье подобает выходить замуж не девушке, а женщине. Если это не первый брак, если она... давно потеряла невинность.

Что это значит? Очередная ложь? Или он планирует исправить до свадьбы? Сделать так, чтобы все соответствовало.

Передернуло.

Зачем это? Так демонстративно.

Свадьба?

Я понимала, что не избежать уже, но не думала, что так быстро.

Когда?

Он даже ничего не сказал мне, не попытался поговорить. Если хотя бы предупредил заранее... Хоть что-то бы сказал. Разве это так сложно? Я бы поняла...

Надевая платье, я не осознавала еще и даже успела покрутиться перед зеркалом, порадоваться, как оно мне идет, какая красота.

Красная лента. Серый шелк.

Нет!

Снять скорее!

Я дернулась, начала быстро стаскивать его с себя, словно платье на мне вспыхнуло огнем, до смерти испугала портниху, чуть не порвала.

Нет! Нет-нет.

За что он так со мной? Я этого не вынесу.

Я так и побежала – растрепанная, едва успевшая одеться, даже толком не застегнув все застёжки. Узнать, понять, за что так со мной? Может быть, я чего-то не понимаю?

Стража у его двери. Я чуть приостановилась, не решилась влететь так сразу. Но стража не пыталась помешать мне.

Сейчас?

Я всегда была такой тихой и послушной девочкой, никогда не возражала отцу, даже брату. И сейчас требовать объяснений было как-то не по себе.

Я вдохнула поглубже.

Стражники ухмылялись... нет, не стоит тянуть, развлекать их своими страданиями.

Сейчас! Я открыла дверь.

Небесная Мать!

Я ведь даже не подумала, что он может быть не один.

Несмотря ни на что, я никогда не стеснялась рядом с ним, не боялась повести себя как-то не так, не правильно. Он знал меня с самого раннего детства, мне не нужно ничего разыгрывать.

Но тут...

За огромным рабочим столом не было свободного места, Эрнан собрал целый совет. Все эти лорды... Часть из них я знала, часть нет... все они обернулись ко мне. Все разом.

Только сейчас я поняла, как нелепо выгляжу, такая растрепанная, с

перекошенной застёжкой на плече, покрасневшая от бега.

– Луцилия? Что-то случилось? – Голос Эрнана был официален и холоден.

Я судорожно сглотнула.

– Нет, все хорошо... – только и смогла ответить я.

Кто-то из лордов страдальчески закатил глаза, кто-то понимающе ухмыльнулся. Никогда в жизни я не чувствовала себя так неуместно и глупо. Они обсуждают важные дела, а я тут... словно ребенок. Маленькая жалкая дурочка.

Так стыдно.

– Иди к себе, – велел Эрнан. – Я зайду позже.

Я повернулась.

Все темнело в глазах. На трясущихся ногах я вышла за дверь.

Даже не помню, как шла обратно.

И только потом, у себя в спальне, расплакалась.

* * *

Весь вечер Флир отпаивала меня горячим молоком, слушала мои вздохи и страдания. И удивлялась.

– Что же тебя так пугает? – говорила она. – Скорая свадьба? Красная лента? А как ты хотела? Думаю, нет ни одного человека в Облачной Нит, который бы сомневался, что лента положена тебе по праву.

– Но это неправда!

Я сидела на кровати, под одеялом, поджав ноги. А Флир рядом, с мисочкой орешков в руках.

– Вот это и удивительно, – говорила она. – Как вы так умудряетесь, а? Между вами молнии так и сверкают! Я понимаю, когда люди скрывают свои запретные ласки, опасаясь за репутацию. Но наоборот! Ну, ладно ты. Он-то чего ждет?

– Свадьбы?

Флир засмеялась.

– Серьезно? – удивилась она. – Зачем?

Я уже ничего не понимала. Бережет мои чувства? Но почему тогда все это... Так жестоко...

Обхватила колени руками, уткнулась носом. Хотелось плакать.

– Ты же не думаешь, что ты у него первая? – спросила Флир.

Я покачала головой. Не думаю. И не хочу об этом думать... не

сейчас...

– Послушай, – Флир с хитрым видом подняла бровь, – говорят, он неуязвим. Мечи демонов так и разлетаются об него вдребезги. Он не чувствует боли. Ведь так? Некоторые говорят даже, он мертвый, русалки воскресили его, поэтому он ничего не чувствует.

– Он не мертвый! Я видела кровь! Я слышала, как бьется его сердце!

– Да? – Флир чуть склонила голову набок, вид у нее был страшно довольный. – Но боли он не чувствует? Так может, он и там... эээ, и там не чувствует тоже?

Она хихикнула. Я поняла, что неудержимо краснею.

– Он просто бережет мои чувства, – сказала я. – Он мне как брат!

– Только вот ты ему не сестра.

– Я...

Как я могу все это объяснить?

– Ты уже пытаешься его защищать? А говорила, что ненавидишь! – Флир криво ухмыльнулась, но все ее веселье вдруг исчезло. – Как брат... Если б ты знала, какой тварью был твой брат! Уж он-то не упускал случая и ничьи чувства не берег.

– Что ты говоришь?

– Да то! – Флир подобралась вдруг, подбородок дрогнул. – Я тоже была тихой скромной девочкой, мечтающей о прекрасном рыцаре и белом платье. Я была совсем девочкой, когда твой братец решил развлечься. Мне сказали потом, что не осталось ни одной девушки при дворе, к кому бы он не залез под юбку, разве что Глин, дочь лорда Малдуина, но она ужасно страшная, – Флир фыркнула, перевела дыхание, в ее глазах сияла злость. – Я тоже была наивной тогда, мне было тринадцать. Хаддин встретил меня в саду и так мимоходом попросил зайти к нему вечером, сказал, что хочет поговорить о тебе. Я поверила. Да какая разница, он принц, разве я могла послушаться? Поговорить... «Раздевайся, – первое, что он мне сказал. – Я хочу посмотреть на твою попку». Я испугалась, хотела убежать, но он схватил меня. Порвал на мне платье. Я попыталась вырваться, мне было так страшно, что я ударила его. Ударил принца, понимаешь. Он сказал, что я за это поплачусь. Сначала он развлекся со мной сам, потом позвал своих гвардейцев... продолжить. Я даже не помню, сколько их было. Я думала, что умираю.

– О, боги... – я закрыла лицо руками. – Не может быть...

Я хорошо понимала, что она говорит правду. Но осознать все это до конца не было сил.

Флир усмехнулась.

– Ты боишься правды, – сказала она. – Правда жестока. Но всегда лучше знать и не питать иллюзий. Это делает тебя сильнее. Я хотела умереть тогда. Месяц, наверно, не могла даже встать с кровати. Тебе сказали, что я заболела, да? Тебе постоянно ввали. Но ничего, со мной, как видишь, все хорошо. Я смогла с этим справиться. Мне тогда помогла мама. Она сказала, что да, жизнь жестока, но нужно жить дальше. На этом ничего не заканчивается. И даже если все узнают, на самом деле им будет плевать, всего лишь очередная сплетня. Поболтают и забудут. Она хотела отправить меня к тетке... Но так и не отправила. Не страшно. На самом деле всем плевать. Никому не нужна твоя девственность, нужна лишь гарантия того, что своему мужу ты родишь здоровых и законных детей. Плевать на твои чувства, ты свиноматка и должна рожать! Кого ты любишь, чего ты хочешь...

Страшная злость в ее глазах. Ненависть. Отчаянье.

Мне вдруг так захотелось сказать ей что-то хорошее, что-то доброе, поддержать... Мне не все равно, что она чувствует! Это важно! Сказать...

Я не находила нужных, правильных слов.

Все свалилось на меня разом.

Флир... я думала, что знаю все... я не понимала... мне так жаль...

Ее губы дрожали, но глаза оставались сухие. Не помню, чтобы Флир плакала, я не видела никогда.

– Всем плевать, – тихо сказала она. – Принцесса ты или дочь мелкого лорда. Даже ты. Тебя продали в Тааракар, и никто даже не спросил, чего ты хочешь.

– Лучше в Тааракар, – сказала я. – Иногда мне кажется, лучше в Тааракар. Уехать и не видеть его больше никогда. Я все равно не смогу смириться... Я любила его, но после того, что он сделал... я не могу...

Флир чуть вздрогнула и так странно на меня посмотрела, словно... не знаю. Словно внезапно что-то поняла.

– Может, и лучше, – сказала она. – Как знать. Это правильно, оставь его в покое. Может, и правда, он бережет твои чувства, ты все та же девочка для него, которую он знал. Он не может переступить так сразу, не все такие, как Хаддин. Он не тащит тебя в постель потому, что в постели ему нужна не визжащая от ужаса девочка, а любящая женщина. Ему нужна любовь. А ты не можешь ему этого дать.

Флир улыбнулась, словно что-то решив.

Нет.

Мне стало не по себе.

Что-то сжалось внутри, щеки вспыхнули огнем.

Флир улыбалась. Злость в ее глазах ушла совсем, теперь глаза сияли. Азарт.

«Правильно, уходи и оставь его мне!» – словно говорила Флир. Уж она-то своего не упустит.

Нет.

Так не может быть.

Ревность.

Мне должно быть все равно.

На меня напала страшная дрожь, затряслись руки. Я вылезла из-под одеяла, встала, пытаюсь справиться. Прошла к окну, к дверям на балкон. Свежий ветер нес запах моря и кипарисов. Я закрыла глаза, стиснула пальцы...

Я не позволю!

Мне даже показалось, я сказала это вслух.

Флир тихо засмеялась.

– Ты ничего не решаешь, – услышала я ее голос.

Решаю.

Я имею право решать сама.

Нужно взять себя в руки.

– Я устала, Флир. Ты можешь идти, – сказала, не оборачиваясь.

Сначала тихо. Потом Флир тихо хмыкнула, я слышала, как загремели орешки в вазочке, она забрала еще горсть. Потом шорох платья. И шаги. Тихо стукнула дверь.

Только не так...

Эрнан заходил на рассвете.

Я спала.

Нет, я старательно делала вид, что сплю, потому что вдруг испугалась. Я ведь уже решила поговорить, сказать, что была не права, что мне жаль, и я веду себя глупо... Что я...

Небо уже серело.

Он уже встал? Или еще не ложился?

Тихо постучал.

– Тиль, ты спишь?

Я залезла под одеяло, сжалась, закрыла глаза. Сплю. Не сейчас... Все слова, что я хотела сказать, вдруг вылетели из головы.

Он приоткрыл дверь, заглянул. Потом зашел, долго стоял у кровати.

– Тиль, – снова позвал шепотом.

Я лежала неподвижно, закрыв глаза. Очень старалась дышать ровно,

хоть и не выходило. Не сейчас.
А потом он ушел.

Глава 8

Коронация была скромной.

Почти никаких приглашенных гостей, никаких особых торжеств. Лишь церемония в Белом Храме и торжественный обед. Ничего лишнего. Почти формальность, без которой не обойтись.

Мы ехали верхом через весь город. Я рядом с Эрнаном, за нами рыцари его гвардии.

Он ехал молча, погрузившись в свои мысли, почти не глядя по сторонам. Что-то мучило его, не давало покоя. Куча забот.

Город шумел вокруг.

Я вдруг подумала, что была в городе больше года назад, еще перед свадьбой Хаддина. И точно так же видела все мельком, проездом. Я совсем не знала города, не знала мира вокруг. Удивительно, но раньше казалось – это не важно. Отец не одобрял, и я не пыталась противиться его воле. Зачем принцессе эти узкие улочки, шум и толкотня, принцессе не подобает...

Разбитая мостовая, облупившиеся стены домов, портовая вонь, которую не заглушить ничем... запах рыбных рынков, красилен, пекарен, запах сырой кожи и куркумы – я чувствовала все сразу, так остро.

В детстве я мечтала увидеть весь мир.

Что я видела? Лишь мир из своего окна. Сад, кусочек моря, лужайку зеленой травы.

Если бы я действительно уехала в Тааракар...

Эрнан глянул на меня искоса, так, словно прочитал мои мысли. Я отвернулась.

Люди на улицах... Я смотрела на них, пыталась понять, что они думают обо мне? Кто я в их глазах? Законная наследница? Несчастливая принцесса, которую взяли в плен? Грязная шлюха? Он захватил мою страну, убил мою семью, и теперь я еду рядом с ним. Вместе с ним. Я выйду за него замуж.

Я должна была умереть.

Должна была...

Выпрямилась в седле.

Лучше не смотреть по сторонам и не думать. Не хватало еще расплакаться прямо здесь.

Путь до храма неблизкий.

Шлюха.

Никто не смел высказать это вслух, но мне казалось, все так думали.

Казалось, все смотрят на меня. Там, в замке, такие мысли почти не беспокоили, все привычно и понятно, но тут, за стенами – иначе. Словно тонкая скорлупка, защищающая меня от внешнего мира, рухнула. Словно я голая перед всеми.

Выпрямиться и стиснуть зубы.

Когда мы приехали, Эрнан спрыгнул с лошади сам, помог спуститься мне.

Потом проводил на положенное место.

Сегодня он был одет в серо-голубой шелковый кафтан в традициях Таррена. Он больше не Ворон из Лохленна, он король всего Полуострова и должен чтить обычаи предков. Он чтит. Его можно обвинить в чем угодно, но только не в неуважении к традициям.

Я смотрела, как Эрнан идет к алтарю. Так просто...

Помню, как Хаддин репетировал этот проход. Так, словно это самое важное событие в его жизни, словно от того, как он пройдет этот короткий путь, зависит его дальнейшее правление. «Однажды я стану королем, – говорил он. – Я пойду вот так, и жрец Небесного Отца возложит корону на мою голову. Посмотри!» Еще в детстве Хаддин заставлял снова и снова смотреть, как он выпячивает грудь, надменно задирает подбородок, неспешно и торжественно делает шаг... «Как ты думаешь, Луцилия, так лучше? А если так, то все поймут, что я великий и сильный король?» А потом вот так. А теперь так. Хаддин хотел, чтобы все видели, как он велик.

Эрнан никому и ничего не пытался доказать. Просто прошел широким размашистым шагом, словно перед солдатами на плацу. Не задумываясь, как он выглядит. Ему было плевать.

Сила и власть чувствовались в нем без всякого выпячивания груди.

Я знаю, многие ненавидели его. Многие боялись. Не знаю, были ли такие, кто любил его как короля. Но все признавали его власть. Даже я понимала, что из него выйдет куда лучший король, чем из Хаддина.

Это длилось безумно долго.

От песнопений и запаха благовоний кружилась голова. Я почти не слушала, почти не смотрела. Все плыло передо мной.

Очнулась лишь, когда меня вывели на воздух.

– С вами все хорошо, ваше высочество?

Я с трудом заставила себя понять, кто и что мне говорит.

– Да, все хорошо. Голова закружилась.

– Пора ехать. Вы сможете сидеть верхом?
Я кивнула. Сейчас все пройдет.
Лошадь мне уже приготовили.
Ничего, я справлюсь.
Огляделась по сторонам. Эрнан о чем-то разговаривал с лордом Дамером в стороне.
Король. Теперь в полной мере король.
А я однажды стану королевой. Ведь так?
Обязательная часть закончилась. Что будет, если я сейчас сяду и уеду отсюда? Просто домой. Имею ли я право хоть на что-то? Королева имеет право решать сама, по крайней мере – уехать ли ей или остаться.
Я никогда не пыталась бунтовать, но сейчас все иначе. Эрнан не отец и даже не муж мне пока.
Просто понять – где эти границы. Хоть немного свободы решать самой.
Я подошла к лошади. Обернулась.
Эрнан бросил на меня короткий взгляд, но от разговора даже не отвлекся.
Хорошо.
Я поставила ногу в стремя. Приподнялась. Запрыгнула в седло.
Не оборачиваться? Сделать все так, словно иначе и быть не может. Уехать. И что потом?
Я сидела на лошади, и у меня тряслись руки. Поздно отступать.
– Луцилия! – он все же окликнул меня.
Обернулась.
– Я устала, – постаралась улыбнуться как ни в чем не бывало. – Поеду к себе, отдохну.
Он кивнул. Так, словно это и правда нормально.
Я легонько ударила пятками лошади в бока. Вперед!
И двое гвардейцев последовали за мной.
Свобода – лишь иллюзия.

* * *

– Ты хотела поговорить?
Он смотрел на меня равнодушно и холодно, хотелось сжаться под его взглядом.
Он пришел вечером, когда закончились все торжества.

– Хотела, – сказала я. – О свадьбе.

Облизала губы. Было не по себе.

Он ждал.

Что-то произошло. Что-то почти неуловимо изменилось за последнюю пару дней. Я не могла понять. Словно что-то сломалось.

– Как скоро? – сказала я, голос чуть дрогнул.

– А имеет смысл тянуть? – спросил он. Подошел совсем близко, почти на расстояние вытянутой руки.

– Ты хочешь знать мое мнение? – удивилась я.

Он криво усмехнулся.

– Хочу. Не могу обещать, что сделаю все, как ты скажешь. Но услышать твое мнение я бы хотел.

– Это лицемерие. Выслушать и наплевать, сделать все по-своему. Я не хочу быть твоей женой. Ни сейчас, ни потом.

– Тебе придется смириться.

– Так у меня нет выбора?

Он скрипнул зубами.

– А какой выбор ты хочешь, Луцилия? Если бы все зависело от тебя, что бы ты выбрала?

– Убить тебя.

– Серьезно? – он шагнул еще ближе, почти вплотную, я видела его покрасневшие усталые глаза, видела, как жесткий воротник натер шею. – Ты бы смогла сейчас? – сказал он. – Теперь, когда все успокоилось и улеглось? Не в порыве ужаса и гнева, а вот так, хладнокровно? Убить человека не просто.

– Ты не человек.

Эрнан хмыкнул, слегка прищурился, словно оценивая.

Нет, я бы не смогла. Даже тогда вряд ли смогла бы. В последний момент рука бы дрогнула. Глупо все это.

– Хорошо, – сказал он. – А что потом?

Если убить? Потом для меня уже не будет. Замок полон его людей, мне не простят...

– Не важно, что будет, – сказала я. – Главное – сделать это. Ты ведь тоже хотел отомстить? Отомстил. И что дальше? Ты получил все, что хотел.

– Не все, – сказал он.

– Не все получил? Тебе мало? – меня внезапно задело это. – Ах, да! Отец посмел умереть раньше, своей смертью, до того, как ты успел поквитаться с ним! – я понимала, что это слишком, но столько накопилось внутри, и теперь рвалось наружу. – Ты захватил трон. Ты убил Хаддина! Ты

убил даже его жену и новорожденного ребенка, ни в чем не повинного, чтобы твоей власти ничто не мешало! Избавился от всех, кто мог тебе помешать! Хладнокровно. Сложно убить человека, да?! Ты даже Тоура сумел обмануть! Даже его! О, да! Чтобы все прониклись чувством, какой ты герой! Этот спектакль... Так чего ж ты еще хочешь? Меня? Я перед тобой. Что тебя останавливает?

Его ноздри дрогнули. Напряглись плечи.

Он долго смотрел на меня. Бесконечно долго. Я уже успела передумать все на свете. Представить все варианты, представить все, что сейчас будет. Я понимала, что сама провоцирую его, но уже с ума сходила от неопределенности. Не понимала его чувств, не понимала своих. Своих – в первую очередь. Все так перемешалось. Нужно сделать хоть что-то.

Он смотрел на меня, нахмутив брови, плотно сжав губы. Он тоже пытался что-то решить.

– Я не могу, – наконец сказал он. – Просто не могу.

– Не можешь?! – Да, меня окончательно понесло. Я понимала, что это плохо кончится, но иначе уже никак. Пробить его ледяную невозмутимость, увидеть настоящие чувства. Понять наконец. – Флир говорит, что ты вообще не мужчина! – крикнула я ему в лицо. – Что ничего не можешь и не чувствуешь, раз до сих пор...

Ох, я запнулась. Поняла, что не могу произнести это вслух... все до конца.

Я думала, его заденет это, разозлит. Вот сейчас...

Нет, все тот же холод.

Лишь уголки его губ чуть дрогнули, пытаюсь растянуться в улыбку, но улыбки не вышло.

– Все намного сложнее, Тиль, – мягко и тихо сказал он. – Я люблю тебя.

Я хотела ударить его. Но только всхлипнула, отвернулась.

Нет.

– Не говори мне о любви! Это все ложь! Везде сплошная ложь! Ты лжешь своим людям, Тоуру, мне! Чего стоит твоя любовь, если у меня нет выбора? Это просто слова! Да лучше бы меня увезли в Тааракар. Пусть продали бы, но зато это было бы честно! Я бы точно знала, чего от меня хотят и чего ждать. Просто и понятно. И пусть этот Тааракарский торговец не стал бы жалеть мои чувства, но он бы и не стал лгать мне!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Не понимаю? Я не ребенок! Боль и насилие в сто раз страшней, если его пытаются прикрыть удобной ложью о любви. Это унижает и разбивает

сердце. Душа может болеть сильнее, чем тело.

Эрнан покачал головой.

– Тебе я не лгал. Ты сама не хочешь слышать правды.

Я подняла на него глаза.

– Я? Не хочу? Я только и делаю, что слушаю, каким извергом был мой отец. Какой сволочью был мой брат. Еще немного, и ты начнешь рассказывать, что маленький Гаран тоже успел испортить тебе жизнь! А ты везде герой! Освободитель и победитель! Еще страну из долгов вытащишь, так совсем героем станешь! Я хочу услышать правду о тебе самом!

– Спрашивай. Что ты хочешь узнать?

Какую правду я хочу знать? Вот так, сразу...

«Как убить тебя? Что делает неуязвимым?»

«Как ты убил Маргед и ее сына?»

«Правда ли ты любишь меня?»

– Когда свадьба? – спросила я.

Он вздохнул. Ожидал от меня совсем не этого.

– Ближе к осени. Свадьба – хороший повод собрать нужных людей в одном месте, обсудить дела. Чтобы собрать – нужно время. Нужно подготовиться. Некоторые советовали мне устроить свадьбу вместе с коронацией, но я не вижу смысла. Сейчас приедет только несколько местных лордов. К тому же даже их сейчас нечем кормить, ведь каждый привезет с собой весь свой двор. К осени должно наладиться.

Деловой подход. Ничего личного. Честно. Да, в эту правду я верила.

– Хороший повод, – повторила я. Внутри все сжалось. Огонь вдруг потух, и спорить больше не хотелось. – Это все, что требуется от меня?

– Не только это, – сказал он. – Еще тебе придется родить мне наследника.

«...плевать на твои чувства». Флир была права.

* * *

Море шумело далеко внизу.

Большой трехмачтовый корабль стоял на рейде. Тааракарский? Я не видела паруса. На рассвете они будут ждать меня.

Сбежать?

Я только сейчас серьезно подумала об этом.

Страшно. Я не верила в льстивые уверения того старика. Ему тоже плевать на мои чувства, как и его хозяину. Он всего лишь хочет получить

то, за что заплатил.

Но тут я, по крайней мере, понимаю все с самого начала. Это честно.

Этот Орс не убивал мою семью, и мне не за что его ненавидеть.

Я не знаю его, но, может статься, он не такой уж плохой человек.

Заранее понимать, чего от меня хотят, не прикрываясь сказками о любви.

Разве это так ужасно? Меня все равно должны были выдать замуж, не в Тааракар, так в Фаннар или еще куда-то. Это судьба любой девушки из благородной семьи. Зачем бояться? Последняя воля моего брата...

Там, внизу... Отсюда хороший вид на сад. Я видела Флир внизу. Она словно кого-то ждала, расправляла кружева на платье, поправляла волосы... Я огляделась вокруг. Эрнан шел по аллее, от замка куда-то в глубь сада, возможно, к стене. Или к ней? Я...

Мне кажется, я даже перестала дышать, наблюдая. Он свернет? Нет?

К ней? Между ними осталось уже совсем немного... вот Флир заметила его, изящно поклонилась, что-то сказала ему, но отсюда невозможно услышать слов. Он кивнул мимоходом, не останавливаясь. Пошел дальше.

Не к ней.

Я выдохнула, наконец.

Флир подняла голову, глядя на мой балкон, тряхнула роскошными волосами. Я едва удержалась, чтобы не спрятаться. Я не подглядывала, нет! Это вышло случайно.

«Правильно, оставь его в покое. Ему нужна любовь. А ты не можешь ему этого дать».

Не могу.

И никогда не смогу соперничать с Флир. Если она захочет... Он, конечно, женится на мне, но ночи проводить будет с ней.

Я не выдержу этого. Это даже страшней...

До хруста в пальцах стиснула мраморный парапет. Нужно что-то делать.

Море шумело вдали.

Корабль на рейде.

Я увидела, как шлюпка спускается на воду с корабля. За мной? Нет, не может быть, еще рано. Они обещали на рассвете.

Сбежать?

Это совсем не сложно. Нужно лишь спуститься вниз, пройти через сад и выйти за Ворота. Меня даже не остановят, я гуляла у моря много раз. И к Костяной скале. Туда, где раньше казнили убийц, где Эрнан разговаривал с

Ингрун.

Я могу.

Так будет лучше.

Глава 9

Я не успела даже сесть в лодку.

Тааракарцы ждали меня. Тот самый старик, десяток вооруженных до зубов воинов. Все суровы и насторожены.

Я успела подумать: зачем им оружие? Разве они собираются воевать?

Но только в лодку сесть уже не успела.

Королевские гвардейцы свалились буквально с небес, налетели со всех сторон, и воздух наполнился звоном мечей. И воплями.

Я испугалась, мне показалось даже, что сейчас и меня зарежут тоже в общей куче, в суматохе. Я бросилась было бежать, но не успела тоже.

Меня поймали, не церемонясь скрутили по рукам и ногам. Огромный рыцарь из личной гвардии Эрнана взвалил меня на плечо, потащил, словно мешок, к хозяину. Дергаться я не могла, кричать тоже сил не было. Да и что толку.

Меня убьют? Накажут за побег, уж наверняка. Что теперь будет...

Страшно.

Неудобно и больно, веревки давят, стальной наплечник врезается в живот.

По щекам текут слезы.

Что же я наделала...

В первый раз по-настоящему боялась Эрнана. Что он теперь сделает со мной? Эго терпение не безгранично, и иллюзий совсем не осталось, никакие детские воспоминания не спасут.

Так сильно я не боялась даже отца.

По лестнице вверх...

Внутри все сжимается от ужаса.

Я еще вижу разрубленные пополам тела на берегу, кругом кровь. Не смогу этого забыть.

Дверь распахивается.

Я крепко-крепко зажмуриваю глаза. Мне все равно ничего не видно, но...

Шаги.

– Мы успели взять их, ваше величество, – говорит рыцарь и бросает меня на пол. К его ногам.

Я сжимаюсь в клубок.

Эрнан молчит. Наверно, он делает какой-то знак, потому что рыцарь

уходит.

Тишина.

Я все еще не решаюсь открыть глаза. Сердце колотится и шумит в ушах.

Он стоит надо мной, я слышу его дыхание.

Пытается решить?

Лучше бы я умерла.

Лучше бы сразу, еще в башне, выпрыгнула бы в окно.

Он наклоняется надо мной. Режет веревку на ногах. На руках... нет, он пока медлит. Потом и на руках режет тоже.

– Встань, – говорит хрипло и глухо.

Я не могу. У меня не хватает сил даже открыть глаза и посмотреть на него.

Тогда он поднимает меня и ставит на ноги.

– Боишься? – говорит он. – Правильно боишься. Еще немного, и моему терпению окончательно придет конец.

Еще немного...

Не сейчас?

У него такое лицо... Каменное. Серое, словно неживое.

– Ты решила сбежать? – говорит он. – Ты ведь сама пришла к ним, тебя не выкрали из замка. Ты решила, что там тебе будет лучше? Или просто захотела мне отомстить?

У меня подгибаются ноги и дрожат губы. Что я могу ему сказать? Да, решила сбежать... Ох, Небесная Мать, помоги мне!

Глаза Эрнана черные и страшные, я не в силах смотреть в них.

– Стать пятой женой жирного старика для тебя лучше, чем остаться здесь? – говорит он. – Когда он задерет тебе юбку и полезет осуществлять свои права, то тебя будет успокаивать, что он никого не убивал?

– Старика?

– Насколько я знаю, Фиро Орсу за шестьдесят, у него уже с десяток внуков. Но молоденьких девочек он любит до сих пор.

– Нет... Я думала... Мне сказали, Джанкаро...

Эрнан зло ухмыляется.

Подходит к столу, роется в бумагах, берет договор.

– Читай, – говорит он.

У меня трясутся руки и все плывет перед глазами. Я едва понимаю, что там написано. Разбираю только: «Луцилия из рода Айн, принцесса Таррена и Фиро Орс из...» Подпись Хаддина и королевская печать.

Небесная Мать!

Я не знала. Я ведь сама предположила это, сама сказала и сама обманула себя. Тот старик лишь подыграл мне.

Я словно падаю в глубокую яму.

Чуть не роняю договор, но Эрнан успевает поймать.

– Надо было отпустить тебя с ними, – теперь он смеется надо мной. – Надо было позволить тебе сбежать, может, хоть поумнела бы, раз и навсегда. А этот Джанкаро? Ты видела его?

Кажется, я страшно краснею, уши горят.

– Да, – тихо говорю я. Хочется провалиться сквозь землю.

– Да? И как? Он молод и красив? Он никого не убивал, и ты готова полюбить его? А я, такая скотина, помешал вашему счастью?

Я кусаю губы. Только бы не разрыдаться прямо сейчас.

Я не позволю ему смеяться надо мной!

– Да пусть даже Фиро! – говорю я, голос дрожит, я изо всех сил стараюсь справиться. – Пусть он старик, толстый и страшный! Но он никого не убивал! И не лгал мне. Все честно! Мне не за что ненавидеть его! Пусть лучше так!

– Все честно? – Эрнан щурится. – Какая ложь беспокоит тебя больше всего? Что я должен признать? Что я обманул Тоура? Нет. Исара я обманул, признаю, но Тоур как раз знал. К тому же первые два боя я провел совершенно честно, кольцо мне вернули только вместе с повязкой на руку. Сразу нельзя, нужна была кровь, чтобы все видели. Да и... – он вздыхает, втягивая воздух сквозь зубы. – Ладно, что еще, Луцилия? Какую еще правду?

Я не могу поверить.

– Тоур знал? Ты договорился с ним?

– Договорился. Он сказал: «Если сыграешь красиво, я зачту тебе за выплату дани. Развлеки меня. За хорошее представление я готов платить». Золота у морского царя хватает и без меня, но скучно, хочется нового. Когда еще увидишь такое? Ставки велики.

– Тебя не могли убить?

Я помню, как волновалась, чуть с ума не сошла. Мог бы предупредить!

– Не могли убить? – говорит он. – Я сам убил Хаддина, несмотря на кольцо, оно не спасло его. Кольцо защищает лишь от ран, но утопить можно без проблем.

– Кольцо? – вдруг понимаю я, смотрю на него во все глаза. – Это кольцо Хаддина защищает тебя?

Да, этого я не знала тоже. Я что-то слышала о королевской печати, но думала, это сказки.

– Кольцо Хаддина, – говорил он, ухмыляется, поднимает правую руку, снимает с пальца кольцо, крутит его, кладет на ладонь. – Печать Таррена. Ты не знала? Даже я знал, что это защита. Не идеально, конечно, но лучше, чем ничего. Оно сделано для королей, а не для воинов, чтобы прикрыть от ножа в спину или от яда. Но хороший удар мечом может переломать ребра. Можно и убить, наверно. Хочешь надеть и проверить сама?

Проверить? Я надену кольцо, а он ударит меня? Так? С размаху, чтобы сломать ребра, чтобы я поняла и поверила ему, раз и навсегда?

Забрать у него это кольцо, а потом... ведь с живого владельца против воли не снять? Да?

Взять?

В чем снова подвох?

Я не могу.

– Нет, – сказала я. – Но разве до этого... Нет? Я и раньше слышала, что ты неуязвим. Еще до того, как ты взял крепость.

«До того, как убил Хаддина», – хотела было сказать я, но не сказала. Демон, не знающий жалости, не знающий усталости? Способный на невозможное.

– Нет, – сказал он. – До этого меня защищало только собственное умение драться. Больше ничего.

– Я не верю.

Он пожал плечами. «Не верь». Надел кольцо обратно на палец.

– А тот медальон у тебя на шее? – сказала я. – Что это? Исар велел тебе его снять. В нем нет никакой защиты?

Я помню, как Ингрун смотрела на него, как нехотя взяла.

– Нет, никакой, – Эрнан вдруг помрачнел, словно подобрался, взялся за цепочку на шее, вытащил медальон, потом чуть помедлил и снял его совсем, протянул мне. – Это просто... безделушка. На память. Возьми. Открой.

– Зачем? – осторожно спросила я.

– Возьми, не бойся, – велел он. – Заодно разберемся с другой ложью.

Я протянула руку. Почему-то взять было страшно, словно... Я не понимала. Это что-то важное?

Медальон был небольшим и легким, даже легче, чем казался на первый взгляд. Пустой внутри. Там что-то есть?

Я поняла, что сердце снова бешено колотится.

– Нажми пальцами с двух сторон, – велел Эрнан.

Я нажала. Сначала ничего не вышло, я попробовала снова. И крышечка открылась. Там внутри... Сухая трава? Что это? Травинки

сплетены косичкой... Я смотрела на это и не могла понять. Что?

О, боги!

Вдруг разом стало как-то нехорошо. Нужно сесть. Я огляделась, поискала глазами кресло. Подошла и упала в него без сил. Дрожащими пальцами вытащила из медальона колечко.

Мое колечко из травы. Совсем сухое, хрупкое. Оно почти рассыпалось в руках, нужно быть очень осторожной... Столько лет прошло!

Мое колечко.

Эрнан смотрел на меня, поджав губы, так, словно от этого зависела его жизнь.

– Это то самое? – потрясенно спросила я. – Ты хранил его?

– Да. Ты сказала: «Никогда не снимай. Оно будет охранять тебя и ты всегда будешь помнить обо мне». Наверно, стоит вернуть тебе обратно. Да?

– Вернуть? – не поняла я. – Зачем?

Что-то дрогнуло в его лице, и словно пробежала тень. А потом...

Он вдруг шагнул ко мне, так стремительно, выхватил из рук. Потом подошел к окну, размахнулся. Выкинул медальон. Колечко сначала растер в ладони в мелкую пыль и выкинул тоже. Пыль унес ветер.

Ничего не осталось.

– Хватит, – решительно сказал он. – Это больше не нужно.

Я поняла, что сердце оборвалось. Сжалось и заledenело внутри.

Я не могла поверить.

Все закончилось.

Он помнил обо мне все эти годы. А я...

Нарин...

Поднялась на ноги.

Хотелось расплакаться. Хотелось броситься к нему на шею, обнять.

Но я не могла. Даже пошевелиться не могла. Все не так.

Он смотрел в окно.

– Хорошо, – сказал, так спокойно и ровно, что стало совсем уж гадко на душе. – Что еще? Какая еще ложь смущает тебя? Красная лента на платье? Ты хочешь знать почему? Или хочешь, чтобы это перестало быть ложью?

Я виновата, да. Я все делаю не правильно.

– Хочу знать почему, – сказала тихо.

Наверно, я и сама понимала...

– Я надеялся договориться с Тааракаром, – сказал он. – Объяснить так, чтобы они поняли. Чтобы, пусть и не одобрили, но приняли такое решение. Дать понять, что они опоздали. Да и не только им, но и тем, кто придет

потом. Старик Орс хоть и не король, но держит в своих руках все нужные ниточки власти, его влияние куда больше, чем можно подумать. Теперь нам перекроют всю торговлю в Южном море, поставки из Тира и Диджаза. Ни золота, ни зерна. Хорошо, если не устроят очередную войну, повлияв на тот же Гилтас, – Эрнан облизал губы, замолчал и долго смотрел вдаль, потом обернулся ко мне. – Да и тебе, Тиль. Если уж быть совсем честным, то и тебе дать понять, что все уже решено. Пути назад нет. Даже если чего-то еще не случилось, то это не значит... – он вздохнул. – Это не значит, что удастся избежать. Прости. Это было не очень честно. Нужно было сначала просто поговорить с тобой. Но я уже не знаю, с какой стороны к тебе подступить. Я понимаю, что во всем виноват сам, но уже не знаю...

Я видела, как он зажмурился, словно от боли. Отвернулся снова. Как пальцы сжались в кулак.

Прости...

Я шагнула к нему.

Нет, у меня так и не хватило сил подойти, что-то сказать, дотронуться...

Боги! Мне так хотелось подойти и обнять его. Но я не могла. Это неправильно. Я никогда себе этого не прощу.

Он убийца. Я не должна забывать.

Меня так долго учили...

* * *

Он велел мне несколько дней не выходить из своей комнаты.

Меня не охраняли, не запирали дверь. Не думаю, что кто-то стал бы меня ловить, если бы я решила прогуляться в саду. Но я обещала и старалась быть честной. Нельзя требовать честности от других, если не готова быть честной сама.

Я видела новые головы на стене. Отсюда не разглядеть, но служанка, приносившая мне обед, сказала, что это те самые ужасные тааракарцы, которые хотели выкрасть меня. Две головы. Римано Тьюр и Ададь-ин-Дидар. Те двое, что приходили к Эрнану за мной.

Мне все казалось, что моя голова должна висеть рядом с ними. За побег. Это было бы справедливо.

Отец не простил бы мне. Он бы не ограничился обещанием не выходить из комнаты.

Я не видела Эрнана все эти дни, он не приходил.

И даже Флир не приходила ко мне тоже, оставалось только гадать почему. Я видела ее несколько раз с балкона, издалека. Как-то раз, ранним утром, я даже не думала, что Флир так рано встает... она сидела внизу, напротив моего окна, словно специально ждала, когда я выйду. Увидев меня, Флир чуть откинула голову назад и улыбнулась так... Победно? Довольно и сладко, словно кошка. Мне показалось даже... Нет, мне просто показалось. Ведь Флир такая всегда. Это ничего не значит. Ну, что я видела, в самом деле?

И все же я постоянно думала об этом. О ней, об Эрнани. Что, если...

И о себе. О том, что нас ждет. О том, что я сама чувствую. И что сама хочу, на самом деле.

О всей этой правде, что свалилась на меня.

Как я жила все эти годы?

Я сходила с ума.

Я сидела на балконе, глядя на море.

Я читала книжки. Я вышивала узоры шелком.

Словно во сне.

* * *

Со дня похорон прошло сорок дней.

День мертвых.

Я не выходила еще из своей комнаты, но сегодня поняла, что пришло время. Я имею право, хоть ненадолго. Нужно сходить в часовню.

Утренняя часовня посвящена Небесной Матери, дарующей жизнь, всегда залита светом. Ее высокие стрельчатые окна выходят на восток, на восход солнца. Со стороны моря и Небесного Чертога.

Вечерняя часовня выходит на закат. Окно здесь маленькое, узкое, высоко под потолком. Всегда горят свечи. Часовня Темного, хранителя царства мертвых.

Маленькие фигурки стоят в нишах по стенам, я знаю их всех – мои предки. Короли Таррена. Королевы. Мой дед Йестин, я никогда не видела его, говорят, он был великим и мудрым королем. Майлог – мой отец. Он завоевал полмира, многие ненавидели его, многие говорили, что он слишком увлекся войнами и совсем забыл о том, что творится у него дома. Мне сложно об этом судить. Его фигурку уже вырезали из мрамора, скульптор постарался... отец смотрел на меня, как живой. Осуждающе.

Энит – моя мать. Она умерла, когда мне не было и года. Я совсем не

помню ее. Лишь иногда, сквозь сон, мне кажется, словно я слышу ее голос, словно она поет колыбельную мне. Такая красивая.

Оуэн – мой брат. Здесь он даже взрослее, чем был. Оуэну было двенадцать, он был веселым курносым мальчишкой, а здесь выглядел серьезным и статным юношей. Он мог бы стать таким. Он был моим любимым братом, это с ним мы бегали купаться в море и лазили по скалам, скакали верхом и стреляли из арбалета. Отец не одобрял этих игр, часто наказывал, но пока Оуэн был жив – удержать меня от мальчишеских забав было сложно. Потом – как рукой сняло, стало не с кем. Да и незачем стало, все потеряло смысл.

А тогда – он, я и Нарин. Это вышло само собой. Сначала Нарин седлал нам лошадей, потом начал ездить вместе с нами. Нарин был старше Оуэна, выше и сильнее, но Оуэн старался ни в чем не уступать. Ему нравилось это соперничество, он не боялся проигрывать, хоть всегда рвался победить, изо всех сил. Да и с Нарином, в отличие от Хаддина, это всегда было лишь весельем и детской игрой. Не всерьез. Они играли в рыцарей, дрались на деревянных мечах и прыгали в море со скалы.

Они были друзьями.

И я никогда не могла поверить, что Нарин мог Оуэна убить. Только если это случайность. Если это...

Хаддин соперничества терпеть не мог. Он никогда не бегал с нами по полям, он говорил, что уже слишком взрослый и это не для него. Что мы ведем себя недостойно. Он бесился, если проигрывал. Думаю, он ревновал... нам с Оуэном было веселее без него.

Я как-то слышала, отец сказал, что хотел бы сделать Оуэна наследником, младший сын лучше подходит на эту роль. Не знаю, слышал ли это Хаддин...

Как бы там ни было, Хаддин тоже был мне братом. Единственным, кто остался со мной.

Я любила его. Я знала, что он далеко не идеален, что он вспыльчив и временами жесток, но у меня больше никого не было. Никого из родных. Ко мне он был добр. С того самого дня, как умер Оуэн, Хаддин сильно изменился, иногда мне казалось, он пытается заменить собой потерянного брата. Не знаю...

Три последние фигурки: Хаддин, Маргед и Гаран – вырезаны из дерева. Довольно грубо, без особого портретного сходства. Их сделали в день похорон. Скоро дерево должны заменить на камень.

Гаран... деревянная фигурка стоит на тонких ножках, такой же человечек, как и взрослые, только маленький. Он не успел научиться

ходить, он ничего не успел. Я помню, как брала его на руки, помню его большие голубые глазки и пушок на голове. Каким бы он вырос? Похожим на отца?

Я принесла ему меда и молока. Поставила на жертвенник.

Для остальных – вино и хлеб. Как подобает.

Я помолюсь, чтобы их души во тьме обрели покой.

Огонь свечей дрогнул.

Я обернулась.

– Прости, Тиль, я не хотел мешать, – тихо сказал он.

Эрнан.

– Выйди, пожалуйста, – попросила я. – Тебе не стоит сюда заходить.

– Хорошо.

Он вышел за порог. Остался там. Он тихо стоял и ждал, пока я закончу.

И только потом...

– Я не должна была выходить из комнаты, да? – спросила я.

– Нет, – сказал он. – Ты можешь выходить, если захочешь. Я пришел сказать о другом. Я... Я виноват перед тобой, Тиль. Это моя вина, что все вышло так.

– Ты виноват перед ними, а не передо мной, – сказала я.

Он поджал губы, кивнул. Мне все казалось, он хочет сказать что-то еще, что-то важное, но то ли не находит слов, то ли не может решиться.

Что мне его слова?

Уже ничего не исправить.

Разве маленький Гаран был в чем-то виноват?

– Скажи мне, – я смотрела прямо ему в глаза. – Скажи, Гаран не мучился? Ты убил его быстро? Ты сам убил его?

Я видела, как лицо его разом побелело. Совсем. Но он шагнул ко мне и сейчас стоял так близко-близко, чуть склонившись.

– Ты должна знать, Тиль, – сказал совсем тихо, едва слышно, одними губами. – Тот мальчик, который сгорел на костре, умер под обломками дома вместе со своей матерью, когда мы брали город.

Он смотрел мне в глаза... Прямо в глаза, не отрываясь. Словно надеясь взглядом передать больше, чем словами.

Я...

– Мальчик? – шепнула я, поняла, что тоже не могу громко. – Ты хочешь сказать...

– Нет, Тиль, – тихо, но очень жестко сказал он. – Я не могу тебе ничего больше сказать. От этого зависит даже не моя жизнь. Не нужно ничего говорить.

Тот мальчик. Не Гаран? Ведь именно это он пытается сказать.

Это правда? Я так хотела в это поверить.

– А Маргед?

Он покачал головой.

Хаддина он убил в честном бою. Даже не честном, Хаддин был почти неуязвим.

И все же Хаддин был моим братом. Это не он пришел с войной.

Каким бы он ни был, он защищал свою землю и свой дом.

Эрнан смотрел на меня. Его глаза...

Я протянула руку, коснулась его плеча, осторожно, кончиками пальцев.

Он выдохнул. Так, словно целая гора упала с его плеч.

Нет.

– Нет, – тихо сказала я. – Это ничего не меняет. Но я буду знать.
Спасибо.

Он слабо улыбнулся мне.

Глава 10

Огромная очередь просителей к королю. Небесный Чертог.

Они приходили и раньше, но только сегодня я решила выйти сама. Если я стану королевой, то стоит знать, что волнует людей и чем они живут.

Отец не позволял мне присутствовать, говорил – это не мое дело. Но ведь Эрнан не будет против?

Высокий седой мужчина в синем камзоле, глава гильдии каменщиков, как я поняла, просил у казны помощь на восстановление города после войны и пожаров. Эрнан внимательно слушал его. Но даже я уже понимала, что в казне денег нет.

Тихо подошла, встала у Эрнана за спиной. Он обернулся. Потом молча кивнул кому-то, и мне принесли кресло.

Эрнан слушал всех. С кем-то он соглашался, кому-то отказывал, но чаще всего приходилось искать компромисс, искать решение, вникать, дотошно разбирать любое дело.

Уже часа через два я поняла, что начинает трещать голова, а посетители не заканчиваются, и не видно им конца. Я знала, что Эрнан сидит тут с рассвета. Почти полдень... Сколько еще? Я устала, уже почти не понимала, что они говорят. Но нельзя же просто встать и уйти? Слава богам, меня никто ни о чем не спрашивал, можно было просто слушать, разглядывать этих людей и думать о своем. Я старалась сидеть прямо и слушать внимательно.

– А вы что думаете, ваше высочество?

Я вздрогнула.

Красивая женщина, одетая по-мужски, смотрела на меня. Она говорила что-то о танцах? О состязаниях? О каких-то играх в честь нового короля?

Я прослушала вопрос.

Несколько секунд паники.

Что я думаю?

– Прошу простить меня, но сегодня я воздержусь от того, чтобы высказывать свое мнение, – сказала осторожно. – Я здесь для того, чтобы слушать и учиться. Думаю, его величество найдет для вас достойный ответ.

Женщина поклонилась, в уголках ее губ мелькнула улыбка.

Раз уж я здесь – нужно слушать внимательно. Я приду сюда снова, буду слушать. Буду учиться.

– Тиль, проснись! – он разбудил меня на рассвете, еще в полутьме.

Увидев его так близко, внезапно, едва проснувшись, я испугалась сначала, ойкнула, натянула одеяло по самые уши. Он сидел рядом на корточках, чуть склонив голову набок, и весело улыбался.

– Пойдем, погуляем в город, принцесса?

– Погуляем?

– Да!

Он улыбался. Сейчас выглядел совсем мальчишкой, словно все заботы разом свалились с его плеч, напряжение спало, словно и не было этих лет, и он не король... Он и одет был в простую темную рубашку, потрепанные армейские сапоги, короткий меч на боку. Если не знать заранее, можно подумать, что он один из тех солдат, пришедших из Лохленна и оставшихся в городе. Простой солдат.

Заметив мой взгляд, Эрнан поднялся на ноги, давая возможность разглядеть свой наряд.

– Я и тебе платье принес, – кивнул он, от улыбки на его щеках появлялись едва заметные ямочки. – Одевайся, и я буду ждать тебя у ворот.

– Зачем?

Это было так неожиданно.

– А почему бы и нет? – сказал он. – Ты же совсем не знаешь свой город. Пойдем, посмотришь. Лучше всего можно рассмотреть изнутри, слившись с толпой. Так ты увидишь больше.

– Только вдвоем?

– Да. Помнишь, в детстве мы мечтали убежать в город? Давай сделаем это теперь? Сбежим на один день ото всех, никто не узнает. Просто погулять.

Разве так можно?

В дверь осторожно заглянула горничная, принесла мне воды для умывания.

Эрнан не сомневался. Я могу отказаться...

Почему бы и нет?

Какая-то удивительная, почти детская радость захлестнула меня. Словно что-то вернулось, словно это игра.

Почти игра.

Мне действительно стоит лучше узнать своих людей, посмотреть, как они живут, чем живут. Это важно. Конечно, важно.

- Отвернись, я оденусь, – сказала Эрнану.
- Я выйду, не волнуйся. Буду ждать тебя у ворот.

Дорога в такой ранний час была почти пуста, лишь изредка в сторону замка проезжали повозки.

А вот город уже проснулся, загудел. Я видела его впереди, нужно лишь спуститься с холма.

Мы шли по обочине, рядом. Сначала молчали. Это было как-то странно и необычно. Словно неправильно, словно мы делаем что-то непозволительное. Но в то же время... Я не понимала...

Потом Эрнан начал расспрашивать, как я жила тут все эти годы, о простых повседневных вещах, прогулках, праздниках, увлечениях. Я начинала рассказывать. О моей няне, которая в детстве рассказывала нам чудесные сказки, ее любви хватало на всех, она не делала различий между принцами и простыми мальчиками. Няня умерла три года назад, совсем старой, она нянчила еще мою мать. Я плакала о ней, как о родной. Еще о рыжеухой собаке Сардинке, которая жила на конюшне, о том, как она сгрызла сапоги лорда Эйтона и о том, какие у нее были щенки. И о большом турнире, который отец устраивал в честь победы в Гилтасе, на который съезжались все рыцари со всех земель.

Мы шли рядом. Совсем близко. Вместе.

Так, словно он был моим другом.

Словно...

Словно ничего не было.

Так не должно быть. Я понимала это умом, но сердцем чувствовала, что все правильно.

Несколько раз Эрнан, словно невзначай, задел мою руку, легко, осторожно. Я не отстранилась. И тогда он поймал мою ладонь... у него были жесткие, даже немного шершавые пальцы, очень сильные... Он держал меня за руку, как в детстве.

Я замолчала, долго ничего не могла говорить. Шла, смутившись, прислушиваясь к своим чувствам. Я не должна, но...

– Значит, Гаран жив? – очень тихо спросила я.

Это было важно. Раньше мне казалось – это самое страшное, то, что я никогда не смогу простить, но теперь...

Эрнан чуть сжал мои пальцы.

– Прости, Тиль, я не могу об этом говорить. Принц Гаран умер и сгорел на костре, это знают все, и это должно остаться единственной правдой. Ни у кого не должно быть сомнений. Любое неосторожное слово

может все разрушить. Я и так не должен был говорить тебе.

Вокруг никого, совсем никого, только дорога и ветер, город еще впереди.

– Он жив?

– Да, – сказал Эрнан.

Я сжала его руку. Он улыбнулся в ответ, чуть кривовато, словно неохотно.

Верю ли я ему на этот раз? Мне ужасно хотелось верить. Слишком много всего стоит между нами, пусть хоть это...

– А расскажи о Лохленне, – попросила я. – Как там? Я никогда не была и даже не представляю.

Он принялся рассказывать.

Это было волнительно и удивительно легко.

Город начался как-то сразу и вдруг, поднялись стены, уличная брусчатка легла под ноги, в уши ударил многоголосый шум толпы. Я слегка испугалась с непривычки. Когда едешь верхом, в окружении охраны – все воспринимается иначе. Мне вдруг показалось, меня сейчас затопчут, затолкают, я потеряюсь. Но Эрнан был рядом, он держал меня за руку, и я успокоилась.

Все хорошо.

Он повел меня в порт. Показал корабли из Гилтаса, стоящие на разгрузке. Корабли из Лора, из Андарина.

У нас все еще невообразимая куча долгов, но зато вопрос продовольствия больше не стоит так остро. Торговля возобновилась, до урожая мы как-нибудь дотянем. Я видела, как Эрнан радуется и даже немного гордится собой. Не слишком сильно гордится, прекрасно понимая, что до войны у нас не было таких проблем.

Мы гуляли по набережной, смотрели на корабли и рыбацкие лодки.

Купили пирожки с капустой, горячие и вкусные, я только сейчас поняла, как ужасно проголодалась.

Прошли по рынку. Небесная Мать, сколько тут всего! Я видела, что часть рядов пуста и что раньше рынок занимал больше места, но даже сейчас! Оружие и ткани, золотые украшения и глиняные кувшины – у меня голова шла кругом. Удивительно, но Эрнан чувствовал себя, словно рыба в воде. Он мог легко подойти к любому из торговцев, завязать непринужденный разговор, прицениться, сбить цену едва ли не вдвое и так и не купить, пообещав заглянуть в другой раз.

Он жонглировал яблоками! Двумя, тремя и даже пятью сразу!

Подкидывал так быстро и высоко, ловил их за спиной, перекидывал из-за спины вперед, через себя, подкидывая их ладонью и даже отбивая локтем. Вокруг нас начали собираться зеваки, немного расступились, освобождая место. Яблоки ни разу не замирали в его руках, даже когда он встал на голову. Он стоял на правой руке, подкидывая два яблока левой, потом наоборот. Потом снова перевернулся на ноги и, высоко подкинув яблоки, сам подпрыгнул, перекувырнувшись в воздухе через голову, и поймал снова. Еще умудрился ничего не задеть на узкой улочке между прилавков. Засмеялся.

– Ну, все, – довольно сказал он. – Если что-то не сложится, смогу зарабатывать на жизнь, как уличный артист!

Ему хлопали.

Потом подарили два больших сочных апельсина за представление.

– Где ты так научился? – спросила я.

– Это все Айнар, – сказал он. – Вообще-то, он учил меня драться, но и это тоже. Говорил, нужно хорошо чувствовать свое тело и заодно все предметы, которые летают вокруг, ничего не упускать. Одной силой не возьмешь, нужна ловкость. Тем более, против морских демонов человеческая сила вообще ничего не значит. Айнар – лучший мастер из всех, кого я знал. Но ему почти пятьсот лет, это не удивительно. Исара он учил тоже, причем его, понятно, намного дольше, чем меня.

– А если бы Исар решил выйти против тебя? Тогда, когда ты дрался с демонами?

Эрнан усмехнулся.

– Я бы, пожалуй, не решился выйти против Исара, даже обвешавшись кольцами. Против него у меня нет шансов. Хотя, с другой стороны, если бы мне посчастливилось Исара убить, то я навсегда испортил бы отношения с Морем, и тогда всем бы пришлось не сладко. Сомнительная альтернатива.

Потом мы сидели на площади у фонтана. Эрнан чистил апельсины, кормил меня и рассказывал разные истории, я слушала. Сидела, отдыхая, вытянув ноги, уставшие после долгой ходьбы. Солнце поднялось высоко и светило так жарко, но брызги воды несли прохладу и покой. Было хорошо... Казалось – все только сон, я вовсе не принцесса, а простая девушка, дочка какого-нибудь булочника, а Эрнан парень, живущий неподалеку, и ничего не может нам помешать. Все легко и просто. Я даже положила голову ему на плечо.

– Вот шлюха! – услышала вдруг. – Вы только посмотрите на нее!

Горбатая старуха подошла совсем близко и тыкала в меня своей клюкой.

– Только посмотрите! Ведь ты же наша! Ты же наша девка, а?! Продалась этой лохленнской вороне! Ведь они же захватчики, а! Убийцы! А ты сидишь с ним! Своих парней мало? Он купил тебя?! Сколько он тебе заплатил?!

– Пойдем, – Эрнан потянул меня за руку. – Пойдем отсюда. Не слушай ее.

Я вскочила.

Старуха еще кричала мне вслед. Конечно, она не узнала меня, но ведь прекрасно видно, что я местная, своя, а он – захватчик, один из них, пусть и выглядит сейчас как простой солдат, а не король. Он захватчик...

– Пойдем домой, – тихо попросила я.

Он кивнул.

– Не слушай, Тиль. Люди всегда будут болтать...

Я зажмурилась. Мне было страшно даже смотреть людям в глаза. Теперь мне казалось – все тыкают в меня и думают то же, что и старуха. Это ужасно.

Вся удивительная легкость утра закончилась разом.

* * *

– Шлюха! – орал Хаддин.

Я была ребенком, я не понимала, что сделала не так. За что?

У нас поспела вишня в саду. Такая крупная, сочная, такая невероятно вкусная, что я не могла устоять. Вишневых деревьев было много, но именно такой, крупной и сладкой – только два. Я оборвала все нижние ветви, какие только могла достать. Но до верхних добраться было нелегко. Тогда я пожаловалась Нарину, и он решил помочь.

Он нарвал мне ягод, он был выше и достать мог намного больше. Потом он посадил меня к себе на плечи, и я смогла достать еще. Потом он полез на самый верх, рвал и бросал мне, а я ловила. Я собирала ягоды в подол и вся перемазалась этим вишневым соком, я понимала, что меня будут ругать, но устоять не могла. Испортила платье...

Потом мы сидели, ели вишню, смеялись и кидались косточками – кто дальше.

Я так объелась и так набегалась в тот день, что, кажется, даже задремала у Нарина на плече.

А потом прибежал мальчишка Рур с конюшни.

– Нарин! – закричал он. – Беги скорее! Король идет! Если он увидит

тебя, то убьет наверняка!

Нарин вскочил, не очень понимая, в чем именно провинился.

– Что случилось?

Но мы вместе с Руром быстро выпихнули его, заставили убежать. Я тоже не понимала, но на всякий случай. Отец не одобрял, он разозлился бы...

Я не думала, что все может быть так серьезно.

– Луцилия! – грозно позвал отец издали.

А потом, когда он увидел меня, его лицо перекошило.

– Что происходит?! – потребовал он.

Мне стало так страшно, что даже перехватило горло, я ничего не могла сказать. Я не понимала. Что произошло?

– Ничего! Я просто...

– Шлюха! – заорал Хаддин у отца за спиной. – Что ты сделала?! Ты опозорила всех!

– Нет! – крикнула я.

Но отец уже шел ко мне, и в его глазах горела ярость.

Мне показалось, сейчас он меня убьет.

Я сжалась от страха.

– Что ты сделала, Луцилия! Ты сама позволила ему?!

Что?! Я готова была разрыдаться, но не понимала, что происходит.

Я видела, как отец замахнулся, чтобы ударить меня.

Но тут между нами влетел Нарин.

– Не трогай ее!

И тяжелая пощечина досталась ему. Потом еще, уже в полную силу. Меня все же отец жалел, а Нарина никогда бы жалеть не стал. Он ударил так, что Нарин отлетел в сторону. Но тут же, спотыкаясь, вскочил на ноги и снова бросился между нами, защищать.

– Ах ты тварь! – заревел отец. – Тебя давно надо было прирезать!

Он выхватил меч.

Нарин стоял перед нами, раскинув руки, не пытаясь убежать, закрывая меня...

И тогда я испугалась по-настоящему.

– Нет! – закричала я. – Нет! Не надо! Мы ничего не сделали! Мы собирали вишню! Нарин рвал вишню для меня! Я не могла достать! Я попросила его! За что?! Папа, не надо! Не надо, пожалуйста!

Я кинулась стрелой, поднырнув под рукой Нарина, и буквально повисла на отце, уже не думая о себе и о том, что мне за это будет. Я схватила его за руку, пытаясь отобрать меч, я даже пыталась кусаться от

ужаса, вцепилась изо всех сил. Главное – не дать ему!

– Вишню? – ревел отец. – Посмотри на себя!

Засохшие бурые пятна на платье.

Кровь? Я только сейчас поняла – они думают, что это кровь?

– Это вишневый сок! – закричала я. – Я собирала ягоды в подол, хотела собрать больше. Я испортила платье, прости! Я испортила... Я объелась вишни и уснула! Не трогай его! Он только нарвал вишни для меня!

Отец стряхнул меня с себя, как котенка. Потом приказал страже увести меня в дом. И целый месяц потом не выходить из комнаты, и никого не пускать ко мне. Я думала, что сойду с ума в одиночестве.

Сойду с ума, не зная, что с ним.

Ко мне приходила старуха. Она заставила меня раздеться, долго смотрела и щупала со всех сторон. Велела лечь и развести ноги и смотрела там... Было ужасно. Страшно и противно. Я рыдала потом два дня.

Кто-то сказал отцу, что мы с Нарином... что мы там спим вместе в кустах и что я...

Как это возможно?

Мне было так плохо, я готова была провалиться сквозь землю и умереть.

А Нарин...

Когда мне, наконец, позволили выйти, я узнала, что Нарин жив и все хорошо. Теперь уже все. Ему сломали руку и ребра, так избили, что неделю он вообще не приходил в себя. Но теперь прошел месяц, он немного отошел, окреп и начал вставать. Все хорошо, он сильный мальчик, скоро совсем поправится.

Очень долго мне было страшно даже смотреть в его сторону. Даже не из-за себя, а из-за него. Вдруг кто-то подумает снова...

Это все в тот, последний год. Мне едва исполнилось девять, а Нарину четырнадцать.

Еще немного, и я потеряла его окончательно.

* * *

Он шел рядом, глядя под ноги и иногда бросая короткие взгляды на меня.

По дороге он попытался снова взять меня за руку, но я отстранилась, и он не стал настаивать.

Я понимала, что сейчас он ни в чем не виноват и ничего не сделал, мне не за что обижаться, но... Дело во мне. Нужно время. Разобраться в себе. Мне ведь уже показалось, что у нас что-то может получиться, что все не так страшно, и хорошо, что я...

Ненадолго.

Он шел молча.

Он уже пытался говорить, объяснить мне, сказать, что не стоит слушать какую-то старуху, и не все ли равно? Какое мне дело до чьей-то болтовни? Важно лишь то, что думаю и чувствую я сама. Только это.

Я понимала.

Я была согласна с ним.

Я видела, что он переживает за меня. И если бы мог, если бы это хоть что-то значило, то готов был снова броситься грудью меня защищать. Даже ценой собственной жизни. Не сомневаясь.

Но не драться же со старухой.

Что так сильно задело меня? Чего я не знала до сих пор?

Солнце стояло в зените, повозки громыхали всякой снедью, и всадники неслись мимо нас, поднимая дорожную пыль. Нас не замечали, никому не было дела, никто и подумать не мог.

Эрнан хмурился, глядя под ноги.

– Я понимаю, что прошлого не вернуть, мы не дети, – говорил он. – Я понимаю, что сам загнал себя в угол, сделал все сам, и выход никак не найти.

– Если бы все можно было вернуть назад...

– Нет, – говорил он. – Даже если все вернуть назад, ничего бы не изменилось. Я бы сделал все то же самое. Я не вижу ни одной возможности поступить иначе. Прости, Тиль, но ничего не изменилось бы.

– Ты убил бы Хаддина?

Он вздохнул.

– Да.

Он не жалел об этом.

– И захватил бы Таррен?

Станный вопрос.

– Если у тебя есть армия, и ты можешь принести безопасность своей стране... Из Лохленна и так вытянули все соки. Теперь можно не волноваться, никто не посмеет сунуться. Мой народ может жить спокойно. Я не вижу, где ошибся. Только с тобой...

– Где ты ошибся со мной?

– Тиль... Наверно, нельзя получить всего. Получая одно, теряешь

другое. Приходится выбирать.

– Ты выбрал мести?

– Отказавшись от мести, я все равно не получил бы тебя, ты уехала бы в Тааракар или Фаннар, или еще куда. Я не знаю, что должен был сделать, просто не вижу других путей. Я постоянно пытаюсь найти эти пути, но не вижу...

Если бы не война, если бы Хаддин был жив, он бы никогда не позволил мне выйти за Эрнана замуж. Даже за короля Лохленна – не позволил бы.

Нет других путей.

Потом мы долго шли молча. Рядом.

Я понимала, что он прав. Что всю жизнь поступал так, как считал необходимым и правильным, не жалея ни о чем. Я хорошо понимала его и не могла осуждать. Ему удалось невозможное...

Но я...

Как бы я поступила? Мой выбор?

Понять и принять его до конца. Не оглядываясь.

Я просто боюсь признаться сама себе.

Я ведь сама этого хочу, просто не в силах признаться. Хаддин говорил – я не имею права даже думать о нем. Это предательство своего народа, своей семьи. Я должна ненавидеть захватчика.

Но я не могла ненавидеть.

Я даже бояться его не могла. Я знала, что мне нечего бояться.

И даже там, в башне, у окна, когда его войско ворвалось в замок, я ждала его. Если бы хотела умереть, то прыгнула бы в окно еще до того, как он выбил дверь. Но я верила, что он меня спасет.

И он спас.

Сейчас он шел рядом, глядя под ноги.

Если я не смогу быть с ним, как я смогу быть с кем-то другим? Без него мое счастье невозможно.

Нужно решиться.

Я потянулась, коснулась его руки.

– Нарин, – я вдохнула поглубже, собираясь с силами. – Я тоже люблю тебя.

Он замер. Остановился и замер, словно приходя в себя. Потом повернулся ко мне.

– Тиль...

Я уткнулась носом ему в грудь.

И он меня обнял. Прижал к себе, так осторожно, но крепко.

– Мне все время кажется, что я не должна... Что я должна ненавидеть тебя. Что так не правильно. Но я ничего не могу с собой поделать. Я просто схожу с ума. Я люблю тебя, и даже сама себе боюсь в этом признаться. Все так сложно. Мне нужно еще немножко времени, хорошо? Просто привыкнуть. Перестать бояться. И я... Я все равно люблю тебя.

Он обнимал меня. Стоял почти неподвижно, словно боясь спугнуть, не веря, прижавшись губами к моим волосам. Я тоже обняла его, крепко обхватила руками... Это было так хорошо. Словно все закончилось. Словно разбилась невидимая стена между нами. И счастье... Счастье наполняло меня, и еще удивительный свет и тепло.

Мне вдруг показалось – я бабочка. Высохшая бабочка на окне, которую подняли и согрели в ладонях. И я уже готова расправить крылья. И полететь.

Все будет хорошо.

А потом мы возвращались домой, взявшись за руки.

Глава 11

Я впервые ночевала под открытым небом.

Мы ехали в Лохленн.

Уже скоро Эрнан немного разобрался с делами и решил съездить домой. Посмотреть, как идут дела, проверить. Без двора и обозов, не тратя время. Верхом, лишь он и пятеро доверенных гвардейцев в сопровождение. И я. Он предложил мне, сразу сказал, что поедут быстро, целый день в седле. Если я готова – он с радостью возьмет меня, если нет – задерживаться не хочет и не хочет надолго оставлять Таррен.

Я согласилась.

Мне было страшновато немного, я никогда не ездила так далеко. Я вообще никуда не ездила. Я хоть и хорошо сидела в седле, но почти неделя в дороге меня пугала.

Минимум вещей с собой, только самое необходимое.

Поначалу это казалось легко.

Дороги от города были хорошие, мы ехали быстро, усталости еще не чувствовалось.

Мы с Эрнаном ехали рядом, двое гвардейцев впереди и трое позади. Мне было немного непривычно в такой компании, неловко. Без слуг, без женщин... Но Эрнан был рядом, и с ним было спокойно.

Я понимала, что эти пятеро не просто эскорт.

Эрнан рассказывал, что с Ареком они когда-то вместе таскали мешки в порту, разгружали торговые корабли, потом вместе ходили в Тир гребцами на галерах. Тогда, конечно, Эрнан еще не был королем и даже речи об этом не шло, никому не известный парень без гроша в кармане. Арек сын бедного крестьянина, сбежавший в город в поисках лучшей доли, а теперь он лорд Медового Камня.

Армия не берется из ниоткуда. Они вместе прошли весь путь, от самого начала.

Лохан – тот самый рыцарь, который отбил меня у таараканцев и на плече притащил в замок, огромный и косматый, но неожиданно веселый и болтливый. Бывший наемник, с которым Эрнан ходил вместе под Бьяром. И Рух из Сатора – тоже бывший наемник, высокий длинноволосый красавец, по которому сходят с ума все девушки при дворе. Он выглядел едва ли не принцем, такой строгий и утонченный, но происхождение его было отнюдь не благородным.

Благородным был Киар – сын лорда Йоса, его отец один из первых Лохленнских лордов, поддержавших Эрнана. А Брихан – младший сын лорда Дамера, только-только посвященный в рыцари, рыжий кудрявый мальчишка, не старше меня. Он, наверно, единственный, кто смотрел на Эрнана, как на короля, остальные – как на равного, по старой привычке. С уважением, конечно, но как на равного.

Первую ночь мы ночевали в трактире, у меня была отдельная комната и теплая вода, помыться с дороги. И вкусный сытный ужин. Я даже подумала, что все не так уж плохо.

Но проснувшись на следующее утро, поняла, как сильно болят ноги и спина.

Эрнан разбудил меня.

– Как ты? – спросил он, глядя, как я, охая, вылезаю из постели.

Он выглядел веселым и бодрым, хорошо отдохнувшим, несмотря на то, что со своими гвардейцами еще полночи сидел внизу, пил и веселился, и кто-то даже пел – я слышала сквозь сон. Я же сама пошла спать сразу после ужина, думала, долго не усну на непривычном месте, но уснула сразу.

И все же встать было тяжело, ноги не гнулись. Я никогда так долго не ездила верхом.

– Нормально, – сказала я. – Просто не привыкла.

Раз уж согласилась сама, не стоит жаловаться. Тем более что поздно, не поеду же я обратно одна.

Он принес мне воды умыться, полил на руку. Я плеснула в лицо, поежилась – такая холодная! Поняла, что стою перед ним в одной тонкой сорочке, спохватилась. Но он только засмеялся. Осторожно, по-братски, поцеловал меня в лоб.

Мы устраивали небольшой привал в середине дня, обедали и просто отдыхали. Я видела, что Эрнану этот отдых не нужен, скорее из-за меня.

– Не волнуйся, – говорил он. – Мы никуда не опаздываем.

Где-то по дороге Рух подстрелил двух уток.

Вторую ночь мы ночевали под открытым небом.

Развели костер, расположились вокруг. Арек ошипал уток, насадил на вертел и жарил на огне. Рух достал лютню и, прислонившись к высокой сосне спиной, перебирал струны, наигрывая тихую мелодию. Брихан серьезно полировал и без того блестящий клинок.

Словно другая жизнь в другом мире. Так легко. Здесь можно ни о чем не думать, ни о прошлом, ни о будущем, только о том, что происходит сейчас.

Солнце клонилось к закату.

Здесь речка неподалеку, Ивинка, если я хоть немного понимаю, куда мы едем.

– Я схожу, искупаюсь, – сказала Эрнану.

– Осторожней там. Может, сходить с тобой?

Я покачала головой.

Нашла хороший спуск к воде неподалеку и даже песочек у берега. Река была широкой, мне, пожалуй, и не переплыть, но такой спокойной на вид. Вода – словно зеркало, даже ветра нет. Вокруг никого. Еще чуть дальше, я знаю, Ивинка впадает в море, там Лоуа, крупный портовый город, а выше – Ивинские Холмы.

Тихо. Только лягушки на разные голоса поют в зарослях.

Раздеться?

Я засомневалась было, думала, может быть, стоит купаться в сорочке. Но идти потом в мокром... нет, я так и не взяла ничего переодеться.

Никто не увидит. Эрнан не пустит сюда никого постороннего.

И все же раздеться и стоять совсем голой было неловко.

Быстро нырнуть?

Я попробовала ногой воду. Холодная! Ох, даже не подумала, что будет так. В море вода теплее, и солнце уже давно скрылось.

Закусила губу, зажмурилась, осторожно зашла по щиколотку, потом по колено. Брр. Ну, хоть разок окунуться, раз уж пришла, и на берег. Постояла. Ноги немного привыкли к воде. Сделала еще шаг.

Над рекой, с того берега, поднимался туман.

Надо решиться!

Я зашла почти по пояс, замерла ненадолго, собираясь с силами. Набрала воздуха в грудь. И резко окунулась, почти с головой, оттолкнулась, чуть проплыла вперед.

Холодно! Я даже завизжала, кажется. Попыталась встать, нащупать ногой дно. Тут оказалось неожиданно глубоко, почти по шею, и течение сильное, меня слегка сносило. Еще немного, и утащит на глубину.

– Тиль! – услышала я с берега. – Все нормально?

– Да, – я махнула ему рукой.

– Ты крикнула. Я подумал, вдруг что случилось.

– Вода холодная!

Он засмеялся.

Услышал, значит, и прибежал. А может быть, сидел где-то здесь, неподалеку. Видел меня? Внезапно поняла, что уши начинают гореть.

– Тиль, ты не против, если я тоже искупаюсь?

Вряд ли ему нужно мое согласие, он уже здесь. И все же я видела, что Эрнан стоит, ждет. Он не полезет в воду, если я скажу «нет».

– Хорошо! – крикнула ему я.

Ну и пусть!

Он скинул сапоги, быстро разделся.

Я запоздало было подумала, что стоило отвернуться, но вряд ли его как-то смущал мой взгляд.

И так же быстро он влетел в воду, с разбега, поднимая фонтаны брызг. Нырнул и поплыл под водой. И вынырнул намного дальше меня, уже на глубине, поплыл дальше широкими сильными взмахами... почти до того берега.

Я поймала себя на том, что мне нравится смотреть на него, и я уже жду, когда он вернется...

Может быть, вылезти пока на берег? Одеться?

Я едва доставала ногами до дна, цеплялась кончиками пальцев. Пыталась отгрести немного в сторону и встать поуверенней, но течение не давало. Знаю, стоило только постараться, я неплохо плаваю, но...

Эрнан доплыл до той стороны, встал на ноги и помахал мне рукой. Я махнула в ответ.

А потом он повернул назад.

Я поняла, что почти не дышу, и сердце останавливается... я...

Он ближе...

И поравнялся со мной.

– Не замерзла?

– Немного, – сказала я. – Течение сильное.

– Давай руку.

Эрнан стоял рядом очень уверенно, но он выше меня, вода доставала ему лишь до подмышек, а мне приходилось почти задирать голову...

У него широкие сильные плечи и старый рваный шрам у правой ключицы.

Я подалась вперед, взяла его за руку, он притянул меня к себе.

Его серые глаза казались совсем черными в полутьме.

Он шагнул к берегу, увлекая меня за собой, шаг, еще. Остановился. Теперь я тоже могла стоять.

Он молчал. Он смотрел на меня... он так смотрел... и молчал.

Все еще держал мою руку.

Совсем рядом.

Сейчас...

У меня замирало сердце.

Потом, другой рукой, он коснулся моего плеча кончиками пальцев. Я вздрогнула, дрожь пробежала по всему телу.

– Ты хорошо плаваешь, – сказала я, голос сбивался от волнения.

Его пальцы скользнули по моему плечу, на спину. От этих легких прикосновений кружилась голова.

– Я думал, ты такая неженка, а ты купаешься в холодной воде, – сказал он. – Да и выдержать целый дневной переход верхом не каждый сможет. Ты молодец.

– У меня все болит от этих дневных переходов...

Его ладонь на моей спине, потом и вторая. Он обнимал меня, мягко прижимая к себе.

Я чуть подалась ему навстречу.

Я почти не слушала, не понимала, что он говорит... это не важно.

Коснулась.

– Ты просто удивительная, Тиль, такая красивая, словно речная нимфа.

Теперь я чувствовала его всем телом, всей кожей... мы стояли в воде... Я чувствовала его дыхание. Его сердце бешено колотилось. И мое тоже.

Мне было немного страшно и волнительно в то же время.

Он убрал мокрую прядь волос с моего лба, чуть наклонился, коснулся губами.

Потом поцеловал меня. У него были горячие, чуть влажные от речной воды губы. Сначала осторожно, едва касаясь, словно проверяя – не против ли я. Потом по-настоящему, так горячо и отчаянно, словно и не надеясь. Я ответила. Я больше не могла думать, что это не правильно и я что-то делаю не так. Ни о чем не могла думать. Это сильнее меня, и не было ничего важнее в жизни.

Я обняла его за шею, запустила пальцы в волосы на затылке.

Кружилась голова, все плыло... Словно все это не со мной.

На мгновение показалось, я сейчас упаду, подгибались ноги.

Только мы вдвоем, эта река, и больше ничего во всем мире. Только вдвоем.

Он легко поднял меня, и я ухватилась, повиснув на нем, обхватила его ногами. Мне хотелось прижаться к нему еще больше, всем телом, и никогда не отпускать. Я...

Я ждала его всю свою жизнь. Только его.

Его руки ласкали мою спину, гладили бока, так, словно пытаюсь на ощупь изучить все мое тело, невероятно нежно и в то же время уверенно. От поцелуев сбивалось дыхание.

Словно все это происходит не со мной. Невероятно... почти до слез.
Мне было жарко в холодной воде.

Он оторвался на мгновение, заглядывая мне в глаза, потом прижался щекой к моей щеке... такой немного колючий... он целовал мою шею, потом плечи.

Я обнимала его и чувствовала под пальцами полосы шрамов на его спине, чувствовала, как движутся его мышцы под кожей. Мне хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось, и если сейчас...

– Ты не боишься? – шепотом спросил он.

– Нет.

У меня чуть дрожали колени.

Одной рукой он держал меня, другой нежно гладил по внутренней стороне бедра, и потом выше... это было немного щекотно и в то же время приятно, и мне вдруг показалось, что сводит мышцы, я выгнулась в его руках.

Он снова поцеловал меня, я чувствовала, как напряглись его плечи и спина, и еще...

Это было немного больно, но в то же время... я сама не понимала, что я чувствую, такого еще никогда не было со мной. Не в силах сдержаться, я застонала. И тут же, испугавшись, что сейчас он меня отпустит, схватилась за него еще крепче, обхватывая руками и ногами, прижимаясь к нему и... Я чувствовала его внутри себя, все больше... Я чувствовала его всем телом. Весь мир исчез, были только мы вдвоем. Вместе. Словно одно целое.

Он был так осторожен со мной, так бережен... мне казалось, он прислушивался к каждому моему движению, к каждому вздоху, чтобы не испугать, не сделать что-то не так. И в то же время я чувствовала едва сдерживаемый огонь. Его хриплое дыхание... его руки чуть дрожали... его поцелуи...

Реальность словно ускользала от меня, таяла...

Как долго – я не могла сказать.

Когда очнулась – над головой сияли звезды.

И слабость во всем теле, что даже звенело в ушах.

Он вынес меня на берег, вытер своей рубашкой, помог одеться.

Мне было слегка страшновато возвращаться к костру. Мне казалось, гвардейцы все знают, они смотрят на нас и даже ухмыляются. И Арек спросил, как там водичка, мы наверно до моря уже успели доплыть? Эрнан шикнул на него, без злобы и угрозы, просто давая понять, что сейчас лучше не лезть.

Я смущалась и краснела, но в то же время неожиданно понимала, что чувствую себя уверенней. Я имею на это право. Он мой.

Меня накормили жареной уткой и солеными оливками, напоили вином.

Я сидела рядом с Эрнаном, он обнимал меня. И ветер шумел в верхушках деревьев, и где-то ухала сова. Трещали ветки в костре, маленькие искорки всполохами подскакивали и уносились ввысь, теряясь в безоблачном небе среди звезд. И Лохан рассказывал что-то о далеких странах и своих победах, и Рух играл на лютне и пел баллады о любви, его голос – высокий и чистый, лился словно река. А Брихан сидел улыбаясь, словно ребенок, подперев кулаком подбородок, и мечтал, наверно, что когда-нибудь такие песни сложат о нем.

Весь мир вдруг показался близким и родным.

А потом мы с Эрнаном спали обнявшись, завернувшись в один дорожный теплый плащ. Тепло и уютно, и удивительно спокойно, как не было уже давно, разве что в детстве.

И даже утренняя дорога почти не пугала меня.

У нас впереди было еще три ночи и четыре дня.

И дважды мы ночевали под открытым небом, и один раз в трактире, на мягкой кровати и чистых простынях. Вместе.

И все было совсем иначе, не так, как в реке. Но так же волнующе и хорошо.

Тепло и уютно, и можно было долго валяться обнявшись, болтать о пустяках и целоваться, он ласкал мою грудь, щекотал живот, и я смеялась, совсем не стесняясь и не боясь, что кто-то услышит.

А потом весь огонь хлынул наружу. Эрнан больше не боялся меня напугать, и я больше не боялась. Мы почти не спали в ту ночь.

Глава 12

Замок Воронье Гнездо в Лохленне был огромным и невероятно тяжелым, словно уходящим глубоко в землю. Массивные стены, приземистые башни. Он был таким непохожим на воздушную Небесную Нит. Здесь не было моря, только быстрый полноводный Руарк, холмы, а дальше – непроходимые леса. Здесь все было иначе.

Лорд Хетт, поставленный правителем Лохленна, встретил нас у ворот. Мы пообедали вместе – просто, без всяких торжеств. Потом леди Рут, тихая пожилая женщина, спросила, не слишком ли я устала с дороги, и повела показывать замок. Она старалась не сильно надоедать мне... А может быть, общение со мной ей было неприятно, я решила не думать об этом. Все же я дочь врага, за что ей меня любить. Вежливо прошла с ней по замку и отправилась отдыхать, тем более что все тело болело с дороги.

Три дня – сказал Эрнан. Задерживаться дольше он не будет, не стоит терять время. Он действительно приехал исключительно по делам, и я почти не видела его. Весь день он сидел с лордом Хеттом, а к вечеру собрался совет в Большом зале.

Не знаю, спал ли он вообще этой ночью, но утром, когда я встала, мне сказали, что король уехал в Улин и будет не раньше обеда.

Он вернулся с сэром Ливаном, тем самым стариком, что сидел рядом на пиру в Небесном Чертоге, и до самой ночи что-то обсуждал с ним.

Ко мне Эрнан заглянул совсем поздно, я давно легла спать, но никак не могла уснуть, ворочалась.

Он осторожно подошел, стараясь не шуметь, присел на край кровати.

– Как ты? – спросил он. – Не скучаешь? Я совсем бросил тебя.

– Нет, – я покачала головой. – Мне тоже есть чем заняться, я смотрела замок. Да и потом, у нас ведь будет дорога назад.

Он улыбнулся, прилег рядом, обнимая меня. Я потянулась поцеловать его и поняла, что он уже спит. Вылезла из-под одеяла, осторожно стащила с него сапоги. И долго сидела рядом.

Было в этом что-то простое и чудесное.

Было так легко.

Если бы Хаддин сейчас видел меня... Он бы не одобрил. Он был бы в ярости.

Любила ли я своего брата? На самом деле?

Я ужасно любила Оуэна, он был для меня самым близким... он был

всей моей семьей. Я не знала мать. Отец всегда был занят своими делами, ему было не до меня. Он был огромным и грозным, и почти чужим. Я знаю, он любил меня, но... чужим все равно. Даже совсем маленькой я никогда не смела залезть ему на колени, обнять. Зато я залезала на колени Оуэну, и он спасал меня от ночных кошмаров и рассказывал сказки. Он был всего на три года старше меня, но казался взрослым, с ним я всегда чувствовала себя уверенно. Потом, став немного старше, я ходила за ним хвостом, была готова играть во все мальчишеские игры, главное – с ним.

Когда Оуэна не стало, моя жизнь словно схлопнулась. Я не понимала, как теперь жить. Не могла поверить.

Я не верила, что Оуэна мог убить Нарин. Несмотря на то что все говорили об этом. Уаткин, наш оружейник, видел, как Нарин стрелял. Он сам подтвердил мне. Я пришла к нему, я хотела услышать от него сама... Я помню, как он смотрел на меня и хмурился, и становился сам не похож на себя, и каким глухим и чужим был его голос. «Да, я видел, – сказал он. – Я видел, принцесса, как Нарин убил вашего брата». А через неделю, поехав с отцом на охоту, Уаткин упал с лошади и сломал шею.

«Это из-за тебя, – говорил Хаддин. – Это все из-за тебя!»

Он говорил это так уверенно, что я верила ему. Я не могла не верить. Я была еще совсем ребенком, а он был уже взрослым, ему было шестнадцать. Он должен был все знать лучше меня. Я просто чего-то не понимаю...

Он пришел ко мне почти сразу, как только схватили Нарина и Оуэна унесли, ему отчего-то казалось очень важным сказать это мне.

«Это из-за тебя!»

Я не понимала. Я ничего не понимала. Я ничего не сделала, меня даже не было рядом, когда это случилось. Почему?

«Ты просто глупая девочка, – говорил Хаддин. – Ты очень красивая и очень глупая девочка, не понимаешь, из-за чего мужчины могут убивать друг друга. Это все из-за тебя! Потому что ты ведешь себя так, как не подобает вести приличной девочке».

Нет... Оуэн уж точно еще не был мужчиной, он был мальчишкой, он был моим братом... Почему я...

Что я сделала?

Он так и не объяснил мне, но пришел отец и молча увел Хаддина за собой.

Потом я видела Хаддина на похоронах. Он стоял в стороне совсем белый и трясущийся. Я думала, он горюет о брате. Но сейчас мне кажется, отец что-то узнал.

Если это правда, если Оуэна убил Хаддин, то я сама готова убить его.

Очень долго Хаддин даже близко не подходил ко мне. А потом его словно подменили. Он стал таким тихим и больше ни в чем не обвинял меня. Очень долго потом ни в чем не обвинял. Он приходил, сидел со мной, пытался разговаривать. Мне казалось, он пытается заменить мне Оуэна. Но это пугало меня. Невозможно. Что-то изменилось, я не могла понять.

Весь мир тогда изменился и вся жизнь. Все прежние игры и увлечения потеряли смысл. Вокруг меня возникла пустота. Я все больше и больше сидела в комнате одна, все меньше разговаривала. Что-то сломалось. Я перестала лазить по деревьям и скакать верхом. Я стала вышивать и учить наизусть древние баллады. Замкнулась.

Я боялась снова что-то сделать не так.

Боялась, что из-за меня кто-то пострадает.

Я ведь думала, что Нарин тоже погиб.

Я помнила, как ему досталось из-за меня, из-за этой проклятой вишни, его чуть не убили. Тогда я тоже не понимала. А теперь он умер совсем.

Мне было страшно.

Из-за меня?

Мне казалось, я чудовище, приносящее беды.

Я пыталась закрыться от всего. Или даже, скорее, закрыть мир от себя.

Со временем я отошла, конечно. Я понимала, что не виновата, но этот старый ужас все равно жил в душе. Ничего уже не вернуть.

Года через два потом отец привел Флир, и стало немного веселее. Но все равно...

И только сейчас, рядом с Эрнаном, я чувствовала себя спокойно, словно ничего не было.

Он же знал все, что тогда случилось, он был там, но он не рассказывал мне, сколько бы я не просила. И все же я видела – он ни в чем не винил меня. Это было важно.

И сейчас он спал рядом со мной, страшно устав за день.

Мой герой.

Я лежала, смотрела на него и отчего-то была ужасно счастлива.

Я помню, когда стало известно, что Эрнан собрал армию и идет на Лохленн, Хаддин позеленел и затрясся, а отец вдруг рассмеялся. Громко и весело, хлопнув себя ладонью по колену.

– Этот сукин сын не просто выплыл, но еще и взлетел! – сказал он. – С ним еще придется повозиться!

Тогда никто не верил, что Эрнан сможет победить. Силы были слишком неравны.

Тогда я впервые узнала, что Нарин жив. Что тот далекий и непонятный человек, объявивший себя королем и пытающийся захватить Лохленнский трон, и есть тот мальчик, который когда-то жил у нас. Мне казалось – это невероятно. Невозможно. Я не представляла, как такое могло случиться. У меня не укладывалось в голове.

Он жив!

Я помню, первое чувство тогда – это радость.

Я пыталась скрыть эту радость, не показывать, но, думаю, не заметить было нельзя. Отец ничего не сказал мне тогда. Только Хаддин. Он приходил ко мне вечером.

«Даже не думай о нем!» – Мне показалось, Хаддин похож на разъяренную змею. «Даже не думай! Он чудовище! Он демон, вернувшийся с того света! Он умер и вернулся. Он не человек. Ты же помнишь, отец бросил его со скалы, но он вернулся. Такое невозможно без магии. Он убил нашего брата...»

Хаддин говорил что-то еще, так много, пытался расписать все беды, которые теперь могут посыпаться на нас.

Сначала я не верила и половине из того, что он говорил. Но потом слышала и от других. Эрнан неуязвим, морской демон, оборотень, он чудовище, разрывающее людей голыми руками. Он мертвый, он не человек, он придет и убьет всех!

Им пугали детей.

Я понимала, что это уже не тот мальчик из моего детства. Понимала, что он изменился. Но не так.

Никто не верил, что он сможет победить. Некоторые даже смеялись над его самонадеянностью, куда он лезет, какой-то полумертвый заморыш, против мощи Таррена!

Когда Эрнан взял Лохленн, стало не до смеха. А уж когда пошел к нам...

Я даже знаю, отец пытался договориться с ним, отправлял послов. Не знаю, что он там ему предлагал, какие условия.

Я видела, что отцу тяжело, он не находит себе места, не может смириться с тем, что какой-то парень, который столько лет был у него в руках, теперь может прийти и отнять все. Он сильно сдал, эта война совсем подорвала его силы. А потом... Сердце? Он даже не успел увидеть внука, которого так ждал.

Остановится ли Эрнан на этом завоевании? Или пойдет дальше? Может быть, Таррена ему будет мало?

Я поняла, что впервые думаю не о своем будущем, а о нашем общем.

Любое его решение повлияет и на мою жизнь. А мое решение... не знаю.

Когда я проснулась утром, Эрнан уже ушел.

* * *

Вечером третьего дня, перед отъездом, нас ждал торжественный ужин. Все местные лорды собрались выразить почтение королю.

Я сидела рядом с Эрнаном за столом по правую руку, на почетном месте. Как жена, как королева. По левую руку сидел лорд Хетт, как правитель, а за ним сэр Ливан. На какое-то мгновение мне показалось, все это уже было со мной. Пир в Небесном Чертоге, в тот самый первый день. Тело Хаддина с распоротым животом...

Когда в очередной раз рядом подняли тост за победу, у меня дрогнули руки. Победу над Тарреном. Словно все случилось только вчера.

– Тиль? – Эрнан дотронулся до моей руки. Думаю, он все понимал, но это его люди, его победа, ему действительно есть чем гордиться. Для Лохленна победа означает свободу. Они имеют право радоваться.

Но как быть мне?

Я покачала головой, постаралась улыбнуться ему.

– Все хорошо. Просто немного устала.

– Мы посидим немного и пойдем, хорошо? – тихо сказал он. – Я не могу уйти сразу.

– Не волнуйся, все хорошо.

Сэр Ливан усмехнулся, глядя на нас. Кажется, он был уже пьян.

– Я смотрю, ты нашел общий язык с этой дикой кошечкой? И как она?

Эрнан дернулся, резко обернулся к нему.

– Она твоя королева, – холодно сказал он. – Не забывай.

Сэр Ливан осушил свой кубок, кивнул, чтобы ему налили еще.

– Пока еще не королева, – сказал он. – Дочь Майлога, твоя пленница. То, что она греет твою постель, еще не делает ее королевой. Ты подумай, стоит ли оно того?

Лицо Эрнана стало непроницаемым, почти каменным.

– Сэр Ливан, – сказал он. – У вас сегодня был долгий и тяжелый день, вы устали и много выпили. Думаю, вам пора пойти отдохнуть.

– Я только начал отдыхать, – Ливан поднял наполненный кубок. – Я хорошо помню, кто она и кто ты. Я уважаю тебя, как законного короля. Но не забывай, кто поддержал тебя и вытащил из грязи.

Эрнан молча поднялся на ноги.

Несколько мгновений, и все взгляды были устремлены на него. Зал умолк. Эрнан стоял в полной тишине. Он ничего не говорил и ничего не делал, просто стоял. И Ливан, сначала довольно ухмыляющийся, помрачнел. Потом поставил кубок, отодвинул. Огляделся по сторонам, словно стараясь оценить ситуацию. Вздыхнул. И тоже, наконец, встал. Еще какое-то время он пытался справиться со своими чувствами и с отрыжкой. Потом поклонился.

– Прошу простить меня, ваше величество, – сказал он.

Потом повернулся и отправился прочь.

– Можно, я тоже пойду? – осторожно попросила я.

Он повернулся ко мне. Я видела, как он пытается справиться с собой, и чтобы злость и раздражение не коснулись меня.

– Если хочешь, – сказал он, подал мне руку. – Идем, – и потом, повернувшись к гостям: – Я скоро вернусь, продолжайте пока без меня.

Мы вышли вместе, прошли до открытой арочной галереи, выходящей к реке. Отсюда уже совсем недалеко до жилых комнат.

– Мне сейчас нужно вернуться, Тиль, – сказал он. – Не принимай все это близко к сердцу.

Я кивнула.

Думала, он сейчас уйдет, но он не уходил. Стоял хмурясь, поджав губы.

Сэр Ливан в чем-то прав. Я не королева. Я дочь Майлога, дочь врага, принесшего столько бед Лохленну. Пленница и трофей. Никто не обязан уважать меня.

– Он прав, – сказала тихо. – Я не королева, даже если грею...

Если грею твою постель. Теперь это правда. Все эти красные ленты – правда.

У меня не хватило сил договорить сразу.

– Он прав, – повторила я. – Я шлюха, а не королева. Я сама...

Эрнан вздохнул, обнял меня за плечи.

– Прости, Тиль, – сказал он. – Это моя вина, я поторопился. Стоило подождать до свадьбы, тогда тебе не в чем было бы себя винить. Тебе и так нелегко, а теперь еще и это.

– Поторопился? Я думала, это произошло...

Случайно? Само? Я сама захотела.

– Тиль... – он заглянул мне в глаза. – Ты думаешь, я позвал тебя с собой, чтобы ты посмотрела Лохленн? Я хочу быть честен с тобой. Это так цинично, наверно, но я решил, что долгая дорога, ночевки под небом у

костра, звезды и песни помогут забыть об условностях и обязанностях, и помогут нам стать ближе... – он сморщился, старательно подбирая слова. – Я хотел, чтобы ты перестала меня бояться. Считай, что я сам это подстроил. Я даже выбрал место у реки для ночлега, я был там раньше и знал, что очень удобно купаться, я хотел предложить тебе сам... Прости меня.

Я смотрела в его глаза, и раскаянья там не было. А если было, то совсем чуть-чуть. Только нежность.

Хотелось обидеться, сказать, что он использовал меня, что это не честно... И в то же время я понимала, что он делает сейчас. Он берет ответственность на себя. Он не говорит, как Хаддин: «Это все из-за тебя. Ты ведешь себя так, как не подобает приличной девушке. Ты сама захотела». Хотя это так. Сейчас это действительно так. Он говорит: *«Это я сделал. Ты не виновата»*.

Наверно, я слишком сильно привыкла быть виноватой во всем.

– Ты получил то, что хотел, – сказала я.

Хотелось расплакаться.

– Тиль... – он улыбнулся и вдруг встал на колени передо мной. – Луцилия, я хочу, чтобы ты всегда была со мной, всю жизнь, в горе и в радости. Я хочу, чтобы у нас были дети и внуки, я хочу состариться вместе, если, конечно, доживу до старости.

Он улыбался, и я видела – все это искренне, все эти слова от чистого сердца.

– Я люблю тебя, Луцилия, – говорил он. – Я клянусь защищать тебя и сделать все, чтобы ты была счастлива, все, что в моих силах. Если я поторопился, то только от того, что так долго этого ждал. Ты ведь станешь моей женой?

– Я могу отказаться? – спросила я.

– Можешь, – серьезно сказал он. – Если ты действительно этого хочешь, то можешь отказаться. Мы придумаем, как поступить.

Он смотрел на меня.

Его ответственность... Как это просто.

Хотелось убить и обнять его одновременно.

– Ты расчетливая свинья, – фыркнула я. – Да, ты говоришь это только для того, чтобы я не чувствовала себя виноватой, не боялась, и тогда со мной можно делать все что угодно, и я не буду сопротивляться, потому что я тоже люблю тебя.

Он засмеялся и вдруг подхватил меня на руки, закружил.

– Да, я еще та свинья, – весело сказал он. – Это ты пока плохо меня

знаешь. Иногда мне становится страшно, что ты узнаешь меня лучше и ужаснешься. Ты ведь помнишь меня ребенком, но прошло столько времени. Я совсем не тот прекрасный и благородный рыцарь из сказки, победитель драконов. Я жестокая, циничная и расчетливая свинья. Но рядом с тобой мне очень хочется быть рыцарем из сказки.

Он целовал меня, и мне было так хорошо в его руках.

Мне казалось – он самый лучший, и что бы он ни говорил, я хорошо знаю его. Я вижу, какой он. Я готова любить его таким, какой он есть.

Потом он проводил меня до спальни и вернулся к гостям.

Когда все закончилось, я давно спала. Я слышала что-то сквозь сон. Слышала, как он пришел, разделся и залез под одеяло ко мне. Осторожно обнял, стараясь не будить, прижался щекой к моему плечу. Ночь уже подходила к концу.

А утром, на рассвете, мы готовы были выезжать.

* * *

На обратном пути мы заехали в замок леди Разны, вдовы лорда Андроса. Здесь жили довольно просто, как и почти везде в Лохленне, но вполне благополучно. Нас встретили, хорошо накормили, и мы долго еще сидели у потрескивающего камина, и Эрнан рассказывал, какой Андрос был герой и как геройски погиб при штурме крепости.

Леди Разна, молодая, красивая, но немного испуганная женщина с ребенком на руках, слушала, и я видела горе в ее глазах. И все же она просила Эрнана рассказать еще, он рассказывал и осторожно, почти незаметно поглаживал мою руку. Ребенок спал, тихо причмокивая, у леди Разны на руках, наши разговоры не мешали ему. Ему было месяца три, примерно столько же, сколько должно бы быть Гарану сейчас. И я невольно задумалась, что же все-таки стало с моим маленьким племянником? Где он? Заботится ли о нем кто-нибудь? Держит ли вот так на руках? Но Эрнан всегда отказывался говорить об этом, а сильно настаивать я не решалась. Может быть, позже?

Если Гаран жив, то он может вырасти и заявить свои права на трон. Кто знает, когда это будет? А если он тоже захочет отомстить Эрнану, так же, как Эрнан хотел отомстить моему отцу. Он придет и убьет моих детей... если у нас с Эрнаном будут дети.

Это все так сложно и страшно.

А Маргед? Что стало с ней, я даже представить не могла. У нас

никогда не было добрых отношений. Я пыталась, но так и не смогла найти общий язык с женой Хаддина. Второй женой. Она была жесткой и властной, совсем не терпела возражений, даже Хаддин изменился рядом с ней, стал сдержаннее и тише. Думаю, став королевой, Маргед держала бы всю страну в кулаке железной хваткой, скорее она, чем Хаддин. Она была дочерью лорда Олмера, троюродного брата отца, и почти частью семьи. И семейные черты в ней прослеживались очень четко.

Первая жена Хаддина, Ллейшон, была, напротив, скромной и милой девушкой. Они были женаты почти пять лет, но Ллейшон так и не родила ни одного ребенка, даже не забеременела. И тогда было принято решение признать брак недействительным. Появилась Маргед. Стране нужен наследник.

Что, если я тоже не смогу родить Эрнану сына? Он откажется от меня?

Ребенок проснулся и заплакал, леди Раэна тихо извинилась и вышла вместе с ним. Мы с Эрнаном остались вдвоем.

– Ее муж был героем? – спросила я.

– Он был наемником и храбрым воином, – сказал Эрнан. – Он получил эти земли после освобождения Лохленна. Когда-то этот замок принадлежал Рэннам, но после той войны никого из них не осталось в живых, по крайней мере по прямой линии. Потом замком владел лорд Гуалтер, вассал твоего отца. Потом я передал его Андросу. Раэна дочь корабельщика из Тиссы, я знаю ее давно. Для нее этот ребенок – хорошая возможность сохранить свое положение и не вернуться домой.

– Одинокой женщине нелегко...

– Да, – Эрнан чуть заметно улыбнулся. – Но лучше быть матерью наследника, чем просто бездетной вдовой. А то сразу найдется много желающих оспорить право на землю.

– Она ведь любила своего мужа.

– Да, конечно, – Эрнан пожал плечами. – Она сбежала из дома вслед за ним. И даже сражалась наравне с мужчинами, ее дядя и братья моряки, немного пираты и контрабандисты, они научили ее владеть абордажной саблей и стрелять из лука. Такая женщина вполне может справиться сама.

Я пыталась и не могла представить Раэну с оружием в руках.

Нам принесли и налили еще вина.

– Ты когда-то тоже училась драться. Помнишь?

– Да, но для меня это была игра, и я никогда не смогла бы сровняться с тобой или Оуэном.

– Тебе и не нужно было. Но ты так отчаянно размахивала деревянным мечом! – Эрнан улыбнулся. – Столько огня!

– Надо будет вспомнить, как это делается.

– Обязательно, если захочешь, – он поцеловал меня. – Скакать верхом ты не разучилась. А еще, помнишь, ты умела оживлять бабочек.

– Не знаю, – мне вдруг стало не по себе. – Иногда мне кажется, что я не оживляла, что это была случайность. Бабочка замерзла и уснула, я отогрела ее. Так ведь не бывает, правда? Невозможно оживить?

– Я слышал о людях, которые оживляют мертвых, – сказал он. – Меня самого едва ли не с того света вытащили. Но Ингрун говорила, что можно вернуть, только если душа не успела уйти далеко. Иначе оживет лишь тело, и это будет чудовище, лишенное человеческих чувств. Без страха, без жалости, не чувствующее боли и усталости. Андрос рассказывал, что ему доводилось сражаться с такими, когда он служил в Тааракаре, их рубишь пополам, но они не умирают и все равно ползут на тебя... Он очень боялся, что пока он там, его убьют в бою и сделают с ним то же самое.

Я вздрогнула, поежилась.

– Прости, – сказал он. – Напугал тебя, да?

– Немного, – призналась я.

Он долго молчал, глядя в огонь. Но все же... Что-то волновало его.

– Говорят, даже если вернуть сразу, следы все равно остаются, человек меняется, – сказал он. – Мне всегда было интересно, насколько изменился я сам. Я понимаю, что изменился, но от того ли, что побывал там, или просто повзрослел, пришлось стать жестче... Вдруг я не замечаю чего-то важного?

Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла.

Я сжала его руку.

– Прости, Тиль...

– Ничего, – сказала я. – Я и так всю жизнь жила с закрытыми глазами, не зная и не замечая ничего. Лучше ведь знать, правда?

Он кивнул, улыбнулся мне.

– Ты не изменился, – сказала я.

Он криво ухмыльнулся, словно говоря: «Ты просто плохо меня знаешь». И еще: «Не бери в голову». Потом поднялся на ноги.

– Пойдем. Уже поздно, – потянул меня за руку. – Я хочу еще немного побыть с тобой вдвоем.

Глава 13

– Я смотрю, поездка удалась? – Флир насмешливо улыбалась.

Почему-то ее улыбка смущала меня и даже задевала слегка.

Удалась?

Да. Я и не думала, что будет так хорошо.

Я чувствовала, что в моей жизни произошло что-то очень важное, и жизнь изменилась. Но как такое сказать? Рассказать все?

Флир смотрела на меня так внимательно, словно изучая, словно она могла понять все, что я думаю. А может быть, у меня так явно было написано на лице.

– Это было интересно, – сказала я. – Посмотреть Лохленн, проехаться по всем этим местам. Никогда не была так далеко от дома.

– Мне так кажется, Лохленн – не единственное открытие для тебя? – Флир засмеялась. – Ну, и как? Тебе понравилось?

Я поняла, что краснею.

Неужели это так очевидно? Она не может знать наверняка.

И в то же время хотелось сказать ей: «Да! Нам было хорошо! Теперь он мой! Он любит меня, и ты его не отнимешь!»

Флир улыбалась, но в ее глазах был лед.

– Не понимаю, о чем ты? – сказала я.

– Разве? – она недоверчиво подняла бровь. – Он не пытался согреть тебя долгими холодными ночами?

Отрицать глупо. И в то же время я не хотела сейчас это обсуждать. Чем сильнее она пыталась вытянуть из меня, тем меньше я хочу говорить.

– Это не важно.

– Не важно? – удивилась она. – Мы же подруги? Разве ты не хочешь рассказать мне? Я всегда делилась с тобой. Он понравился тебе?

Нет. Не хочу.

Я люблю его, как же мне могло не понравиться?

Зачем ей это?

Я молчала.

Флир изящно пожала плечами, поправила волосы, вышла на балкон.

– А мне он понравился, – громко сказала оттуда. – Такой милый и страстный!

Обернулась ко мне. На ее лице играла победная улыбка, в волосах солнечные блики, она была невыразимо прекрасна сейчас.

Она хочет сказать...

Вдруг вспомнилось, я видела ее с балкона, как-то рано утром, через пару дней после моего неудачного побега. Тогда Флир так же улыбалась, глядя на меня.

Мне показалось, землю выбили из-под ног.

Это невозможно!

– Честно говоря, я думала, он будет более искушен в любовных делах, – Флир чуть запрокинула голову, мечтательно провела по шее кончиками пальцев. – Но, надо отдать должное, огонь и страсть возмещают недостаток опыта с лихвой. Вот уж действительно демон, не знающий усталости! Я думала, он разорвет меня в клочья! – она засмеялась. – Даже дюжина гвардейцев зараз не произвела бы сейчас на меня такого впечатления.

Она говорила что-то еще, но у меня звенело в ушах. Я ничего не слышала.

Не могла поверить...

Нет, я понимала, что это правда. Не могла смириться, принять.

Как же так?

Это было давно?

Я понимала, что у него были женщины до меня, не могло не быть. Но...

– Ты сама виновата, – говорила Флир. – Не нужно было так долго тянуть.

Я сама виновата.

Мое колечко из травы рассыпалось в пыль, ветер унес его...

Как же так?

Я села на кровать, закрыла лицо руками.

Даже не слышала, как Флир ушла. Все кружилось.

Мне так хотелось, чтобы он пришел сейчас, чтобы все объяснил, чтобы сказал, что этого не было, что это ложь... Я хотела и одновременно боялась. «А чего ты хотела? – казалось, скажет он. – Ты сама виновата».

Искупаться с дороги и отдохнуть... Я боялась выходить. Снова боялась встретить его. Потому что не смогу делать вид, что ничего не случилось. И не смогу объяснить, не хватит духу сказать самой.

До самого вечера.

Мне принесли ужин, но есть совсем не хотелось.

Я сидела на балконе в большом кресле, забравшись с ногами, обхватив руками колени.

Не знала, что мне делать теперь.

Звезды начали зажигаться одна за другой.
Так хотела, чтобы он пришел сейчас.
Но его не было.
Я знаю, у него дела. У него вечно куча разных дел, и ему некогда.
Хотелось расплакаться.

– Тиль!

Кажется, я задремала.

Он сидел на парапете балкона и смотрел на меня.

Я...

Наверно, у меня было такое страшное лицо, потому что он тут же спрыгнул, быстро подошел, присел рядом.

– Тиль, что случилось?

– Ничего.

Он нахмурился, поджал губы, решая, что со мной делать.

Небесная Мать, помоги мне!

Надо сказать сейчас. Сразу. Чем дольше молчать, тем сложнее.

Он потянулся ко мне, пытаясь обнять, но я отстранилась.

– Тиль?

Нужно сказать. Я не смогу держать это в себе.

– Флир... она... – тихо сказала я и больше ничего не смогла.

Скажи, что это неправда!

Он дернулся. Я видела, как изменилось его лицо. Он понял... а значит – правда. Все было.

Поджал губы, поднялся на ноги, чуть отошел в сторону...

– Это правда? Скажи мне! У вас с ней... – у меня не хватало сил сказать прямо.

Он обернулся ко мне.

– Да, Тиль. Правда. Я не знаю, что тебе сказать.

– Не знаешь? – я поднялась тоже. – Но почему?

– Почему не знаю или почему переспал с ней?

Он смотрел мне в глаза, стиснув зубы.

У меня дрожали руки от отчаянья, хотелось зажмуриться.

– Почему переспал?

Он молчал.

– Скажи мне! – попросила я. – Скажи мне хоть что-нибудь! Объясни!

– Разве мои объяснения что-то изменят?

– Изменят. Да. Я хочу знать.

– Тиль...

Она сама пришла к тебе, да? Скажи! Ты не хотел, но так вышло?

Как мне со всем этим быть.

Слезы текли по щекам.

– Тиль, каких объяснений ты ждешь от меня? Оправданий? Что это вышло случайно? Что я не хотел? Уж прости, но это женщину можно взять силой, а если мужчина совсем не хочет, то ничего не выйдет. Я хотел и прекрасно понимал, что я делаю. Что тебе дадут мои объяснения? Того, что сделано, уже не изменить.

«Ну, и как она?» – хотелось спросить. «Она лучше меня, да? Она знает, что нужно делать в постели, не смущается и не устраивает истерик. С ней было хорошо?»

– Тебе было хорошо с ней? – спросила я вслух и сама испугалась.

Сейчас он скажет: «да». Как же иначе?

Он провел ладонью по лицу.

– О, боги, Тиль!

Еще мгновение он колебался. Потом как-то быстро, рывком, подошел и обнял меня. Или даже скорее сгреб в объятия, так крепко, что я и пошевелиться не могла.

– Я надеялся забыть тебя, – сказал он, глядя мне в глаза. – Мне казалось, ничего уже невозможно, ты ненавидишь меня и никогда не примешь. Что бы я ни делал, это не имеет смысла. Нужно плюнуть на все и забыть. Ты хотела сбежать. Оставаться рядом со мной для тебя было страшнее бегства в чужую страну и с чужими людьми. Я устал уже биться об эту непробиваемую стену. Зачем мучить тебя и себя? Я думал отпустить тебя, найти тебе хорошего мужа, такого, с каким ты могла бы быть счастлива. Или устроить как-то иначе твою жизнь. И самому уже успокоиться, наконец. Не думать...

Он выдохнул, перевел дыхание.

– Не вышло? – спросила я.

Он усмехнулся с горечью, покачал головой.

– Не вышло. Я не могу тебя забыть. Становится только хуже.

– Почему ты не сказал про Гарана сразу?

Он разжал руки, потом все же взял меня за плечи, сделав полшага назад.

– Этого вообще не стоило говорить, – сказал он. – Посмотри на меня, Тиль. Ты знала меня в детстве, я разгребал навоз в конюшне твоего отца. Потом меня сбросили со скалы. Мне повезло, я выжил, и больше года я жил у Тоура. Потом еще два года меня носило по разным местам, я был грузчиком в порту и гребцом на галерах. Скажи мне, может ли портовый

грузчик за пять лет стать королем, не испачкав руки в крови? Что за чудо должно случиться? Ты думаешь, это счастье свалилось на меня само? Нет. Я шел напролом, потому что хотел этого. Я убил твоего брата. Я своими руками убил сотни людей. По моей воле погибли тысячи. Я вел людей в бой, на смерть, убивать. Ради своей цели. Тот мальчик, который сгорел на костре, точно так же погиб из-за меня, из-за того, что мои люди ворвались в город, началась бойня. В чем разница, скажи мне? Почему на одно ты готова закрыть глаза, а на другое нет? Потому, что это не касается лично тебя? Я понимаю... Почему не сказал? Я не верил, что это реально что-то изменит, слишком много и без того...

Он вздохнул, отвернулся, ненадолго закрыл глаза, все еще не отпуская меня.

– Прости, Тиль, – сказал потом. – Мы сейчас не об этом.

«Иногда мне становится страшно, что ты узнаешь меня лучше и ужаснешься».

Принять все, как есть.

Отчего-то вспомнилось, как он жонглировал яблоками на рынке, как держал за руку, как обнимал меня в реке. Все это было так просто. Там были только мы вдвоем, и ничего больше не имело значения. Можно было не думать ни о чем, отбросить... Ни прошлого, ни будущего, лишь один только этот чудесный момент. Только мы.

– Я не знаю, что сказать тебе, Тиль, – он смотрел мне в глаза. – Мне все время кажется, что оправдываться неуместно. Есть поступки, и они никак не изменятся, что бы я тебе сейчас ни начал объяснять.

Его пальцы на моих плечах чуть подрагивали, все время пытаюсь сжаться, но не сжимаясь.

Есть поступки...

То, что было – просто отчаянье.

Я сама пыталась сбежать от него. А он от меня – вот так.

Чуть подалась вперед, прислонилась лбом к его груди.

Это так сложно.

Но понять легче, чем забыть.

* * *

– Мой господин выражает свою озабоченность по поводу этой трагедии и надеется на объяснения и компенсацию.

Иллаль-бей церемонно поклонился. Посол Тааракара. Не купца и

уважаемого человека Орс на этот раз, а самого эмира. За спиной бея стояли воины. Все они сдали оружие, входя в Небесный Чертог, но вид у них был такой, словно они тут хозяева и каждый может голыми руками разделаться с сотней вооруженных гвардейцев.

– Эта трагедия потрясла меня до глубины души, – сказал Эрнан. – Но вы должны понять моих людей. Они не могли поступить иначе, видя, как принцессу Таррена и мою невесту пытаются силой посадить в лодку.

Адаль-ин-Дидар, тот молодой и косоглазый, что приезжал за мной, был придворным врачом и любимым другом эмира. По крайней мере, если верить словам Иллаль-бея. Эмир скорбит о потере.

– Мне сказали, принцесса шла сама, никто не принуждал ее.

– Мне угрожали, – сказала я. – Обещали убить, если я не подчинюсь.

Все это мы уже обсудили с Эрнаном заранее. Мне было страшно, хоть я и понимала, что Эрнанан меня ни за что не отдаст. Но если дошло до эмира – дело серьезное.

Это все из-за меня.

Эрнан выглядел совершенно спокойным, невозмутимым.

– Вы полагаете, мои люди могли поступить иначе?

– Ваши люди сами принимают решения? – удивился Иллаль-бей.

– Мои люди способны самостоятельно принимать решение в ситуации, когда жизни кого-то из королевской семьи угрожает опасность и необходимо действовать без промедлений.

– Леди Луцилия пока не часть вашей семьи. Она ваша пленница.

– Она принцесса Таррена, этого достаточно. И она под моей охраной.

Посол склонил голову в знак согласия.

– Я полагал, послы, прибывшие с мирными целями, – сказал он, – так же находятся под вашей защитой.

– До тех пор, пока они не решат похитить принцессу из дворца.

– Принцесса принадлежит достопочтимому Орсу, он заключил с Тарреном договор. И вы, ваше величество, как законный правитель и преемник, полагаю, серьезно относитесь к договоренностям ваших предшественников. Иначе, полагаю, Гилтас тоже может считать договор, заключенный с Майлогом, недействительным? А так же Гилтас может вернуть себе Восточный Улар, отошедший к Таррену по старому договору?

Лицо Эрнана было непроницаемым. Я знала, что внутри все кипит, но внешне – лишь холодное спокойствие.

– Полагаю, у вас нет полномочий обсуждать договоренности Гилтаса и говорить от имени Кайлар-шаха.

– Безусловно, ваше величество. Я просто хочу понять...

Это длилось невыносимо долго. Никто не собирался уступать, Иллаль-бей чувствовал за собой всю силу своего эмира, несметных богатств и многотысячной армии Тааракара, он не сомневался в возможности получить желаемое, а Эрнан просто не мог пойти на уступки.

Иллаль-бей хотел меня, компенсации за жизнь Ададь-ин-Дидара, компенсации за задержку и потерю мной девственности и еще крови. Он требовал выдать Лохана, который командовал стражей и отбил меня у тааракарцев.

От компенсации Эрнан не отказывался, а вот отдавать меня и Лохана категорически не хотел.

– Мы вернем деньги, уплаченные достопочтимым Орсом. Третью мы готовы передать сейчас, остальное в течение года.

– У короля Таррена не хватает средств вернуть задаток бедному тааракарскому купцу?

– У короля Таррена деньги не лежат мертвым грузом, все вложено в дело. Возвращать средства, вложенные в прибыльные предприятия, значит нарушать другие договоренности.

Я знала, что в казне нет и трети. За меня хорошо заплатили. Но сейчас казна пуста. Нужно выиграть время.

Отказ выполнять требования Тааракара грозил нам многими бедами. И, возможно, даже войной. Если войну с Гилтасом мы можем выиграть, мой отец вполне справлялся с этим десять лет назад, то прямое столкновение с Тааракаром...

Невольно вспомнились ожившие мертвецы, которых боялся лорд Андрос, которых рубишь пополам, а они ползут на тебя... Страшно.

Я видела, как Лохан стоял чуть позади. Сосредоточенный, внимательно наблюдающий за разговором. Послы требуют его смерти. Как можно выдать человека, который был верен тебе столько лет, сражался рядом с тобой.

Эрнан никого выдавать не собирался.

– Не откажетесь ли вы поговорить в более спокойной обстановке? – предложил Эрнан.

– Надеюсь, ваши люди не решат, что я вам угрожаю? – усмехнулся Иллаль-бей.

Ничего хорошего, понимала я.

Небесный Чертог опустел.

Я тоже хотела уйти, но отчего-то казалось, что оставшись тут, я быстрее узнаю...

Лохан долго смотрел вслед королю, потом тяжело вздохнул и сел на

ступени у трона, словно заранее зная, что все кончено.

Из-за меня...

Нет, Эрнан, конечно, не отдал бы меня в любом случае, но и побег сильно испортил дело.

Мне вдруг показалось, нужно подойти, что-то сказать.

– Сэр Лохан... – я остановилась в двух шагах, замялась. Он поднял голову. – Сэр Лохан, простите меня. Это из-за меня все так вышло, и вы...

Он невесело усмехнулся. Наверно, я выгляжу глупой девочкой в его глазах.

– Я выполнял приказ короля, а не ваш, ваше высочество.

– Да... – мне было неловко. – Я не должна была пытаться сбежать. Я не думала, что мой глупый поступок может так...

Я прикусила губу. Не думала, что мой поступок может стоить кому-то жизни?

Он поднялся на ноги. Когда рядом стоит принцесса, рыцарь не может сидеть.

Я едва доставала ему до плеча, приходилось задирать голову.

– Вы принцесса, – сказал Лохан. – Любое ваше действие влияет на судьбы людей, так или иначе. Вы не привыкли к этому?

– Нет, – я покачала головой.

– Когда начинаешь командовать людьми, самое сложное – научиться принимать свою ответственность и не бояться ее.

Мне казалось, он говорит со мной, как с ребенком. Казалось, он едва ли не вдвое старше меня... хотя, думаю, ровесник Эрнана.

– Вряд ли я буду командовать людьми.

– Вы будущая королева, – сказал он.

– И все равно...

– Возможно, я не прав, ваше высочество, но разве можно как-то от этого уйти? Рано или поздно придется принимать решения. Или вы собираетесь всю жизнь просидеть у окна с вышивкой в руках?

Я поджала губы.

Может быть, в первый раз серьезно задумалась об этом. Рано или поздно придется решать самой. Главное, разобраться. Пока я не понимала слишком многого.

– Сэр Лохан, скажите, убийство этого Адаля-ин-Дидара действительно так серьезно? – спросила я.

Лохан помрачнел.

– Простите, ваше высочество, я не слишком разбираюсь в таких вещах. Но, на мой взгляд, это лишь повод. Если бы не было Адаля, был бы

кто-то другой.

– Но ведь Эрнан же никогда не выдаст вас?

– Меня? – Лохан болезненно сморщился. – Кто я такой, чтобы ради меня рисковать интересами государства? Бывший наемник. Вообще никто. Моя жизнь ничего не стоит.

– Вы рыцарь... вы один из лучших рыцарей королевской гвардии.

– Кем-то всегда приходится жертвовать, ваше высочество.

Глава 14

Дэрина я встретила внизу, на террасе, выходящей в сад. Он склонил голову, приветствуя меня. Я уже было прошла мимо, но только потом поняла.

Сэр Дэрин служил Хаддину. Он был один из его самых доверенных гвардейцев, он уехал из города вместе с Маргед, охраняя ее и маленького принца. Я не видела его с того дня. А теперь он здесь. Открыто. Просто стоит в саду, не прячась...

Что он здесь делает?

Этого не может быть.

Обернулась.

Он все еще стоял, глядя на меня.

Я помедлила немного и все же шагнула ему навстречу.

– Ваше высочество, – он склонил голову.

– Сэр Дэрин? – осторожно начала я. – Давно вы здесь? Я не видела вас...

– Я был тяжело ранен, ваше высочество. Я думал, что не выживу и Темный заберет меня. Но я дал обет богам, что если они сохраняют мне жизнь, если моя жизнь еще что-то значит, то я вернусь и буду служить вам, так же, как служил вашему брату. Это мой долг. Мне пришлось присягнуть на верность узурпатору, но я всегда останусь верным вам.

На его губах играла вежливая улыбка. В его глазах я видела улыбку тоже, но совсем другую... я не могла понять.

На какое-то мгновение показалось, что я не должна ему верить.

Его лицо выражало полную преданность, но глаза... Он смотрел на меня, но взгляд его скользил, словно оценивая, почти так же смотрели на меня тааракарские послы в тот день, когда впервые пришли за мной. Как на вещь.

Но, может, я сама придумываю себе все это? Я плохо разбираюсь в людях...

Я чего-то не понимаю?

Я принцесса, и простой рыцарь не может смотреть на меня как Эрнан – прямо и уверенно, в глаза, не отводя взгляд.

– Я готов служить вам, ваше высочество. И готов исполнять любые ваши приказы.

Любые приказы.

– Даже если мои приказы будут расходиться с волей короля?

– Да, ваше высочество.

– Даже если они будут направлены против короля? Даже если я прикажу его убить?

Он чуть ухмыльнулся... или скорее нет, просто чуть-чуть дрогнули уголки губ.

– Боюсь, я не смогу убить его, ваше высочество, это еще никому не удавалось. Говорят, он бессмертный. Но если вы прикажете...

Если я прикажу!

Как это заманчиво – получить преданного воина, готового сделать все по твоему приказу, даже пойти на верную смерть.

– Вы присягнули на верность королю, сэр Дэрин. То, о чем вы говорите – предательство.

У него чуть дрогнула щека.

– Разве служба законной королеве может быть предательством? Я поклялся богам!

Он был красив, этот сэр Дэрин. Мне не нравился его взгляд, но он сам был красив. Он был молод, высок, у него были изящные черты лица, пухлые чувственные губы, ясно-голубые, словно море, глаза, мягкие кудри, золотистые, словно мед...

Он предлагал свою верность.

Это было слишком для меня.

– Скажите, сэр Дэрин, вы перед штурмом уехали из города с Маргед, охраняя ее. Вы можете рассказать, что случилось?

– Да, ваше высочество, – на его лице отразилась скорбь. – Я был с ними, я защищал их до конца, но ничего не смог сделать...

Скорбь. Горе.

Он сделал все что мог.

До конца?

– Вы видели, как они умерли?

У меня замерло сердце. Сейчас он скажет...

– Да, видел, ваше высочество, – сказал он. – Я ничего не мог сделать. Я пытался защитить королеву и ее сына, но нас было всего десять, а воинов Эрнана больше пятидесяти! Они налетели, словно черная стая воронья. Мы дрались отчаянно, я убил пятерых, прежде чем мне воткнули меч в живот. Я лежал там в луже крови и понимал, что умираю и что все кончено, я уже ничем не смогу помочь.

– Вы видели, как умерли они?! Вы видели их смерть? Как убили Гарана и Маргед? Видели?

Я хотела знать. Должна была услышать. Не о его подвигах и ранах, а о своей семье.

Дэрин нахмурился.

Все видели их мертвыми, как они горели на костре.

– Видел, – сказал он. – Но это слишком жестоко для ваших ушей.

Его глаза – словно море, словно вода...

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне.

– Здесь?

Он огляделся. Словно боясь, что кто-то подслушает или увидит.

– Здесь, – твердо сказала я. – Сейчас.

У меня не хватит сил ждать.

– Они налетели на нас на границе Желтого леса, ваше высочество. Мы останавливались ненадолго, чтобы королева могла покормить Гарана, он все время плакал, хотел есть, дорога пугала его. Он был совсем крохой... Но разве этот демон может кого-то пожалеть? Они налетели на нас черной тучей. И прямо на ходу он выхватил ребенка из рук матери и разрубил пополам.

Ложь...

– Он, это Эрнан? Вы говорите о короле? Он сам сделал это?

– Да, – Дэрин склонил голову. – Об узурпаторе.

Это ложь. Даже тот младенец, что сгорел на костре, не был разрублен.

Эрнан сказал, что Гаран жив. Я верю ему.

Как я могу не верить?

«Ты ужаснешься».

Нет.

– А Маргед? – спросила я.

– Королева... – он насупился, словно размышляя, стоит ли мне говорить. – Он схватил ее... Я видел, как он порвал на ней платье. А потом изнасиловал ее. Прямо там, в поле, на виду у всех. А после перерезал ей горло.

«Я мечтал отомстить. Я представлял, как я приду сюда. Убью всех. И на глазах твоего отца я сделаю с тобой то же, что он сделал с моей сестрой».

Только не со мной, с Маргед. Сделал то, что хотел?

Нет.

Я не верю.

Этого не может быть.

– Это ужасно, – тихо сказал Дэрин, облизал губы. – Это было ужасно, ваше высочество. Мое сердце разрывается до сих пор.

У меня звенело в ушах.

Еще немного, и я просто упаду, подкашиваются ноги.

– Ваше высочество, могу я попросить вас не говорить никому о том, что я рассказал вам? – осторожно спросил Дэрин. – Вряд ли король запомнил меня. Но если он узнает, что я был там и все видел... Я боюсь, моей жизни будет угрожать опасность. Прошу вас, ваше высочество. Я буду верно служить вам.

* * *

Частые-частые вздохи под окном, там, где кусты шиповника. Сладкие стоны, и нетерпеливое, чуть приглушенное рычание. Хочется выглянуть, увидеть... но это не честно.

– Тише, тише, мой медведь! – И легкий, звонкий смех Флир, словно серебряный колокольчик.

Замирает сердце. Небесная Мать...

Они другого места не нашли? Или специально, чтобы я все слышала?

– Ай, ты сейчас мне платье порвешь! – И снова смех.

Выйти и наорать? Сказать, что они мне мешают, пусть идут резвиться в другое место?

– Ах, вот здесь, да! – И снова вздохи.

Убить. Обоих. Даже если там Эрнан с ней... тем более убить!

Я прошлась по комнате туда-сюда. Это не давало покоя.

Почему здесь? Флир ничего не делает просто так. И, судя по вздохам, ее никто силой не заставляет.

Она уже посмеялась надо мной, а теперь хочет унижить еще больше?

– Ах!

Она еще и кричит, так жадно...

Я даже сама не поняла, как вышла на балкон. Там внизу... Буйная зелень и розовые цветы... Мужская спина, крепкая, мускулистая...

– Ты сложишь песню обо мне? – смеется Флир.

– Сложить песню можно лишь познав твою красоту! – он смеется тоже. Его голос – высокий и звонкий, длинные волосы.

Песню! Боги...

Я слышала, как он поет. Рух. Наемник из Сатора, похожий на прекрасного принца.

Хочется смеяться и плакать одновременно.

Хочется упасть на кровать, зарыться в подушках и не видеть, не

слышать больше ничего.

* * *

Я смотрю, как он сосредоточенно делает какие-то пометки в бумагах. Что-то читает, что-то пролистывает. Рядом стоит полная миска с орехами – простыми, лесными, каких полно на местных холмах, чуть обжаренными... орехи, надкусанное и давно забытое яблоко, кувшинчик с водой. Я смотрю на него и пытаюсь понять.

Если я не смогу верить ему, то кому же тогда верить?

Столько правды на меня обрушилось, что я потерялась в ней.

Зачем Дэрину врать? Зачем?

Эрнан мог соврать, чтобы я приняла его.

Но глядя ему в глаза...

Разум или сердце? Чему верить?

Я верю ему.

Я пришла поговорить поздно вечером. Он попросил посидеть в кресле и подождать. Сейчас он закончит.

Сейчас, Тиль. Сейчас...

Что-то там не сходится у него, что-то не выходит.

Он поднимается на ноги, наливает себе воды, выпивает залпом.

Сейчас, Тиль...

Выходит на балкон и долго стоит, глядя вдаль, туда, где море и облака над водой. В саду немилосердно трещат цикады.

Ему нужно обдумать, найти хитрый ход, найти денег, возможность решить мирным путем.

Сейчас мои вопросы и поиски правды так не к месту.

Я хочу верить ему.

Я смотрю на его широкую, чуть ссутулившуюся спину. Он стоит, опираясь локтями о парапет. Неподвижно. Ветер бьет в лицо.

Подтягиваю ноги, удобнее устраиваясь в кресле, словно в гнезде. Ничего, я смогу подождать.

Мне кажется, я даже начинаю засыпать.

– Тиль, – внезапно говорит Эрнан.

И я понимаю, что он уже не на балконе, а передо мной, я упустила момент, когда он подошел, задремала.

– Мне нужна твоя помощь, Тиль, – говорит он.

– Да, конечно... – я тру глаза, пытаюсь собраться.

– Мне нужно золото, Тиль. Все, что у тебя есть: украшения, личные вещи, – он хмурится, и, словно опомнившись: – Конечно, если что-то особенно дорого тебе, то оставь. Но остальное мне нужно.

– Хорошо. Прямо сейчас?

Я встаю на ноги.

Наверно, у меня сейчас такое лицо... Он делает шаг навстречу, пытаюсь обнять, но я отстраняюсь. Не сейчас. И дело не в украшениях.

– Не сердись, Тиль, – устало говорит он. – Я понимаю, это не лучшее решение, но сейчас, боюсь, другого уже не найти. Мне нужно все ценное, что есть во дворце. Не сейчас, конечно, к утру.

– Хорошо, – говорю я.

О моих сомнениях мы поговорим позже, сейчас не самое подходящее время.

– Спасибо, – искренне говорит он.

Потом выходит за дверь.

– Мне нужен лорд Иттон, прямо сейчас, – это уже не мне, а кому-то из слуг. – Еще Овар и Мэддок. Если спят – разбудить.

* * *

– Говорят, вы даже с принцессы сняли все украшения? – Иллаль-бей задумчиво тер подбородок, и я видела, он совсем не доволен таким поворотом.

Золото перед ним.

– Я использовал те источники, которые посчитал нужными, – сказал Эрнан.

Иллаль-бей хмыкнул.

– Здесь полная сумма? – поинтересовался он.

– Да. Задаток и компенсация в полном объеме. Как мы и говорили. Я прошу передать мои соболезнования эмиру. То, что случилось с достопочтимым Адаль-ин-Дидаром – недоразумение. А также передать, что мы не торгуем наложницами и не выдаем воинов, честно выполняющих свой долг.

Иллаль-бей поклонился.

Я даже не представляю, чего стоило Эрнану проверить это за три дня. Продать, заложить, обменять все, что было ценного во дворце, вытрясти все, что только можно. Он поставил на ноги всех состоятельных купцов города, всех состоятельных лордов, до которых мог добраться, да и не

слишком состоятельных тоже.

Я бы так не смогла. Мне казалось – это унижительно. Словно мы нищие, словно... Но Эрнана это не смущало. Он сам встречался с купцами, обсуждал условия, торговался с таким азартом и легкостью, что я и поверить не могла. Я видела, как некоторые смеялись у него за спиной. Ему было плевать. У него была цель, было принятое решение, а средства его мало волновали.

– По-твоему, лучше война? – удивился он. – Любой способ хорош.

Да, я понимала.

Лучше, чем выдать меня.

Лучше, чем выдать Лохана.

Я видела, что Иллаль-бей хотел конфликта, хотел Восточный Улар, процентов дани Диджаза и Тира, хотел войны, наконец. Но Эрнан взял и выплатил все зараз, и теперь не было достойного повода для претензий.

Я видела, как Лохан напился этим вечером. Вдребезги. Он, выходит, и не верил до конца.

* * *

Я слышала, как он подошел.

– Тихо сегодня, – окликнул из-за спины вместо приветствия.

Я слышала, как он спускался к морю, как галька шуршала под его ногами, как хрустнула сухая веточка. Я знала, что это он.

Не ответила.

Море было тихо и спокойно, лениво, волны едва шуршали, переворачивая круглые камешки с боку на бок, но даже не унося их с собой. Ш-шух, ш-шух... Солнце рассыпало мириады бликов на поверхности воды, и небо среди этих бликов отражалось всей своей бездонной глубиной.

Над головой кричали чайки.

– Ты не купаешься? – спросил он.

– Нет.

Он подошел и встал рядом, почти плечом к плечу, тоже глядя на ленивые волны.

– Что-то случилось, Тиль? Что с тобой происходит?

– Ничего.

Как ему сказать?

– Ты избегаешь меня. Это из-за Флир, да? Или что-то еще?

– Я не избегаю.

Он осторожно дотронулся до моей руки, сначала кончиками пальцев, потом уверенно взял, почти пряча мою ладонь в своей.

Я едва сдержалась, чтобы не выдернуть руку. Напряглась. Он почувствовал, конечно.

Отпустил.

Я вру ему. Я, так долго желающая правды, сама начинаю врать.

Он тихо вздохнул.

Нагнулся, поднял небольшой плоский камешек. Подошел ближе к воде, размахнулся.

И камешек запрыгал по волнам – два, три, пять, восемь раз! Эрнан долго глядел ему вслед, потом обернулся.

– Объясни мне, Тиль.

– Я не могу. Я не знаю, как объяснить.

Он поднял еще один камешек, покрутил между пальцев, размахнулся. Этот улетел далеко, но не запрыгал, а с ходу ушел на дно, без всплеска разрезав поверхность воды.

– Я не понимаю, Тиль. Было проще, когда ты кидалась на меня с ножом. Тогда я хоть понимал за что. Теперь не понимаю. Из-за Флир? Ты не можешь простить мне?

Он отчаянно пытался найти ответ и не находил.

– Нет, не из-за Флир, – сказала я.

– Тогда что? Я сделал что-то не так?

– Нет.

Как объяснить ему про Дэрина? Про то, что Дэрин рассказал мне? Про Гарана и Маргед. Но я уже решила, что верю Эрнану, его словам. Я хочу верить именно ему. Если я ему верю, то зачем?

А если Дэрин прав? Если узнав, Эрнан убьет и его тоже.

Еще одна смерть из-за меня.

Зачем Дэрину врать? Зачем ему?

– Ты когда-нибудь врал мне? – спросила я.

Эрнан нахмурился, долго молчал, стоя у самой кромки прибоя. Потом повернулся, подошел ближе ко мне.

– Сложно сказать, Тиль. Бывало, что я не говорил тебе всей правды. Но ложь... нет, пожалуй, я не врал тебе.

– Не врал? Но сначала ты сказал мне, что Гаран мертв, что ты убил его. Потом, что он жив. А не откроется ли потом новая правда? Я хочу знать все. Как я могу верить, если ты ничего не говоришь.

Эрнан подошел совсем близко.

– Тебе что-то сказали, да? Кто-то сказал тебе о Гаране?

– Я не могу сказать тебе. Ты не говоришь мне. Тогда почему я должна рассказывать тебе?

Его глаза вдруг стали холодными, словно изо льда.

– Это очень серьезно, Тиль.

– Конечно, серьезно. Жизнь и смерть всегда очень серьезны. Даже если это жизнь и смерть младенца.

– Тебе самой может грозить опасность. Если к тебе пришли и хотят что-то узнать, то у них в этом свои интересы, ты должна понимать. Я не могу рассказать, иначе через тебя могут узнать другие.

– Я никому не скажу.

Он покачал головой.

– Ставки велики, Тиль. Я не хочу подвергать тебя опасности. Иногда лучше не знать. Тебя могут использовать так, что ты даже не поймешь этого. Если...

– Нет, – прервала я.

Я не знаю, что больше не давало покоя – подозрения, что он может мне врать, или то, что сознательно не желает говорить мне правду. Я имею право знать.

Эрнан смотрел на меня. Долго, пытаюсь найти ответ.

– Хорошо, – сказал наконец. – Я разберусь сам.

Глава 15

Подготовку к свадьбе начали уже сейчас. Разослали приглашения.

Еще два месяца, будет почти конец лета. К этому времени из Тира и Гилтаса должны прийти корабли, золото из Диджаза, да и торговля немного наладится. Есть время. Хотя свадьба, конечно, планировалась очень скромно, только то, без чего обойтись нельзя.

Я пыталась понять, что я чувствую.

Боюсь ли я этой свадьбы? Или мне все равно?

А ведь во время поездки в Лохленн я почти радовалась, я верила, что все теперь будет хорошо.

Не будет. По крайней мере, пока я не узнаю все наверняка. Во что бы я не верила, что бы не решила, сомнения все равно будут мучить меня.

Нужно узнать.

– Прости... – Флир догнала меня в саду рано утром. – Луцилия, можно поговорить с тобой? Выслушай меня.

Простое серое платье, волосы скромно собраны назад – как это мило.

– Простить?

Раскаянье на ее лице, в глазах – напряженное ожидание. Она казалась так взволнованна.

– Я очень виновата перед тобой. Я не думала, что ты так серьезно это воспримешь, так близко к сердцу, я хотела только подразнить, взбодрить тебя...

Не лучший способ взбодрить.

– Это не важно.

Мне не хотелось говорить об этом.

– Луцилия, ты сама не своя. Это ведь все из-за меня, да? Ты так сильно расстроилась?

– Нет, не из-за тебя.

Даже без нее мне хватает... Даже без нее! Так куда же еще?

– Прости... Это была всего лишь минутная слабость... – у Флир были такие большие, невинные, умоляющие глаза. – Этого не должно было случиться. Ты ведь сама отказалась от него, Луцилия. Ты бы видела, какой он был после твоего побега! Весь черный, места себе не находил. Прости... я все равно не должна была.

Она тяжело вздохнула.

Не хочу это слушать. Хочу придушить ее собственными руками.

Но вдруг подумала – почему бы и нет. Я все гадаю – как бы мне узнать правду, но, может, Флир поможет мне. Не важно, как я к ней отношусь, важно, что она может узнать для меня.

– Есть кое-что еще, Флир. Не только это.

– Да? А что случилось? – в ее глазах мелькнул живой интерес, раскаянья как не бывало.

Сад, пожалуй, не лучшее место.

– Я расскажу, – сказала я. – Но только давай не здесь. Пойдем, прогуляемся к морю.

– Расскажи. – Я видела, как ее распирало от нетерпения. Она уселась под старой оливой на берегу, и я села рядом.

Волны были высокие, прибой гудел и шелестел галькой, мы слышали друг друга, но буквально с нескольких шагов слов уже не разобрать.

– Ты видела Дэрина? – спросила я.

– Да, – кивнула она, глаза заблестели.

– Знаешь, он рассказал мне кое-что... – я задумалась, как бы лучше об этом сказать, не раскрывая Флир главного. – Он же был с Маргед, когда они бежали из города. Он все видел, видел, как они умерли, и сам был ранен. Но странно, что Эрнан рассказывал мне об этом немного иначе.

– А что Эрнан рассказывал тебе? – Флир даже подалась вперед, она всегда любила такие истории.

Я никогда не умела врать, никогда не умела играть правдоподобно, но сейчас самое время.

– Эрнан рассказывал мне, что они догнали королеву с сыном на берегу, в Соломенном заливе, когда те садились в лодку. Эрнан говорил, что приказал утопить Гарана, так же, как его отца. Но Дэрин рассказывал, что их догнали около леса и что Эрнан собственной рукой разрубил принца пополам.

Флир нахмурилась. Она так странно на меня посмотрела, словно ожидала чего угодно, но не этого. Почему? Сложно представить, что я с такой легкостью говорю о смерти? Или здесь что-то другое?

– Эрнан рассказывал тебе это?

Моя ложь слишком заметна?

Ну и пусть. Сейчас это не важно.

А может быть, она знает другой вариант?

– Может быть, тебе он рассказывал другое? – я сказала это и испугалась сама.

– Мне? – искренне удивилась Флир. – Да мы вообще ни о чем таком не говорили. Кто я такая, чтоб он рассказывал мне о таких вещах? А в постели было не до того... Прости...

Она спрятала взгляд, сделала вид, что смутилась, но я видела, как она смотрела на меня. С интересом. И все же вот в этом я ей верила.

Раз уж начала, стоит идти до конца. Я собралась с силами.

– А мне он рассказывал. Я долго не могла с этим смириться, но в конце концов... Я никогда не любила Маргед. Мой брат был сволочью, все, что узнала о нем – так ужасно... Если бы Гаран вырос таким же... Если бы он остался жив, то мог бы вернуться и тоже пожелать мести. Он мог бы отомстить Эрнану. Он мог бы убить моих детей. Так же, как Эрнан вырос и убил сына Майлога. Флир, поверь, мне было сложно смириться со смертью ребенка, но другого выхода нет, я вижу...

Флир смотрела на меня так странно...

– Да, я тоже изменилась, – сказала ей, очень стараясь делать это естественно. – Сложно не измениться, когда весь твой мир рушится. На многое начинаешь смотреть иначе. Но сейчас мне нужна твоя помощь, Флир. Никто больше не сможет мне помочь.

– Конечно! Я сделаю все, что смогу.

– Ты не говорила с Дэрином еще?

– Нет. То есть я видела его, мы обменялись парой фраз, – Флир улыбнулась. – Но ни о чем таком мы не говорили.

– Хорошо. Тогда я хочу, чтобы ты пошла и поговорила с ним. Расскажи ему то, что говорил мне Эрнан – про лодку и про то, как утопили Гарана. Скажи, Эрнан сам рассказал тебе, еще тогда, когда вы были вместе. Расскажи ему и послушай, что он скажет. Будет ли он все отрицать или согласится с тобой.

– Зачем тебе это? – удивилась Флир. – Тебе так важно, утопили Гарана или зарезали? – она вдруг запнулась, покраснела. – Прости... Это, безусловно, важно. Но, может быть, ты хочешь узнать что-то еще?

– Пока только это, – сказала я. – Я хочу знать, как он отреагирует, и только потом проверить другую часть правды.

– Другую часть?

Я сжала пальцы, изо всех сил сделала усилие, чтобы улыбнуться.

– Узнай для меня это, и я расскажу кое-что еще.

Бабочка на окне. Живая, бьется в стекло. Я осторожно поймала, стараясь не повредить крылья, выпустила.

Помню, как однажды, еще ребенком, нашла мертвую цикаду под деревом, отогрела, оживила в ладонях. Она вспорхнула из моих рук, села на дерево и запела. Что-то было в этом... Она трещала вместе со всеми, но мне казалось, я слышу ее песню... я могу отличить ее от всех других. Чуть-чуть иначе, как-то неправильно.

Потом еще долго мне казалось, что я слышу ее в саду. Так странно, даже немного пугающе.

Если это возможно, я хочу узнать больше. Вспомнить или научиться заново. Понять. Мне все казалось – это важно, это имеет какой-то особый смысл.

В детстве мне приходилось прятаться от отца. Если бы сейчас была возможность, я бы хотела поговорить с ним. Я уже не ребенок, он мог бы мне объяснить. Почему уметь такое – ужасно. Но пока он был жив, мне было не до того... или просто не хватало сил поговорить.

Ингрун? Русалки знают о жизни и смерти куда больше. Но я даже не представляю, как можно с ней поговорить, как спросить. Да и решилась бы я сейчас?

Неправильная цикада с неправильной песней... что, если с людьми так же? Что-то меняется, и люди тоже становятся неправильными. Лучше смерть? А Эрнан? Как было с ним?

Я как-то рассказала Хаддину о бабочках, и он весь затрясся. Не знаю, что так подействовало на него. Он побледнел, замолчал и потом долго даже близко не подходил ко мне. Словно боялся. Словно я чудовище. А потом уже узнал отец и грозился запереть меня в башне, если я еще хоть раз сделаю что-то такое.

Постараться понять...

* * *

Лорд Коррин из Митра приехал раньше прочих гостей, задолго до положенного срока, но у него, очевидно, свои дела с Эрнаном. Один из самых богатых и влиятельных лордов королевства, едва ли не самый влиятельный. Вместе с ним приехал его брат, сэр Инир с женой, леди Руф, моей теткой по материнской линии.

Я помню ее, когда-то в детстве она приезжала к нам. Высокая худая женщина, уже заметно поседевшая, но сохранившая поистине королевскую

осанку. Интересно, сильно ли она похожа на мою мать? Я не могла бы сказать этого наверняка, маму я не помнила, а по старым портретам определить сходство нелегко. Наверно, похожа.

Тетя глядела на меня с таким неподдельным сочувствием.

– Ты, должно быть, очень страдаешь здесь, моя дорогая?

Что сказать?

Страдаю. Но только не очень-то хочу об этом говорить.

И все же тетка пригласила меня к себе после ужина, и я не смогла отказаться. Это было бы просто неприлично.

Она занимала покои в Южной башне, высокие светлые комнаты, выходящие прямо к морю, рокот волн был слышен даже отсюда.

– Я так рада тебе, моя милая! – тетка раскрыла объятия, ожидая, что я подойду и поцелую ее, как в детстве.

Я подошла. Наклонилась, чуть коснулась губами ее щеки. Впрочем, она сама не стремилась обняться со мной, коснулась моего плеча кончиками пальцев.

– Я тоже рада, тетя.

Села рядом.

Она разглядывала меня так пристально, изучая. Давно не видела, конечно, я сильно изменилась... выросла.

– Как ты тут, моя дорогая? Тебе тяжело? Одиноко?

Столько приторного сочувствия в ее голосе, что мне стало нехорошо. Словно все это уже было со мной. Но не могу же подозревать в чем-то даже родную тетку? Ее-то в чем мне подозревать? Что не так?

Наверно, я просто схожу с ума.

– Все нормально, тетя, – постаралась улыбнуться.

– Нормально? – искренне удивилась она. – После всего, что тебе довелось пережить? Даже при том что приходится терпеть это чудовище? Убийцу? Луцилия, милая, не нужно скромничать, со мной ты можешь поговорить откровенно, я желаю тебе только добра.

Я как-то сразу подобралась.

Добра?

Нет, я слишком подозрительна. Так нельзя.

– Ничего, тетя. Женщине не приходится выбирать свою судьбу. Вряд ли я была бы более счастлива в Тааракаре, став женой Фиро Орса. Здесь я, по крайней мере, дома.

– О, бедная моя девочка!

Мне показалось, тетя сейчас расплачется.

Она щелкнула пальцами, и тут же появилась служанка с кувшином

вина, налила ей и мне, поставила перед нами поднос с изысканными сладостями и засахаренными фруктами.

– Угощайся, дорогая, – предложила тетя. – Я знаю, что король посадил весь двор на хлеб и воду, но мы, к счастью, можем позволить себе немного маленьких вольностей.

Я поймала себя на том, что пытаюсь оценить, сколько это стоит.

Да, пожалуй, последние месяцы и впрямь были не легки.

Отпила немного вина.

Что сказать?

Жаловаться на судьбу не хотелось.

– Луцилия, милая, он не слишком мучил тебя? Я вижу, ты так подавлена.

Мне показалось, сейчас она спросит: «Ну, и как он в постели?» Совсем как Флир. Но нет, конечно, тетя говорила о другом.

– Эрнан всегда был добр ко мне, – сказала я.

Было так странно, неловко и неудобно. Словно приходилось в чем-то оправдываться.

– Луцилия, если бы я только могла как-то помочь тебе?!

Помочь? Нам нужны деньги, тетя, очень нужны. Судя по «маленьким вольностям», у вас с этим все в порядке, так, может, поделитесь?

Я поняла, что мне эта ситуация напоминает. Тот старик, посол Тааракара, тоже искренне мечтал мне помочь.

– Спасибо, тетя, – сказала я вслух. – Я очень ценю ваше сочувствие.

Она поджала губы, чуть нахмурила брови. Очевидно, думала, что со мной будет проще.

Чуть откинувшись назад, на спинку кресла, разглядывая меня.

– Ты никогда не думала, Луцилия, что было бы так чудесно уехать из этого ужасного места и все забыть?

Даже так?

– Однажды я думала об этом, – сказала я. – Но так вышло, что достопочтимый Адаль-ин-Дидар, придворный врач и лучший друг тааракарского эмира, лишился головы, пытаясь мне помочь. Его голова долго украшала собой стену. Его и не менее уважаемого Римано Тьюра.

Тетка побледнела, у нее даже вытянулось лицо.

Неожиданно поняла, что мне это доставляет удовольствие. Я не доверяла ей. И даже, кажется, понимала, куда она клонит. Лорд Коррин привез с собой дочь Эйрем, совсем юную и очень красивую.

– Луцилия... – тетя уже почти справилась с собой. – Милая, мы не собираемся тебя похитить.

– Конечно, – я почти смогла улыбнуться. – Просто не хочу, чтобы моя любимая тетушка как-то пострадала от рук этого чудовища, моего будущего мужа. Я очень переживаю за вас.

– Так, значит, ты сама хочешь выйти за него замуж?

– Конечно, – сказала я. – И стать королевой.

* * *

Смятение и радость одновременно. Я почти бежала по коридору.

Я оставила тетю в расстроенных чувствах, она не ожидала такого от меня.

Но теперь я должна была увидеть Эрнана, поговорить. Я хочу до конца понять, что происходит.

Стража у двери. Значит, у него кто-то есть? Я замялась на мгновение, но дверь распахнулась передо мной.

– Луцилия! – Эрнан поднялся мне навстречу. – Рад видеть тебя.

Рядом с ним, за столом, сидел лорд Коррин.

Эрнан уже подошел ко мне, и только тогда лорд решил, что ему тоже следует встать.

– Ваше высочество, – он чуть склонил голову.

– Я не помешала вам? – спросила я.

– Мы обсуждали важные государственные дела, ваше высочество, – холодно произнес лорд Коррин. – Я прошу простить меня, но если его величество не будет против, я хотел бы попросить вас все же ненадолго оставить нас, чтобы мы могли закончить.

– Думаю, мы уже закончили, лорд Коррин. Если пожелаете, мы поговорим позже.

– Как пожелаете, ваше величество.

Я видела, что лорд был недоволен, но свои чувства показывать не спешил. Он поклонился королю.

– Что он хотел? – осторожно спросила я, когда лорд Коррин вышел.

Я слишком прямолинейна, да? Просто сейчас не могу ждать.

Эрнан улыбнулся, и от этой улыбки стало как-то теплее и проще. Несмотря ни на что.

– У него было предложение ко мне.

– Он хотел выдать за тебя свою дочь?

Слишком прямолинейна! О, боги...

Но Эрнан засмеялся, чуть наклонил голову набок, глядя на меня так,

словно видел впервые.

– Ты знала, да?

– Нет, – холодок пробежал по спине. – Так это правда?

– Хотел, – согласился Эрнан.

– И что ты об этом думаешь?

– Тиль... – Эрнан взял меня за руку, чуть потянулся, словно собираясь поцеловать, но так и не поцеловал. – Нам, конечно, нужны деньги, но не настолько. Мы справимся и сами.

Его глаза смеялись.

Нет, он был ужасно серьезен, и в то же время я видела, что моя откровенность радует его. Он видит, что я с ним. Что в этот раз я не хочу никуда бежать и...

И я... Я обрадовалась. Словно камень упал с плеч. Наверно, и не сомневалась в нем, но было так важно услышать... Он не откажется от меня. Никогда.

Все.

Ужасно захотелось обнять его, но... все же что-то было между нами. Что-то такое, что не давало доверять до конца и быть до конца счастливой. Правда или ложь...

– Он предлагал денег? – спросила я.

– Он предлагал руку дочери и хорошее приданое. Но кто сказал тебе?

– Моя тетя предлагала помочь мне и увезти куда-нибудь подальше из этого страшного места.

– И ты отказалась?

– Я думаю, что это место не такое уж и страшное, – пожала плечами. – Возможно, я смогу привыкнуть.

– Тиль...

Он обнял меня, привлек к себе.

Я...

Я стояла и слышала, как бьется его сердце. Чувствовала его тепло. Его руки, такие надежные и крепкие... Я хотела обнять его тоже, хотела прижаться к нему. Но отчего-то не могла. Словно что-то мешало. Словно неведомая сила сковала меня. До дрожи.

Я так хочу ему верить. Всегда. Без оглядки. Так хочу.

Но все же...

Подняла глаза, встретившись с ним взглядом.

Наверно, он понял все. Стиснул зубы.

– Как же я без тебя, Тиль? – сказал очень тихо. – Как же я могу отказаться от тебя?

Я поняла, что плачу.

* * *

– Он очень удивился, Луцилия, – Флир уже ждала меня. – Он сказал, что я маленькая лгунья. Сказал, что не может быть такого, не мог мне Эрнан рассказать такую чушь.

Так все же, Дэрин говорит правду? Или дело в другом?

Нет, я не могла ему верить...

Я должна узнать больше.

Как бы научиться разбираться в таких вещах?

Глава 16

– Мы с Флир хотим покататься верхом, вы не составите нам компанию?

Я подошла к нему сама. Решила, что нужно поговорить, но для этого нужен повод. И лучше там, где никто не услышит нас.

Дэрин не удивился. Мне даже показалось, он ждал подобного хода от меня.

Я нашла его на тренировочном дворе, где он сражался с мечами в обеих руках. Мне показалось – скорее красовался, чем дрался по-настоящему, уж слишком это... Хотя что я в этом понимаю? Подождала, пока закончит, потом подошла.

Он изящно поклонился.

– Конечно, ваше высочество, я буду рад. Когда вы хотите отправиться?

– Сейчас.

– Хорошо. Тогда я сейчас переоденусь и буду ждать вас на конюшне.

Не дожидаясь ответа, он стащил мокрую от пота рубашку, вытер лицо. Я заметила свежий шрам у него на боку. Длинный и довольно широкий, но такой неестественно ровный, словно по линейке провели острым ножом. Как странно... Или это нормально? Так бывает?

– Меня ранили, когда я защищал королеву, – сказал Дэрин, поймав мой взгляд.

– У вас был на редкость аккуратный противник, – сказала я, очень старалась не смущаться и смотреть ему прямо в лицо. – Штаны вы тоже снимете прямо здесь? Нет? Тогда распорядитесь, чтобы мне оседлали Снежинку.

Эрнан с самого утра уехал на охоту с лордом Коррином.

И, проснувшись, я долго бродила по саду, не находя себе места. Нет, я не сомневалась, но что-то не давало покоя.

Нужно что-то делать, найти какой-то ответ, иначе я просто сойду с ума. Незнание хуже всего, с любой правдой можно примириться... почти с любой. Но с неизвестностью примириться нельзя. И тогда я решила, что прогуляться с Дэрином было бы хорошим решением. Поговорить. Сейчас как раз удобное время.

Может быть, я узнаю что-то важное.

Если он лжет, то делает это не просто так.

Понять – чего он хочет. Кто послал его.
Флир, конечно, мы не возьмем.

– Вы изменились, ваше высочество, – Дэрин ехал рядом со мной по полям. Вокруг почти никого, только там, позади, осталась дорога.

Надеюсь, я не делаю ошибки.

– Возможно, – согласилась я. – Сложно оставаться прежней, когда весь мир меняется вокруг тебя.

– Несомненно, ваше высочество. Все это очень тяжело. И все же это так невероятно повлияло на вас, вы стали только прекрасней, словно расцвели, и уже не ребенок...

Я должна восхититься и гордиться собой?

Он сидел на лошади прямо, расправив плечи, словно на параде. Его светлые кудри трепал ветер. Он был красив, этого не отнять, но в этой красоте была изрядная доля позерства и любования собой. Он старался мне понравиться и так уверен в себе...

Они с Маргед были любовниками – подумалось вдруг. Я видела их вместе, но только никогда не придавала значения, просто не понимала некоторых мелочей.

Я действительно изменилась.

– Я бы предпочла не меняться, но чтобы все мои родные были живы.

– Да, безусловно, понимаю вас, ваше высочество.

Его губы тронула легкая улыбка.

Нет, я не верила ему. Но все же...

– Сэр Дэрин, я бы хотела уточнить у вас одну вещь, – очень старалась, чтобы это звучало непринужденно. – Эрнан так ничего и не рассказывал мне о смерти моего племянника, а Флир утверждает, что он рассказывал ей, как догнал Маргед с сыном у залива, когда они садились в лодку. Вы же рассказываете совсем другую историю. Как так вышло?

Не слишком разумно, наверно, спрашивать прямо так, в лоб, но ничего более умного я придумать не могла.

Дэрин чуть приостановился.

– Я рассказываю лишь то, что видел своими глазами, ваше высочество. Прошу простить меня, но я бы вообще не стал доверять этой Флир. Вам она говорит одно, мне другое, а королю, надо полагать, третье.

– И что же она сказала вам, сэр Дэрин?

– Она рассказывала мне, что король утверждает, будто принц Гаран жив, но только это большая тайна, никто не должен знать об этом. И на костре сгорел другой мальчик.

– Это она вам сказала?

У меня похолодели руки. Не может быть!

– Да, ваше высочество. Она сказала, что король рассказал ей это... простите, она сказала, что он рассказал ей это в постели, когда они были вместе.

Нет. Я не верила, что в постели с Флир кто-то станет разговаривать о маленьких принцах. И потом тоже не станет. Но все это так странно...

Знает ли Флир на самом деле? Откуда еще, как не от Эрнана, Флир могла знать такое? Или Дэрин и здесь врет?

И откуда знать Дэрину? Откуда, если это не правда? Что стоит за всем этим? Меня начинало трясти, еще немного, и я свалюсь с лошади.

– Жив? – я надеялась, что мое состояние можно будет списать на удивление. Если я вдруг узнала, что Гаран может быть жив, то вполне нормально, что у меня трясутся руки.

Но ведь Дэрин говорил, что Эрнан на его глазах разрубил ребенка пополам?

Дэрин мягко улыбался, словно все шло по плану.

– Флир сказала, что засомневалась, когда ее не пустили к телу Маргед проститься, – сказал он. – Флир решила, что это странно. Она сказала, что издалека ей показалось, будто на костре не королева, а какая-то другая женщина. Она пыталась узнать, подойти, но ее не пустили. А потом Эрнан рассказал ей.

– Подождите, сэр Дэрин, но как это возможно? Вы же говорили, что Гаран и Маргед мертвы?

– Так и есть, – сказал он. – Дело в том, что нас нагнали уже после официальных похорон. Надо полагать, на костре действительно сгорели другие люди. Нужно было быстро убедить народ, что наследников больше не осталось. И уж потом довершить начатое.

«– Ты должна знать, Тиль, – сказал он совсем тихо, едва слышно. – Тот мальчик, который сгорел на костре, умер под обломками дома, вместе со своей матерью, когда мы брали город.

– Мальчик? Ты хочешь сказать...

– Нет, Тиль, я не могу тебе ничего больше сказать».

В тот самый первый раз он не сказал мне, что Гаран жив. Он сказал, что сгорел не тот мальчик. А уже потом...

Эрнан соврал мне?

Подыграл.

Я услышала то, что хотела услышать, а он всего лишь решил подыграть, чтобы я, наконец, перестала от него бегать. Он хотел получить меня и получил.

Одна маленькая ложь.

Закружилась голова.

Еще немного...

Я очнулась на руках Дэрина. Он снял меня с лошади, отнес в сторону, усадил на землю, подстелив свой плащ.

– Что с вами, ваше высочество?

– Ничего... просто закружилась голова. Все хорошо.

Его лицо совсем близко. Его синие-синие глаза...

– Ты такая красивая, Луцилия.

Я вздрогнула, дернулась назад. Нет. Только этого мне сейчас не хватало!

– Мне уже лучше, – сказала я. – Думаю, мы можем ехать.

– Подожди. Чего ты боишься?

Он не держал меня, но сидел рядом так близко, что я не могла попытаться встать, не дотронувшись до него.

– Нам пора ехать, – сказала я.

– Конечно... – он подался вперед. – Не бойся. Никто не увидит.

– Я не хочу.

Главное – не паниковать. Я помню, еще Оуэн говорил мне, когда я училась драться на мечях: страх – это шаг назад. Пугаясь, сразу теряешь контроль. Можно отступить, но нельзя бояться, иначе – конец.

Его губы прямо у моего лица. Он улыбается.

Не паниковать.

– Если Эрнан узнает, он убьет вас, сэр Дэрин.

– Зачем ему знать об этом, Луцилия? Да и ты сама ему зачем? Теперь у него есть новая невеста, ты же все видела сама. Он развлекся с тобой, получил все, что хотел, и теперь отошлет подальше. Скоро сам предложит, вот увидишь. Если бы он хотел жениться на тебе, то сделал бы это сразу. Зачем было ждать?

Не паниковать!

Я не буду думать об этом сейчас – слишком больно, слишком сильно ранит сердце. Нет, я не верю...

Не сейчас.

– Встаньте и сядьте на лошадь, сэр Дэрин.

– А если нет?

Он почти нависал надо мной. Чтобы встать самой, чтобы выбраться, мне надо было бы отползти назад. Я не сделаю этого.

– Чего вы хотите? – сказала я.

Он усмехнулся. Слишком самоуверенно.

– Ты мне нравишься, принцесса. Луцилия... или, как он тебя называет? Тиль?

Вот тут я не удержалась, со всего маху влепила ему пощечину. Он не смеет называть меня так!

– Вы забываетесь, сэр Дэрин!

– Да ладно? – он схватил меня за плечи, прижал к земле. – Тебе же нравится, когда тебя берут силой? Нравятся сильные мужчины? Да? Твой брат был трусом и тряпкой, ты всегда презирала его. Но всегда любила Эрнана. Который пришел, захватил все силой, победил, взял тебя. Тебе же это нравится?!

Спокойно. Вдох-выдох, главное, чтобы голос не подвел. Страх – это шаг назад.

– Мне нравится, когда это происходит по моему желанию, сэр Дэрин. Я хотела Эрнана, и он пришел. Но вас я пока не хотела.

– Пока? – он ухмыльнулся. Его глаза масляно поблескивали.

– Докажите свою доблесть, сэр Дэрин. Я люблю сильных мужчин. Докажите, что вы сильны.

– Сейчас... я докажу тебе...

Он так ухмылялся... Его рука скользнула к моей груди.

Спокойно.

– Не сейчас, сэр Дэрин. В том, чтобы взять силой беззащитную девушку – доблести никакой. Докажите иначе. Или вы боитесь? Докажите, что вы не трус.

В его лице появилось что-то такое... Сомнение? Недоверие? Он не собирался ничего доказывать, но и трусом показаться не мог.

– Чего ты хочешь?

– Вы боитесь, сэр Дэрин?

Он отпустил меня. И даже чуть подался назад.

– Ты хочешь, чтобы я убил его?

У меня даже перехватило дыхание.

Но да. Нужно идти до конца.

Я расскажу Эрнану, и Эрнан убьет его! Уж Эрнану точно нечего бояться. Но сейчас я должна идти до конца.

– Да, хочу, – твердо сказала я, глядя ему в глаза. – Ты боишься? Он сильнее тебя? Но если так, то зачем же ты мне тогда нужен?

Злость в его глазах. Злость и страх. Удивительно. Он смертельно боится показаться слабым.

– Ты сделаешь это для меня? – теперь уже я подалась вперед.

До конца.

Дэрин молчал.

Тогда я коснулась губами еще щеки.

– Мой верный рыцарь, – тихо сказала я.

Поднялась на ноги.

Он позволил мне встать. Дойти до лошади.

Мне кажется, он был слегка ошарашен, не ожидал от меня такого. Думал, я испугаюсь? Думал, я тихая девочка, которая не может и слова сказать? А вот не так. Я и сама не ожидала. Но выбора нет.

Я смогу справиться. Мой отец завоевал полмира. Кто скажет, что я не его дочь?

– Я буду ждать! – сказала и вскочила в седло. Ударил пятками лошадь в бока.

* * *

Я видела, как они возвращались поздно вечером. С охоты.

Эрнан ехал впереди. И прямо с ним, перед ним в седле, сидела Эйрем. Одной рукой он обнимал ее, другой – держал поводья. Лорд Коррин ехал рядом.

Я и правда ему больше не нужна?

Нет.

Я смотрела и не могла поверить.

Хотела подойти, но не нашла в себе силы.

Убежала к себе.

Все надеялась, Эрнан сам придет и все объяснит мне. Сам скажет, что я не нужна ему. Что должна собрать вещи и ехать с теткой.

Он не приходил.

Нет.

Я не вынесу этого.

Я просидела на балконе весь вечер, глядя, как звезды по одной загораются в небесах.

Где-то в саду играла музыка, я слышала смех.

Мне казалось даже, смех Эрнана и смех Эйрем. Я не видела, но мне казалось, они веселятся там. Или нет? Или это чужие голоса?

Он даже не счел нужным мне сказать.
Он взял на охоту ее, а я...
Я дура, что верила ему.
Хотелось плакать, но даже слез не было. Была только пустота.
Ноющая, невероятная пустота внутри.
Хоть бы этот Дэрин на самом деле убил его!
И уже все равно, что будет со мной.
Море шумит где-то вдали.

Глава 17

Море шумит. Словно зовет меня.

Когда я решилась, небо уже начинало сереть на востоке.

Всю ночь я рыдала в подушку, ходила по комнате кругами, не находя себе места. Снова сидела на балконе, слушая треск цикад.

Я не понимала, как мне быть.

Но море... море всегда давало покой. Звало. И сегодня – как-то особенно.

Я вышла из замка. Успела заметить, что слуги чуть в стороне в саду убирают столы. Так они только закончили? Вдруг Эрнан еще там, увидит меня? Не важно... Я прошла через сад, Соленые врата... меня не стали останавливать, я не первый раз гуляю по утрам. Прошла по высокой, мокрой от росы траве до Костяной скалы над морем.

Внизу шумели волны.

В какой-то момент даже проскользнула мысль, что вот сейчас взять и прыгнуть со скалы... я разобьюсь о камни, теперь тут нет воды... разобьюсь, и ничего больше не будет, не о чем будет переживать.

Глупо.

Спустилась по тропинке вниз.

Лучше искупаться.

Словно смыть с себя весь страх, всю грязь прошлого дня. Всю боль. И начать заново.

Сняла сандалии.

Пальцы ушли в мягкий прохладный песок.

Вода теплая. Так хорошо. Подобрал подол, я немного походила по воде.

А по щекам текли слезы.

Я сняла платье, положила рядом на песок. Осталась в тонкой сорочке. Рядом с замком купаться совсем голой я бы не решилась, вдруг увидит кто-то чужой. И Эрнан не придет...

Слезы...

Вода теплая-теплая, словно парное молоко. Ее почти не чувствуешь, вода обхватывает тебя со всех сторон, обнимает, укачивает... Так хорошо. Волны такие тихие и ласковые. Хочется раствориться в этой воде без следа.

Я смыла слезы с глаз. Соленые слезы и соленая вода. Я так хочу... Мне вдруг показалось – вода светится вокруг меня. Но лишь на мгновение.

Просто блики, играющие на воде.

Оттолкнулась ногами от дна, поплыла. Далеко, неспешно, не тратя лишних сил.

Потом перевернулась, легла на спину.

Небо розовое с одного края, еще видно тонкий бок луны, а звезды уже исчезли без следа.

Потом я нырнула и смотрела, как свет пронзает воду насквозь, теряясь в глубине.

И вдруг мне показалось – я вижу тень вдалеке под водой. Что-то плывет. Большая рыба? Здесь нет акул. Что это?

Стало страшно.

К берегу. Скорей!

Мне показалось, я плыла изо всех сил, старалась, но оно все равно догоняло меня. Так быстро.

Не стоило заплывать так далеко.

Почти паника.

Я даже, кажется, кричала.

Но что толку кричать? Здесь никто не услышит. Никого нет. Эрнан не отзовется на мой крик. У него сейчас другие дела и другие забавы. Я ему больше не нужна. Он с этой...

Скорее!

Я успею. Еще немного, и я смогу успеть, выскочить на берег. А на берегу уже бояться нечего.

Я уже коснулась ногами дна. Я почти бежала.

И тут же всплеск рядом со мной. Фонтан брызг.

– Стой! – у самого уха.

– Помогите! – ору я. Ужас захлестывает.

– Стой, принцесса! – оно хватает меня за руку, разворачивает к себе.

И только тогда я понимаю. Это Исар – морской принц, сын Тоура. Он улыбается, словно хищник, настигший добычу. От этой улыбки становится еще страшнее.

Я слышала, дети моря могут почувствовать кровь за много миль, даже каплю крови в воде. Так, может, и слезы? Он почувствовал меня? Пришел за мной?

– Нет! – ору я. – Не трогай меня! Помогите! Эрнан!

Он не придет. Зачем кричать?

Но больше надеяться не на что.

– Не бойся меня, – Исар ухмыляется.

Его голос подобен журчанию ручья. Он завораживает, лишает воли.

Я дергаюсь из последних сил.

– Не бойся меня, – словно заклинание.

– Отпусти! Чего тебе надо?!

– Я просто хочу поговорить с тобой. Хочу, чтобы ты рассказала мне правду.

Его пальцы крепко держат мои запястья. Я пытаюсь вырваться, пытаюсь оттолкнуться, даже пнуть его ногой, но все тщетно. Словно камень. Он сам словно каменный.

Я никогда не видела детей моря так близко.

Они так похожи на людей, они так красивы. И Исар...

Словно демон вблизи. Не человек.

Я даже не знаю, в чем дело, но вблизи его с человеком не спутать. Совсем светлая кожа с тонкими, едва заметными прожилками вен под ней. Лицо, словно вырезанное из мрамора. Холодное. Огромные изумрудно-зеленые глаза, длинные ресницы. Таких глаз не бывает у людей. Высокие скулы, тонкий прямой нос... Что-то неуловимо не так.

Страшно.

– Отпусти, – шепотом говорю я. Дыхание перехватывает, и останавливается сердце.

– Ты помнишь день весеннего солнцестояния? Праздник? Состязание? Помнишь, принцесса? – говорит он.

Я киваю. У меня даже нет сил сказать.

Он смотрит на меня, его изумрудные глаза словно видят все насквозь.

– Ты знаешь, что твой король обещал отдать тебя, если он проиграет?

Мне страшно.

Чего он хочет? Забрать меня с собой?

– Так ты знаешь об этом, принцесса? – говорит Исар. – Знаешь, я вижу! Я всегда вижу правду! И еще я знаю, что Эрнан обманул меня. Ведь так?

Мне кажется, это какая-то магия, я даже не могу пошевелиться, не могу вздохнуть. Словно он вытягивает душу из меня.

– Обманул? Ведь так? Скажи! – его губы шевелятся почти беззвучно, я не могу оторвать глаз.

– Так, – завороченно говорю я, почти не осознавая. Это какая-то магия?

И Исар смеется. Так же беззвучно. Победно.

– Значит, имею право тебя забрать! Обманом победить нельзя. Он проиграл.

– Нет! – кричу я что есть силы. Мне так страшно. – Нет! Отпусти!

Помогите!

Я пытаюсь вырваться, пытаюсь ударить, но у меня не хватает сил.

– Спокойно, – говорит он. – Тебе нечего бояться. Ты просто пойдешь со мной.

– Нет!

Мне вдруг кажется, он сейчас просто нырнет со мной, утащит на дно, и я захлебнусь. Умру.

Но он лишь обнимает меня и целует в губы, так крепко, что кружится голова. Все темнеет... Горячо. Словно огонь охватывает меня. Я не могу дышать, легкие разрываются, так больно... Я почти не понимаю ничего. Хочется кричать, но я не могу. Весь мир расплывается и исчезает.

– Сейчас все пройдет, – слышу я, словно сквозь туман. – И тогда ты сможешь дышать под водой. Потерпи.

Поцелуй русалки, особая магия.

Останавливается дыхание и немеют ноги.

Все кончено.

Я чувствую себя мухой в паутине.

И вдруг...

– Отпусти ее!

Эрнан!

Это невозможно.

Я пытаюсь тряхнуть головой, понять хоть что-то.

– Ты опоздал! – говорит Исар. – Она моя.

Всплеск. Мне кажется, Исар тащит меня прочь от берега. Брызги. Вода немного приводит в чувство. Я, наконец, могу видеть.

Я вижу Эрнана на вершине скалы.

Он не успеет.

Поздно.

Пока он спустится, Исар утащит меня на дно. В воде его не догнать.

– Стой! – кричит Эрнан.

И вдруг прыгает вниз.

Нет!

Мне кажется, мое сердце разрывается, сейчас...

Он разобьется! Тут невероятная высота! На камни!

– Нет! – кричу я.

И Исар замирает. Он тоже, кажется, не верит, что все это происходит на самом деле.

В первое мгновение Эрнан приземляется на ноги, но тут же падает, кувырнувшись вперед через голову. Он лежит...

Я слышу, как Исар бормочет проклятья.

Потом Эрнан поднимается. Медленно, с трудом. Немного покачиваясь. У него лицо в крови, из носа течет кровь. Но он жив. Это невероятно.

Кольцо!

Кольцо – понимаю я, оно защищает его, но и эта защита не безгранична. Оно сделано для королей, а не для воинов, может прикрыть от ножа в спину или от яда, но тут...

– Отпусти ее, – хрипло говорит Эрнан. – Это дело касается только нас с тобой. Меня и тебя. Но не ее. Отпусти.

Я чувствую, что Исар сомневается.

Я действительно не нужна ему, зато ему нужна месть. Возмездие. Он жаждет справедливости. И крови. Не моей. Возможно даже, с Эрнаном у него свои и давние счеты.

– Тебе нужен я, – говорит Эрнан. – Отпусти ее.

Он заходит в воду, уже почти по колено.

– Стой! – говорит Исар. – Не подходи. Сними кольцо.

– Хорошо.

Я вижу, как Эрнан снимает с пальца кольцо. Показывает его. Показывает руку.

По подбородку течет кровь.

– Бросай кольцо в воду! – говорит Исар.

И Эрнан бросает, размахиваясь, куда-то вдаль. Кольцо уходит на дно. Глубоко и не достать.

Я не верю.

Так не может быть.

– Теперь оружие! – говорит Исар. – Меч!

– Я оставлю его на берегу, – говорит Эрнан. – Нечего бросать в воду хорошую сталь.

Исар смеется.

– Тебе он больше не понадобится. Не волнуйся.

– На берегу, – говорит Эрнан.

Потом делает несколько шагов назад, выходя за линию прибоя. Достает из ножен меч и втыкает в песок.

– Теперь ты! – говорит он, я чувствую страшное напряжение в голосе. – Отпусти ее!

– Отойди назад! – усмехаясь, говорит Исар. – Отойди назад, ближе к скале, и встань на колени.

Холодные пальцы сжимаются на моем горле, не вздохнуть. Вижу только, как бледнеет у Эрнана лицо.

– Хорошо, – ровно и холодно говорит он. – Я это сделаю. И тогда ты отпустишь ее?

– Да. Жизнь за жизнь! Думаю, это справедливо.

– Хорошо, – говорит Эрнан, отходит назад. – Ты боишься сразиться со мной честно?

И опускается на колени.

– Я не собираюсь сражаться с тобой, – говорит Исар. – Я собираюсь убить тебя. Ты не заслуживаешь смерти в бою, как воин. Ты умрешь, стоя на коленях.

Эрнан молчит.

Исар подхватывает меня одной рукой и тащит на берег, так легко, словно я маленький ребенок. Потом ставит на песок. Отпускает.

А сам поднимает оставленный меч, примеривается к рукояти, взвешивает в руке.

– Хороший меч, – говорит он. – Где ты украл его?

Эрнан не собирается отвечать. Он смотрит только на меня.

– Тиль! Уходи отсюда. Поднимайся вверх.

Я не могу.

Я понимаю, что это было бы правильно. Возможно, я буду только мешать... Опасно оставаться. Но его же убьют! Мне так страшно, что если я убегу... что только отвернусь, и Эрнана убьют. Нет.

«Я бы, пожалуй, не решился выйти против Исара, даже обвешавшись кольцами. Против него у меня нет шансов».

А безоружным...

Нет шансов.

Исар больше не смотрит на меня, я не нужна ему. Я лишь предлог... приманка.

Эрнан стоит на коленях.

– Уходи, Тиль!

– Без глупостей! – говорит Исар. – Если ты снова обманешь меня, то я приду за ней. Даже если она убежит сейчас, я все равно приду за ней. Ее жизнь в обмен на твою. Пусть она остается. Пусть смотрит.

– Я бросил оружие, встал на колени, – хрипло говорит Эрнан. – Ты хочешь еще, чтоб я не дергался? Ты настолько неуверен в себе? Хочешь убить меня? Попробуй, убей.

– Ты умрешь! – рычит Исар, и сейчас, как никогда, похож на морского демона.

Мне страшно.

Я вижу, как Исар идет по берегу. Вроде бы и не спеша, медленно,

плавно, одно движение перетекает в другое, словно течет вода. Но вот только что он был рядом, и тут же уже на несколько шагов в сторону, почти неуловимо. Его движения сливаются в одно.

Меч в его руке. Меч Эрнана.

Эрнан стоит на коленях. Неподвижно. Глядя даже не на Исара, а прямо перед собой.

Нет!

– Нет! – кричу я. – Я не согласна! Не надо! Я не хочу так! Не трогай его! Я пойду с тобой! Я сделаю все, что угодно! Нет!

Я вижу, как Эрнан вздрагивает.

Все это уже словно было со мной. В детстве, в саду, когда мы рвали те проклятые вишни! Когда я готова броситься и повиснуть у отца на руках, не дать ему...

Только Исар не отец. Он и меня убьет.

– Зачем ты мне? – небрежно бросает Исар через плечо. – Я пришел не за тобой.

Я наживка.

– Нет! Пожалуйста!

Броситься и остановить... Но я не успею. Ужас сковывает меня.

А Исар уже совсем близко. Еще один только шаг... замах...

– Беги, Тиль!

Он убьет его!

Сейчас...

И в самый последний момент я вижу, как Эрнан бросается вперед, Исару под ноги, и что-то сверкает в его руке. Нож? Мне кажется, пытается сбить Исара с ног, но это невозможно. Исар – словно скала.

– Стой! – ревет Исар. – Ты умрешь! А потом я заберу твою девушку!

Эрнан откатывается в сторону, вскакивает на ноги.

Нож в его руке. Против меча. И Исар – страшнее морского демона.

– Ты умрешь! – ревет Исар. Наступает. Клинок сверкает в его руках. Мне даже не удастся проследить замах, все так быстро. Он словно растекается, словно и здесь, и там одновременно. Атака, еще... И все же я вижу – по его ноге течет кровь, но Исар в ярости, ему плевать на рану.

Эрнан пытается увернуться. И снова. С такой скоростью, мне даже сложно представить. Сердце замирает.

Хочется отвернуться, зажмуриться и не видеть – нет сил.

Сверкает клинок... И Эрнан падает, отлетает в сторону.

Рука? В правую руку. Но крови нет. Эрнан выронил нож, уже никак не успевает подобрать, держится левой рукой за правую, чуть выше локтя... И

встает. Быстро. Отступает. Едва успевая уворачиваться... почти не успевая.
У него не хватает сил.

– Тиль! Беги!

Нож на песке.

И никто из них не смотрит на меня.

Нож!

Если я сейчас ничего не сделаю, Эрнан умрет. Из-за меня. Я не могу...

И я срываюсь с места. Только бы успеть!

Время замирает и растягивается, словно во сне. Словно все это происходит не со мной.

Я бегу.

И Исар оборачивается.

Но Эрнан, воспользовавшись заминкой, хватается его. Так невозможно... но просто голыми руками пытается ударить, схватить, не пустить Исара ко мне. Исар лупит его мечом словно палкой, и в бок, и в голову, но Эрнан даже не замечает. Кольцо! О, боги! Но даже это сейчас не поможет, если я не успею... У Эрнана не хватает сил удержать... Еще чуть-чуть...

Но я успеваю.

И с разбегу хватаю нож.

Отдать Эрнану? Бросить? Поздно. Я не смогу. Если я хочу помочь, то должна сама.

Эрнан все еще держит, вцепившись в противника... У меня только одна попытка. И я... бью.

Нож под лопатку. В спину.

Исар кричит.

И Эрнан бьет его в лицо.

Я, кажется, кричу тоже. От ужаса...

Исар падает.

Я...

Радость и паника одновременно.

Все...

Я убила его?

– Тиль...

Эрнан без сил падает на колени и садится, едва держится, тяжело опираясь на левую руку.

– Как ты?

Я кидаюсь к нему, но не слушаются ноги, подгибаются. Мне так плохо, так страшно... Что теперь будет?

Эрнан качает головой. Он смотрит на меня, но, кажется, почти не

видит.

Не сейчас.

– Тиль... – у него не хватает дыхания сказать, и, еще немного, и он потеряет сознание. – Тиль... сейчас сюда... сюда придет Тоур... – Эрнан говорит с трудом. – И он будет в гневе. Тиль, беги к Соленым вратам. Там Лохан... Ждет меня. Скажи ему, что Исар ранен и... возможно, убит. Сейчас будет Тоур. Будет высокая волна. Тиль! Ты слышишь?! Гнев моря!

– Да.

У меня снова звенит в ушах, но я слышу. Я очень стараюсь взять себя в руки.

«Хотя, с другой стороны, если бы мне посчастливилось Исара убить, то я навсегда испортил бы отношения с Морем, и тогда всем бы пришлось не сладко. Сомнительная альтернатива».

Эрнан смотрит на меня... сквозь меня...

Взять себя в руки.

Я сделаю.

– Скажи Лохану, чтобы уводил всех от моря. Поняла?! Убирал все. И пусть пошлет в город, в порт, чтобы отходили корабли. Если успеет. Ты поняла?! Поняла меня, Тиль?!

– Да...

Мне кажется, все это не со мной... Так не может быть!

– Поняла?! Сейчас, Тиль! Беги! Иначе будет поздно!

– А ты?

– Я буду ждать здесь. Поговорить... – он делает глубокий судорожный вдох. – Скорей, Тиль! Это приказ! Давай!

И я бегу.

Наверх, на скалу, со всех ног.

Я почти ничего не вижу от слез.

Ужас сжимает все внутри.

Так не может быть.

И лишь на мгновение оглянувшись, я вижу, как темнеет море.

* * *

– Лохан! – я увидела его издалека.

Неслась со всех ног.

Он кинулся мне навстречу.

Собраться и не паниковать! Быстро!

– Там Исар! – на ходу крикнула я. – Он ранен или даже убит! Эрнан велел уводить всех от моря! Всех! Скакать в город, увести от берега корабли!

Лохан в замешательстве. Не долго, возможно, он чего-то такого и ждал.

– Что случилось, ваше высочество? – пытается понять он.

– Потом, Лохан! Сейчас передай всем!

Он кивает и быстро убегает прочь.

Я сажусь на землю без сил, меня трясет.

Все словно в тумане.

Кто-то из стражи подошел, накрыл меня плащом, спросил что-то... я не смогла ответить. Только сейчас поняла, что так и сижу в одной мокрой сорочке, платье осталось на берегу. Не важно.

Море совсем темное, страшное, волны бьются о берег, белые барашки пены на гребне.

Соленый ветер слепит глаза.

Но это просто волны. Просто ветер. Обычная непогода, пусть и внезапная. Это не страшно.

Никакой большой волны нет. Или еще будет?

Это все из-за меня?

Я сижу, обхватив колени руками, и меня трясет.

– Ваше высочество, – это Лохан вернулся, подошел. – Простите, ваше высочество, с вами все в порядке? Что случилось?

Я подняла голову, глянула на него. Он стоит такой мрачный и злой. Не важно...

– Вы передали приказ, сэр Лохан?

– Да, ваше высочество.

Он подал мне руку, помогая подняться. Я встала, слегка покачивало.

– Исар хотел утащить меня в море, – сказала я.

И рассказала ему все как было. Лохан бледнел, хмурился, скрипел зубами... и я вдруг поняла, как глупо все это вышло. Совсем глупо. Так не должно было быть.

Что теперь?

– Я хочу вернуться к скале, сэр Лохан. Вы проводите меня?

– Конечно, ваше высочество.

Я очень боялась идти. Очень боялась того, что увижу там. Боялась Тоура, его гнева – это же я ранила Исара. Только бы он был жив... Боялась

за Эрнана.

Я страшно боялась.

Но не прятаться же.

Нужно что-то делать.

Когда мы дошли, Лохан осторожно выглянул первым.

– Тут никого нет, ваше высочество.

Берег пуст. Даже следов нет – все смыло волной. И никого.

Я спустилась вниз.

Даже представить не могла, что дальше делать.

Ждать?

Как долго нужно ждать?

А если Эрнан не вернется? Что делать мне? Такого не может быть!

Если я осталась одна?

Нет...

Лохан стоял за спиной.

– Мы будем ждать, сэр Лохан, – сказала я.

– Да, ваше высочество.

Что нам еще остается.

Он скоро вернется. Он ушел к Тоуру, поговорить... Ведь так?

Я села на песок у самой воды, высокие волны набегали и лизали ноги.

Лохан за моей спиной мерил берег шагами – сначала в одну сторону, потом в другую.

Время тянулось бесконечно.

– А как вы встретились с Эрнаном, сэр Лохан? – спросила я. Тишина угнетала, слишком много лишних мыслей кружилось в тишине.

– Да лучше бы не встречался, – буркнул он.

– Что?

– Простите, ваше высочество, – Лохан опомнился, вздохнул. – Я многим обязан королю, всей моей жизнью, он сделал меня рыцарем...

– Как вы встретились?

Так, словно это сейчас важно.

– В Диджазе, – сказал Лохан. – Мы оба дрались за деньги на арене.

– На арене? Друг с другом?

– Нет, – Лохан усмехнулся. – Если бы друг с другом, я бы сейчас здесь не стоял. Там дерутся до смерти, ну, или почти до смерти, как повезет. Иначе какой интерес смотреть?

До смерти...

Почти как Эрнан дрался с морскими демонами... только по-настоящему. Никаких трюков с кольцом.

– Вы сказали: «лучше бы не встречался»? Почему?

– Простите, ваше высочество... я...

– Вы можете сказать, сэр Лохан.

Он как-то невесело усмехнулся, сморщился.

Говорить не хотелось.

– Ваше высочество, я простой человек, и все это... Моя жизнь была понятней и проще пять лет назад. Да, я дрался за деньги, убивал за деньги, каждый раз зная, что и меня могут убить. Но я понимал, что все в моей жизни зависит только от меня. Я делал только то, что сам считал правильным. Я был на своем месте, ваше высочество. Я понимал, кто мой друг, а кто враг...

Что-то очень сильно задело его.

– Вам тяжелы ваши обязанности, сэр Лохан?

– Обязанности гвардейца не тяжелее любых других... Мне не стоило говорить об этом, ваше высочество. Это касается только меня... Простите.

Он отвернулся.

Наверно, не стоило начинать этот разговор. Легче уж точно не стало.

Я попыталась было еще, но Лохан отказывался говорить. Он что-то отвечал, но так, словно отмахиваясь.

Если Эрнан не вернется...

День выдался жарким.

Я сидела у самой воды, Лохан несколько раз предлагал мне пойти в тень, но мне почему-то казалось, что уходить нельзя. Лучше здесь. Поближе к воде.

Я ждала. Я не отрываясь смотрела на море, не появится ли там, в волнах... Пару раз мне казалось, что я вижу, но нет. Один раз это была чайка, другой раз просто морская пена.

Волны бушевали, с ревом накатываясь на берег, обдавая меня брызгами.

Темное, грозное море и ясное небо.

Я вглядывалась до рези в глазах.

Когда уже ближе к вечеру я увидела всплеск, а потом голову на поверхности воды, плечи... я видела, как он вынырнул и поплыл к берегу, но было уже почти все равно. Я так устала. Сил радоваться уже не было.

«Ну вот и все», – только и подумала я.

Поднялась.

Стояла и смотрела, как Эрнан выходит на берег. Волны сбивали с ног,

он даже споткнулся.

– Тиль... – подошел ко мне.

Я бросилась ему на шею. Обняла, прижалась крепко. Слезы...

– Все нормально, Тиль, – устало сказал он. Весь мокрый, холодный. – Все хорошо. Прости, что так вышло. Ты испугалась?

– Да. Очень.

Он поцеловал меня в лоб.

Потом почти с усилием оторвал от себя.

– Сейчас, Тиль...

Подошел к Лохану.

Я слышала, как Лохан ругался, как Эрнан что-то отвечал ему. Но почти не разбирала слов. Все словно в тумане.

Все закончилось.

Потом Эрнан вел меня домой, поддерживая под руку. Кружилась голова.

Вчера был тяжелый день, я совсем не спала ночью, а сегодня все еще хуже.

Если бы не Эрнан, я просто упала бы, не дошла.

Но все закончилось. И единственное, что я сейчас хочу – это в кровать. Спать. Остальное – потом.

Глава 18

Я пыталась поговорить с ним с самого утра, но никак не удавалось. Вокруг Эрнана всегда было много людей, что-то обсуждали, решали, я не пыталась вклиниваться. Он видел меня, кивнул мне. «Сейчас, Тиль....» Он не мог бросить все, я понимала.

Я хотела поговорить наедине.

Потом Эрнан уехал в город и вернулся только к вечеру.

Такое странное ощущение пустоты.

Море все еще было беспокойно, над берегом с криками летали чайки, иногда залетали и к нам, кружили над садом.

Я толком не понимала, как все закончилось. Чего ждать? Судя по тому, как бегают Эрнан – закончилось не очень.

Вечером Эрнан пришел сам.

Деликатно постучал в дверь, я открыла.

– Тиль... – хмуро сказал он. – Как ты?

– Хорошо, – сказала я.

Он обнял меня за плечи, притянул к себе, и я вдруг поняла, что нестерпимо щиплет глаза. Слезы подступают, и я ничего не могу поделать.

Всхлипнула. Судорожно обхватила его. Только сейчас, наверно, до конца осознала, что все хорошо, ничего больше не угрожает.

Ведь все хорошо?

Я чувствовала напряжение. Он хочет что-то сказать мне? Что-то важное?

– Ну, что ты, Тиль, все уже закончилось.

Все закончилось. Я не могла ни о чем думать. Главное, что сейчас он жив и все хорошо. Я так испугалась за него.

Кивнула и всхлипнула еще громче.

Я обнимала его, уткнувшись носом в его плечо, понимала, что – да, все закончилось, но не могла остановиться. Слезы вдруг хлынули наружу. Все, что накопилось, что так долго держалось внутри, весь ужас и напряжение...

Мы так и стояли с ним у дверей, я рыдала навзрыд, а он нежно гладил меня по волосам, по спине, шептал что-то тихое, успокаивающее, почти не имеющее никакого значения.

Все хорошо.

И все казалось так просто. Теперь все решится само. Ничего плохого больше не может случиться. Нет ничего вокруг нас...

– А как Исар? – наконец, спросила я.

– Нормально, – Эрнан чуть усмехнулся. – Они такие живучие, эти дети моря, их не убьешь. Ингрун подлечит, скоро бегать будет.

– Бегать?

– Не бойся, Тиль. Он больше не полезет к тебе. Это я виноват...

– А Тоур? Что он сказал тебе?

– Ничего хорошего, конечно, но я боялся, что будет хуже. Потопа не будет. Чужие корабли Тоур выпустит домой, но наши грозится не выпускать дальше залива и топить. Посмотрим, что будет. Думаю, со временем он отойдет, все наладится. Но с данью на будущий год, конечно, уже никаких фокусов не пройдет, придется играть по его правилам. Ничего, мы как-нибудь разберемся. До следующего года еще нужно дожить.

– Это все из-за меня, да?

Он мягко улыбнулся.

– Нет, это все из-за меня, Тиль. Мне нужно было быть осмотрительнее. И когда все решалось с данью, и вчера тоже. Особенно вчера. Если бы не ты, Тиль... Ты спасла мне жизнь. Ты очень храбрая. Если бы не ты, он бы меня убил.

Эрнан смотрел мне в глаза. Прямо, не отрываясь. Чуть-чуть улыбаясь, чуть-чуть грустно... Напряженно.

– Я...

Не понимала, что сказать.

– Знаешь, если все делать правильно, – сказал он, – то не стоило бегать за тобой и отбирать у Исара. Не обижайся только, правильно у меня все равно не вышло, я как увидел... Нужно было позволить ему забрать тебя. Он бы ничего не сделал, притащил бы тебя домой, ты посмотрела бы, как там живут. Ну, и все. А мне потом только позвать Ингрун, прийти к вам самому и поговорить с Тоуром. Забрать тебя без всякого дурацкого риска и гнева морского царя.

– И почему же ты так не сделал?

Он пожал плечами.

– Не смог. Мне вдруг показалось, что если отпущу, то навсегда потеряю тебя.

Я прижалась к нему щекой.

Я тоже не могу его потерять.

У нас и без того все непросто.

Но он прав, так было бы проще. Правильнее.

Если бы можно было все забыть и начать сначала. Без войн, без лжи, без лорда Коррина.

– Я так испугалась за тебя.

– И я за тебя. Но ты молодец.

Как бы я жила без тебя?

Но...

Он чуть коснулся губами моих волос. Я потянулась было поцеловать его, но он вдруг замер, поджал губы.

Что? Я смотрела на него и не могла понять.

Что-то еще произошло?

И почти паника захлестывает меня. Я пытаюсь понять, найти ответы. Все путается в голове.

Я же вижу, он хочет что-то сказать мне, но молчит. И мне становится не по себе от этого. Он говорит, что все хорошо, но я вижу! Он никогда не был таким.

Ложь?

Он даже Исара снова обманул у меня на глазах. Сделал вид, что бросил кольцо в море, но бросил что-то еще. Камешек? Вот же кольцо, у него на пальце. Да и я видела, когда Исар ударил его мечом – ничего не было. Снова ложь? Чтобы выжить, да. Но он делает это так легко.

Я так люблю его, он мне ужасно дорог! Он готов рисковать жизнью ради меня. Храбрость это или безрассудство? Упрямство? Не отдавать меня никому. Но в то же время... он едет на охоту с другой. И я даже не могу понять, когда он говорит правду, а когда врет мне. Где правда?

Я хочу верить! Я больше всего в жизни хочу ему верить, но столько всего случилось в моей жизни, столько перевернулось с ног на голову, что я не могу. Я пытаюсь найти точку опоры. Что-то, в чем я совершенно точно могу не сомневаться. Никак. Точно понимать, что это правда.

Надо решиться и спросить прямо.

– Ты все еще собираешься жениться на мне? – сказала я.

Он вздрогнул, нахмурился. Так, словно я угадала. Что-то...

– Почему ты спрашиваешь, Тиль?

Что-то такое в его голосе, что замирает сердце. Что?!

– Не знаю... – сказала я. – А лорд Коррин? Мне показалось, вы с его дочерью нашли общий язык.

Эрнан выдохнул, покачал головой. Нет? Дело не в этом? Что-то еще?

– Завтра утром они уезжают.

– Уезжают? Совсем?

– Лорд Коррин еще вернется на нашу свадьбу. А Эйрем – да, совсем.

Твоя тетя, возможно, тоже придет, но не думаю. Она жаловалась, что плохо переносит дорогу.

Моей тете плевать на дорогу, она и пешком дойдет. Но жаловаться, пожалуй, могла. Просто предлог.

Нашу свадьбу.

– Что ты сказал лорду Коррину?

– Что сказал? – почти безразличие в его голосе. – Что меня не интересует его предложение. Если конечно...

Он замолчал.

Я осторожно высвободилась из его объятий.

Что происходит? О, боги! Что?!

– После охоты? Или после того, как отбил меня у Исара? Когда ты ему это сказал?

Зачем это мне? Какое это имеет значение?

Эрнан хмуро смотрел на меня.

– Сразу, как только он предложил мне, – сказал он. – Тогда же, когда твоя тетя предложила увести тебя. Если конечно ты не передумаешь сама.

Мне кажется, или отчаянье в его глазах?

– Я... передумаю?

Мне стало по-настоящему страшно.

Что же такое он хочет сказать мне? У него было такое лицо, словно вот сейчас он снова собирался прыгнуть с обрыва на камни.

– Ингрун хочет поговорить с тобой, Тиль, – сказал он тихо, но очень твердо. – Не бойся, просто поговорить. Сейчас или утром.

Все сжалось внутри.

– Это из-за того, что я ранила ее брата?

– Нет, Тиль. С этим и так все ясно. Не о нем, а обо мне. Не бойся, она ничего не сделает тебе, я буду рядом. Просто поговорить...

– О чем?

Мне казалось, земля уходит из-под ног. Я даже боялась представить.

– Думаю, будет лучше, если ты услышишь это от нее. Когда будешь готова.

– Сейчас, – сказала я.

* * *

Уже стемнело. Наверно, стоило бы подождать до завтра, до утра, но я не могла ждать.

Мы вместе шли через поля к морю. Эрнан держал меня за руку. Молчал.

Я молчала тоже.

Боялась спросить.

Я чувствовала, что он тоже волнуется, и это было так странно.

Помог мне спуститься вниз, к воде. На берегу никого не было, но Эрнан шел очень уверенно. Он точно знал, что делать.

Большая луна над морем освещала, словно днем.

– Ты знаешь, как позвать ее? – спросила я.

Кровь – я и сама знаю. Но никогда не пробовала сама. Да и кого мне было звать?

Эрнан кивнул.

Снял сапоги, подвернул штаны до колена, зашел в воду и, дождавшись волны, вымыл руки. Потом достал нож, провел по ладони. Я видела полосу на руке, набухающие капли. Он набрал в ладони немного воды, что-то тихо шепнул. Вода смешалась с кровью. Он наклонился, вылил в море.

Обернулся ко мне.

– Теперь только ждать.

Я передернула плечами. Ночная прохлада это или просто тревога?

Эрнан подошел ко мне, я снова взяла его за руку... мокрую от морской воды.

Когда он рядом – спокойнее.

– Помнишь, ты спрашивала, Тиль, умирал ли я? Был ли по ту сторону? – его голос был удивительно спокоен, и это пугало еще больше. – Помнишь? Выходит, что был. Или, по крайней мере, подошел очень близко.

Лунный свет и резкие тени на его лице, на мгновение мне показалось...

Нет...

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила я.

– Я действительно изменился, Тиль. Возможно, пока это не слишком заметно, но со временем... Лучше, если ты будешь знать.

Я немного сжала его руку.

– Ты боишься, что я испугаюсь и отвернусь от тебя?

– Боюсь, – он улыбнулся, но тут же снова стал невероятно серьезным. – Но еще больше боюсь, что ты останешься, потому что решишь, что это твой долг.

Я услышала всплеск волны за спиной, шаги по воде. Хотела обернуться, Эрнан задержал меня.

– Тиль, подожди. Сейчас ты ничего не должна решать. Просто

послушай. Хорошо?

Я кивнула.

– Ты привел ее, – услышала я голос. Высокий, звонкий и чистый, словно колокольчик. Певучий. – Подойди ко мне.

Ингрун стояла на самой границе мокрого песка, набегающие волны лизали ее босые ноги.

– Прости, что так поздно, – сказал Эрнан.

– Ничего. Иногда очень тяжело ждать утра. Ты не помешал мне. Подойди.

Он отпустил мою руку, шагнул к ней.

Ингрун казалась совсем маленькой рядом с ним, тоненькой, словно ребенок. Она подошла совсем близко, положила руки ему на плечи, почти вплотную, встав на цыпочки, что-то шепнула ему на ухо, закрыла глаза.

Я видела, как ее пальцы скользнули к его шее и назад, сомкнулись на затылке. Ингрун словно прислушивалась к чему-то, стараясь понять. Долго. Пальцы чуть подрагивали. Мне показалось, я вижу свет. Потом, не отрываясь, руки скользнули снова на плечи, на грудь, задержались у сердца. Свет... теперь я точно видела его, он пульсировал. Тук-тук, тук-тук. Потом руки спустились на живот и еще ниже.

Эрнан стоял неподвижно.

Ингрун кивнула чему-то своему, открыла глаза. Потом снова шепнула Эрнану, тихо, слов совсем не разобрать, словно шелест волны.

Он тоже что-то сказал ей.

Тогда Ингрун повернулась ко мне.

– Теперь ты, – сказала она. – Подойди.

Я едва смогла сделать шаг, не слушались ноги.

– Давно хотела поговорить с тобой, – сказала Ингрун. – Но все не было случая. Дай мне руку, принцесса.

Я собралась протянуть руку, но Эрнан остановил меня.

– Нет. Не прикасайся к ней. Ты обещала. Только поговорить.

Ингрун засмеялась, тряхнула длинными волосами, и волосы взвились, словно их подхватила волна.

– Ты боишься, что через нее я узнаю твои тайны? Ты так и не повзрослел, Нарин. Если я захочу, то узнаю все напрямую, от тебя. Не думай, что сможешь помешать, – она улыбалась. – У тебя не хватит сил противостоять мне.

– Просто поговорить, – сказал он.

– Хорошо. Я держу слово. Тогда отойди и подожди вон там, – она указала на камни у скалы. – Не волнуйся, я не утащу ее на дно.

Я видела, ему нужно было решиться. Даже Ингрун он не доверял полностью.

Я многого не знаю о нем.

Но все же Эрнан послушался. Ушел, сел на песок, поднял камешек, сжал в ладони.

– Ты боишься меня? – спросила Ингрун.

– Немного.

– Это правильно. Людям свойственно бояться того, что они не понимают. Но вы не понимаете даже свои собственные возможности. Бойтесь, поэтому не умеете пользоваться. Что ты знаешь о своем брате?

– О Хаддине?

Признаться, я ожидала совсем не этого. Я думала, она хочет рассказать мне об Эрнане. Или все это как-то связано?

– О Хаддине, – согласилась она, в ее глазах сияли крошечные искорки, словно звезды отражались в воде. – Ты знала, что Хаддин родился мертвым?

– Что?

– Не знала? Ты никогда не думала, почему он был таким? Жестоким, бездушным чудовищем? Ненасытным? Почему он убил Оуэна? Почему твой отец не хотел, чтобы Хаддин был наследником, но ничего не мог сделать? Ты знала, что Гаран не племянник тебе?

– Что?

Ингрун засмеялась снова. Знаю, я выгляжу очень глупо сейчас, но...

Я не понимаю.

Все это разом не укладывается в голове.

– Ты не знала, – сказала Ингрун. – Значит, предстоит долгий разговор. Присядь, так будет удобней.

Она опустилась на мокрый песок рядом со мной. Мне не оставалось ничего, как только последовать ее примеру.

– Твой отец, Майлог, очень любил твою мать. Не знаю, любила ли она его, для Энит это прежде всего был вопрос долга. Она хотела быть хорошей женой. Но проблема была в том, что Энит не могла родить ему детей. Раз за разом она беременела, но родить не могла. Хаддин был пятым, и Энит совсем отчаялась, она отходила почти полный срок и была уверена, что хоть теперь все закончится хорошо. Но не вышло. Она принесла ребенка ко мне, она уверяла, что он закричал при рождении, что он был жив, умоляла спасти его. Возможно, ей даже показалось, что это правда. Но я видела, что ребенок был мертв с самого начала, уже поздно. Энит плакала. Она была очень слаба, едва стояла на ногах, роды были тяжелыми. Я даже не

представляю, как она смогла добраться до берега с ребенком на руках, как нашла в себе силы. Она предлагала отдать все, что угодно, если я спасу его. Сделать все что угодно. Говорила, что если я не помогу, она умрет сама, не вынесет этого. И мне стало жаль ее. Я обещала помочь. Но взамен она обещала, что третьего своего сына отдаст Морю. Думаю, в тот момент она была уверена, что и второго не родит, что это пустое обещание. Однако слово было дано. Она безумно хотела принести Майлогу наследника.

– Третьего? – у меня все странно сжималось внутри. – Но третьей родилась я? Ведь так?

– Да, – Ингрун улыбнулась. – Нам нужен был мальчик, а не девочка. Но после рождения Оуэна твоя мать ужасно боялась. Она начала избегать твоего отца, пить специальные травы, чтобы не забеременеть вновь. Она не хотела никого отдавать. Думаю, все это и послужило причиной ее смерти. Не знаю подробностей, они никогда не интересовали меня. Но Хаддин вернулся к жизни. Я предупреждала Энит, что он станет чудовищем, но она не верила мне. Ей было все равно, она была слепа, как и любая мать, хотела вернуть сына любой ценой. Казалось, это возможно. Ребенком Хаддин был почти обычным, это не проявляется сразу. Но чем старше он становился, тем сильнее разрушалась его душа. Ты должна была видеть, как он меняется. Должна понимать.

Ингрун внимательно смотрела на меня.

Да, я видела, каким был Хаддин. Я почти боялась его. Он и ребенком был своеволен и жесток, а когда вырос... А еще труслив. Я помню его безумные глаза, помню, как он орал на меня. А когда Эрнан подошел к крепости, Хаддин пытался затащить меня в Небесный Чертог, едва ли не сам хотел убить меня, лишь бы я не досталась Эрнану. Он надеялся, моя смерть сможет его защитить. А может, надеялся продать меня подороже, выкупить свою жизнь. Сначала он боялся отца, а потом Маргед. Удивительно, но ей удавалось справляться с ним, рядом с ней Хаддин вел себя тише, по крайней мере так казалось со стороны. Возможно, Маргед что-то знала...

Я понимала, к чему клонит Ингрун, но не могла даже думать об этом.

Эрнан сказал, что тоже был там. Но ведь он совсем не такой! Нет!

...не проявляется сразу...

– Твой отец, думаю, все знал. По крайней мере, он хотел сделать наследником младшего сына, Оуэна. Ты знаешь, что Оуэна убил Хаддин?

Я неуверенно кивнула.

– О, так ты сомневаешься? – Ингрун удивилась, мне кажется, это позабавило ее. – Не сомневайся. Я видела, как это было. Это и многое

другое, что, возможно, скрывали от тебя. Видела глазами Эрнана. Я могу читать воспоминания. Когда я спасла его, он позволил мне увидеть все его глазами, он так хотел доказать свою невиновность. Теперь он пытается закрываться, – она усмехнулась. – Пусть пытается. Ты знаешь, что Хаддин питал к тебе совсем не братские чувства? Особенно после того, как застал вас с Эрнаном спящими в саду. Он хотел тебя. Ты была ребенком и, возможно, еще не правильно оценивала какие-то знаки и слова с его стороны. Но Эрнан и Оуэн оценивали правильно, они оба пытались защитить тебя. Оуэн собирался все рассказать отцу. Тогда Хаддин схватил Оуэна и заставил Эрнана стрелять в него, угрожая расправиться с тобой. «Стреляй, или уже сегодня ночью я покажу сестричке, на что я способен! Ей понравится!» И Эрнан выстрелил.

– Поверх головы, – шепнула я.

«Я стрелял в Оуэна, но стрелял поверх головы. Две стрелы поверх головы, в дерево. Его убил не я».

Это не укладывалось в голове.

– Да, поверх головы, – сказала Ингрун. – Потом Эрнан сказал, что очень жалеет, что не всадил первую же стрелу Хаддину в лоб. Испугался. Не смог убить человека, даже такого, как Хаддин. Это не так просто в первый раз. И пожалел. Потому что Хаддин вытащил стрелы из дерева и воткнул Оуэну в глаза. Оуэн пытался бороться, но не смог справиться. Хаддин почти совсем не чувствовал боли, не чувствовал усталости, вообще ничего. Он был плохим воином, потому что не мог сосредоточиться на чем-то одном, да и страх захлестывал все. Но силы у Хаддина было много. А что было дальше, ты знаешь.

– Отец знал...

– Думаю, да. Сложно было не догадаться.

И предпочел обвинить мальчика-пленника, а не собственного сына. Обвинить Хаддина значило бы – лишиться наследника совсем. Да и признать перед всеми, что твой сын способен на такое... И даже оружейник Уаткин умер не просто так.

Невозможно...

Хаддин изменился потом, стал таким тихим-тихим. Думаю, отец нашел способ надавить на него. Запугать.

«Ты просто глупая девочка, – говорил Хаддин. – Ты очень красивая и очень глупая девочка, не понимаешь, из-за чего мужчины могут убивать друг друга. Это все из-за тебя! Потому что ты ведешь себя так, как не подобает вести приличной девочке».

Из-за меня. На самом деле.

Если бы Эрнан выстрелил в Хаддина, все могло бы сложиться иначе. Страшно думать об этом, но я предпочла бы, чтобы в живых остался другой брат.

Ингрун вдруг отвернулась, мне показалось, на ее щеке сверкнула слеза.

– Я не могу осуждать тебя за то, что ты ранила Исара, – сказала она. – Ты защищала человека, который тебе дорог. Я понимаю. Я не питаю к тебе добрых чувств, но и винить не могу. Я знаю, как это бывает. Однажды такое было и со мной...

Ингрун замолчала, потом вздохнула, повернулась ко мне.

– Я не хочу говорить об этом. Просто хочу, чтобы ты знала – я не виню тебя. Иногда, проявив слабость, мы становимся причиной других, еще больших жертв, – Ингрун качнула головой. – Ты знаешь, что у Хаддина не могло быть детей?

– Нет.

Я просто глупая девочка. Я не знала ничего.

– Хаддин был мертв, – сказала Ингрун. – И это зашло слишком далеко. Мертвое не может породить жизнь. Его первая жена, Ллейшон, не могла родить ему детей не потому, что с ней было что-то не так. А потому, что было не так с Хаддином. Гаран не его сын.

– А чей?

– Не могу сказать наверняка. Думаю, Гаран твой брат. Вряд ли Майлог допустил бы, чтобы Маргед родила от кого-то постороннего. Он знал правду. Твой брат – наследник, так или иначе, это было бы наилучшим решением. Если бы Майлог прожил дольше, возможно, Хаддин вообще не стал бы королем. Третий сын. Возможно, Майлог отказывался жениться второй раз, опасаясь, что мы потребуем его третьего сына себе. А так все знают, что это сын Хаддина.

Ходили слухи, что мой отец умер не своей смертью. Я уже не удивлюсь ничему. Впрочем, это больше не имеет значения.

– А теперь я хочу спросить главное. Обернись, – в глазах Ингрун сверкнули ночные звезды, словно слезы. Она кивнула в сторону Эрнана, сидящего на камнях. – Скажи, правда ли этот человек дорог тебе?

– Да, – сказала я, не сомневаясь.

– Я хочу, чтобы ты поняла все правильно, Луцилия. Может случиться, что со временем Эрнан станет таким же, как твой брат. Может случиться так, что у вас не будет детей. И тебе с ним будет тяжело. Он любит тебя, но даже это может уйти, останется лишь желание обладать тобой, как вещью. Ты должна знать это заранее.

– Может случиться? А может, и нет?

Эрнан старательно смотрел в сторону, пересыпая песок из одной ладони в другую. Он ведь тоже все это понимает. И чувствует куда лучше меня, ему никуда от этого не деться. Я могу передумать и уйти, а он нет.

Каково жить с этим?

– Может, и нет, – сказала Ингрун. – Сейчас невозможно сказать. Пока я не вижу серьезных изменений в нем. Они есть, но время может все сгладить. Это не зашло слишком далеко. Пока. Но все же, когда я расставалась с ним шесть лет назад, он был еще мальчишкой, и этих изменений не было совсем. Он едва успел заглянуть в колодец Темного, по ту сторону, я вытащила его сразу. Тогда я думала, что он будет жить как жил, словно ничего не случилось. Но когда я увидела его снова, после того, как он вернулся сюда с армией, я поняла, что изменения есть. Во многом здесь виновата война. Те раны, которые он получил в бою. Какие-то из них могли бы быть смертельными. Ты же видела шрамы? Могли бы быть, но не стали. Ты слышала, о нем говорили, что он неуязвим? Это отчасти правда. Когда возвращаешь душу в тело, приходится... как бы это лучше сказать? Приходится привязывать ее. Даже если сделать это сразу, все равно остаются узелки. Связь становится крепче, душе не так просто оторваться и улететь. Но если разрушается тело, то разрушается и душа. Человек меняется.

Мне сложно было все это осознать.

– Его нельзя убить? Совсем? Даже без кольца?

– Нет, – Ингрун улыбнулась. – Можно, конечно. Любая серьезная рана убьет его, как и любого другого. Душа оторвется и улетит в Табер, как бы крепко не привязывали ее. Но у него всегда гораздо больше шансов выжить, побороться за свою жизнь.

– Но разве это плохо?

– Это сохраняет тело, но убивает душу. Нельзя получить все сразу. Он меняется. Сначала незаметно. Но это накапливается, словно снежный ком. Все больше и быстрее, и однажды уже не остановить, – Ингрун нахмурилась, вздохнула. – Когда он прыгнул с обрыва к тебе... Без всего этого, даже с печатью Таррена на пальце, он бы умер. Кольцо не способно защитить от такого удара, его сила не так уж велика.

– От яда и от ножа в спину, – тихо сказала я. – Но хороший удар может переломать кости.

– Да. Ты знаешь сама. Конечно, я немного помогла Эрнану, иначе сейчас бы он не смог стоять на ногах. Но все это лишь приближает тот момент, после которого назад уже не вернуться.

– А он знает об этом?

– Конечно. Я с самого начала объяснила ему. И напоминала снова, когда он собирался драться с морскими демонами. Я пыталась сказать ему, что никакая дань не стоит того. Но он не слушал.

– Он и не станет слушать, – сказала я.

Ингрун грустно улыбнулась.

– Не станет. Но тебе нужно решить, сможешь ли ты оставаться с ним рядом. Зная все. Он сам все про себя знает. Он сказал, что не станет держать тебя, если ты решишь уйти. Но он любит тебя. И, возможно, эта любовь сможет его спасти. Можешь не говорить мне ничего, просто реши для себя сама.

* * *

Я подошла к нему, встала рядом.

Он поднялся.

Молча.

Глядя мне в глаза, словно ожидая приговора.

– Она сказала, ты чудовище, Нарин, – я протянула руку, сначала чуть коснулась его плеча, потом подалась вперед и прижалась к нему, щекою к груди. – Наверно, она права. Но меня так просто чудовищами не напугать. Я видала и похуже тебя.

– Куда уж хуже? – он усмехнулся.

– И не спрашивай. Пойдем лучше домой? Хорошо?

Я обняла его. Подняла глаза.

Он счастливо улыбался мне.

И ничего больше не надо.

Глава 19

Я так и проснулась на его плече. Приоткрыла глаза, стараясь не двигаться лишней раз, чтобы не будить его. Он спал, лежа на спине, чуть повернув ко мне голову, обнимая меня одной рукой. Глубоко и ровно дышал во сне.

Раннее утро, солнце едва встало, можно еще спать и спать.

Не спалось.

Мы вернулись вчера так поздно. Почти не разговаривали. Я не знала, что сказать. Мне нужно было все обдумать, принять. Я не сомневалась в своем решении, просто нужно понять, как дальше со всем этим быть. Эрнан ничего не говорил, не мешал мне.

Он проводил меня до моей спальни, и мы долго стояли у двери, обнявшись. Молча.

Я думала, он сейчас уйдет.

Но он так и не ушел.

Он держал меня за талию, чуть поглаживая большими пальцами живот, потом притянул к себе, прижав крепко. Поцеловал. Так жадно, словно в последний раз. Я чувствовала его всем телом. Его тепло.

Огонь в его глазах.

Жизнь...

Он протянул руку, открыл дверь.

И я шагнула внутрь, чуть увлекая его за собой.

И он легко подхватил меня на руки. И отпустил только в глубине комнаты, рядом с кроватью. Расстегнул застёжку на моем платье, оно упало к ногам. Снова поцеловал меня, потом в шею, плечи... его губы обжигали кожу, и так сладко ныло где-то внизу живота.

И сбивалось дыхание.

Я стащила с него рубашку.

Смерти нет. Совсем. Я никогда еще не чувствовала себя такой живой. Такой желанной. Никогда сама еще не чувствовала такое возбуждение. Без смущения, без осторожности, без всякой неуверенности в себе. Это вдруг пришло и накрыло само.

Даже не любовь – страсть. Жажда жизни. Вот здесь и сейчас. Я хотела его всего.

Он мой. И я никому его не отдам. Тем более смерти. Никогда. Мы оба

будем жить вечно, у нас будут дети и внуки...

Мне кажется, я кричала, но мне было так хорошо...

А потом мы лежали обнявшись. Тихо. Звезды поблескивали за окном.

Я разглядывала шрамы на его груди, на плечах, осторожно водила по ним пальцем. А он рассказывал, как эти шрамы получил, разные истории, правдивые или не очень, мне было все равно. Мне просто нравилось слушать его голос. Нравилось прикасаться к нему. Нравилось, как он обнимает меня, водит ладонью по моей спине. Нравилось, как колетса его подбородок, когда он целует меня.

Такая блаженная расслабленность и покой.

А потом я уснула.

Солнце едва встало.

Он сначала чуть улыбнулся и только потом открыл глаза.

– Не спишь?

– Нет, – тихо сказала я. – Не спится. Я тебя разбудила?

– Я тоже уже не спал.

– Притворялся?

– Да. Думал, ты еще уснешь. Не хотел мешать.

Я легонько толкнула его в бок.

– Ты снова обманывал меня?

– Почему снова? Хочешь, я расскажу тебе какую-нибудь страшную правду. На ушко?

Он смеялся надо мной.

Потянулся, легонько прихватил мое ухо губами.

– Вот уж не надо! – запротестовала я. – Я уже вчера столько правды выслушала, что сил нет. Надо сначала с этим разобраться.

– Ингрун напугала тебя? – он все еще улыбался, легко и беззаботно.

– Да, немного. Открыла мне глаза. На тебя и на Хаддина.

– А про Хаддина ты не знала?

– Нет, – я закусила губу, прижалась к нему щекой. – С тобой такого никогда не случится.

Скорее почувствовала, чем услышала, как он вздохнул.

– Посмотрим...

– Нет, Нарин! – горячо начала я. – Ингрун сказала, что это еще ничего не значит. Что пока все хорошо, и, может быть, ничего не случится. Время все сгладит. Все будет хорошо, вот увидишь. Нужно только быть осторожнее, отдыхать больше, восстановить силы. Не делать глупостей...

– Не делать глупостей?

Теперь он вздохнул уже совершенно отчетливо.
Аккуратно вытащил руку из-под моей головы, сел.
Я хотела еще сказать ему... но слова застряли в горле. Не будет он осторожнее. Если я буду настаивать, то могу потерять его.
Он смотрел на меня. Сожаление в его глазах.
И вдруг...
– Вот, возьми, – снял с пальца кольцо и протянул мне. – Пусть оно будет у тебя.
– Почему?
Я так растерялась, не могла понять.
– На всякий случай. Чтобы я больше рассчитывал на собственные силы. Печать у меня есть еще, обычная, без всякой защиты. А это не надо, – он улыбнулся, и эта улыбка немного напугала меня. – Если вдруг почувствуешь, что из меня начинает лезть страшное чудовище, скажи сразу. Хорошо?
– И что потом? Если это случится? Пристрелить тебя?
Он засмеялся. Поцеловал меня в лоб.
– Вот именно, – сказал весело. – Без кольца пристрелить проще.
Потом вылез из кровати, пошел одеваться.
А я так и осталась с кольцом, зажатым в руке.

* * *

Кольцо я долго крутила в руках, то собираясь надеть, то снова не решаясь.
Не просто кольцо – в нем сила.
И не только. Символ власти. Печать Таррена.
Оно оказалось большое, не на женскую руку, легко свалится с пальца.
Надеть? Или просто убрать куда-нибудь подальше? Но я, пожалуй, не могла бы придумать места, куда я могла бы надежно спрятать.
Надеть?
Но стоило только кольцу коснуться пальца, как оно тут же сжалось по размеру. Я даже вскрикнула от неожиданности. Тряхнула рукой, невольно пытаюсь сбросить его с пальца. Но кольцо сидело плотно. Я попыталась снять. Оно снималось легко. Но не сваливалось.
Немного тяжелое, но я, пожалуй, привыкну. Лучше держать его при себе, чем прятать.

Чуть позже я наблюдала из окна галереи, как лорд Коррин действительно собирается домой. Надеюсь, он больше не вернется.

Хотя вернется, конечно.

Тут дело даже не во мне или Эйрем лично, просто Коррин один из крупнейших лордов Таррена. Деньги, власть, пересечение интересов – он всегда будет поблизости. С ним придется вести дела, так или иначе. И мне в том числе. Интересы государства. Не нужно бояться этого, нужно понимать.

Я даже спустилась вниз, попрощаться лично.

Эрнан разговаривал с лордом чуть в стороне, я не стала мешать.

Эйрем как раз садилась в экипаж. Увидев меня, она заметно смутилась, отвернулась даже, почти пытаясь спрятаться. Но быстро взяла себя в руки. Подошла сама.

– Ваше высочество... – она изящно поклонилась. Ее щеки горели румянцем. Она так прекрасна, надо отдать должное. Совсем юная, даже моложе меня. Но, вместе со смущением в ней явно читались сила и гордость. Дочь лорда.

– Вы уже уезжаете, леди Эйрем? Мы так и не познакомились с вами, – сказала я.

– Думаю, у нас еще будет такая возможность, ваше высочество.

Надеюсь, что нет.

– Вам понравилось у нас, леди Эйрем?

Мне хотелось, чтобы она рассказала. Про охоту и про обед после. Что там было? Я не решусь спрашивать у Эрнана, но у нее...

– Я впервые увидела море, ваше высочество, оно так прекрасно. Я очень рада, что смогла побывать здесь, познакомиться с удивительными людьми.

С такими, как Эрнан?

Ревность.

Зачем я это делаю? Может быть, стоило не подходить вовсе?

– Как вам охота? Дома вы тоже охотитесь с отцом?

– Нет, я...

Эйрем чуть нахмурилась, мне показалось, она не очень поняла... Оглянулась. Ее отец вместе с Эрнаном уже шел сюда.

– Моя дочь не была на охоте, ваше высочество, – сказал он. – Это не женское дело. Но она ждала нас на дороге к замку. Вышла встречать. А вы,

я слышал, тоже неплохо провели тот день? Ездили на прогулку в компании верного рыцаря?

Лицо лорда было совершенно непроницаемо, никаких эмоций, только факты.

Еще немного, и провалюсь сквозь землю. Не то чтобы я хотела это скрыть, и так все видели. Но мне не хотелось слышать подобное от него. Это звучало так, словно...

– Не скучать же в одиночестве, – ляпнула я и прикусила язык. Лучше помолчать. Если оправдываться – будет еще хуже.

– Безусловно, ваше высочество, – он чуть склонил голову.

Эрнан подошел, чуть дотронулся до моей руки. Лорд Коррин чуть наклонил голову, так внимательно... И я вдруг поняла, куда он смотрит. Кольцо было у меня. Он поймал мой взгляд, чуть поднял бровь, наверняка сделав какие-то свои выводы.

Что мне сказать?

– Доброй дороги, лорд Коррин, – Эрнан пришел мне на помощь. – Мы будем ждать вас в скором времени, на нашу свадьбу.

– Да, ваше величество.

Он уже собирался идти, но задержался, галантно улыбнулся мне.

– Ваше высочество, можно сказать вам два слова?

Я вздрогнула внутренне, кажется, даже немного покраснела, но все же шагнула к нему. Лорд Коррин наклонился к моему уху.

– Если начнете скучать, когда король уедет в Гилтас, на войну, скажите лучше мне. Я развлеку вас лучше любого рыцаря.

Я настолько не ожидала подобного, что застыла на месте, даже не найдя что сказать. А лорд Коррин уже направился к лошади широким шагом, мне не догнать.

– В Гилтас? На войну? – у меня дрогнул голос.

Эрнан чуть заметно скрипнул зубами. Раздражение?

– Не переживай, Тиль, пока еще ничего нельзя сказать наверняка.

Он проводил лорда Коррина и сам уехал в город по делам.

Я осталась.

Вернулась к себе.

* * *

– Луцилия... – Флир начала осторожно и как-то неуверенно. – Тот

рыцарь, Дэрин, к которому ты посылала меня. Ты знаешь, я видела, как только что гвардейцы подошли к нему, отобрали оружие, скрутили руки и увели куда-то. Я подумала, ты захочешь знать.

– Хорошо.

Ничего хорошего Дэрина не ждет, я прекрасно понимала, но сочувствовать никак не могла.

Думаю, Эрнан захочет узнать, кто стоит за ним, кто придумал всю эту историю.

– Неужели тебе все равно? – удивилась Флир.

Я попыталась прислушаться к своим чувствам.

Пожалуй. Все равно.

– А почему тебя это волнует? – спросила я.

– Мне кажется, он говорит правду, Луцилия. Зачем ему лгать?

«Она рассказывала мне, что король утверждает, будто принц Гаран жив, но только это большая тайна, никто не должен знать об этом. И на костре сгорел другой мальчик».

Очень хотелось спросить Флир прямо. Знает ли она? Но...

Я понимала, почему Эрнан не хочет говорить мне лишнего. Чтобы я не могла разболтать. Меня так и тянет.

Я очень хочу верить.

* * *

Он не пришел вечером, и я сама не решилась идти к нему.

Слишком занят?

Спустилась в сад... Посмотреть, горит ли в его окнах свет.

Нет, темно.

Вряд ли он уже спит, Эрнан поздно ложится.

Поздно ложится, рано встает. Я вообще не представляю, как можно спать так мало, меня бы и на неделю не хватило. Демон, не знающий усталости. Иногда мне становилось страшно.

А сейчас мне очень не хватало его. Словно какая-то пустота. Я сидела на скамейке в саду, смотрела на его окна, слушала треск цикад.

Еще немного.

Если увижу свет – поднимусь, пожалуй, к нему. Если нет...

– Тиль?

Он подошел откуда-то сзади. Со стороны... Покойницкой башни?

– Еще не спишь? – устало спросил он.

– Еще нет. А ты? Много дел, да?

Он кивнул.

Я поднялась на ноги, стояла совсем рядом. От него отчетливо пахло гарью... а еще железом и кровью. Под Покойницкой башней подземелья, тюрьмы.

Собралась было спросить, что за дела у него, но передумала.

Не сейчас.

Ужасно хотелось обнять его, но так сразу я отчего-то не решалась.

– Уже совсем ночь... – сказала я.

Его губы чуть дрогнули, но улыбки не вышло.

– Да. Пойдем, Тиль?

* * *

А следующим утром я увидела голову Дэрина на стене.

Глава 20

Платье было кипенно-белым.

Совсем таким же, но без ленты.

Портниха поглядывала на меня с опаской.

– Что это значит? – спросила я.

– Вам не нравится, ваше величество?

Я еще не королева, до свадьбы два дня, но она старалась заранее. Меня это слегка раздражало, но в целом было все равно, пусть называет как хочет, не стоит придирается к мелочам.

– Мне нравится. Но раньше была красная лента, а теперь нет. Я бы хотела знать почему?

– Король велел убрать, ваше величество.

Она глядела на меня почти испуганно.

– Верни. С лентой мне нравилось больше.

– Но, ваше величество... Вы же понимаете, что это значит?

– Понимаю. Именно поэтому хочу вернуть. Так будет правильнее.

Глаза портнихи стали какие-то круглые и чуть влажные. Она боялась нарушить приказ короля, но и королеве тоже перечить не хотела. У меня тоже есть власть, я просто не пользовалась никогда.

– Кто-то может неправильно понять, ваше величество, – попыталась она.

– Пусть понимают, как хотят, – сказала я. – С королем я поговорю сама, не переживай.

– Да, ваше величество...

Мне казалось, так будет правильнее. Особенно после того, как я уже, в самом начале, видела красную ленту на своем платье. Поздно переигрывать. На самом деле, правила допускали оба варианта, хоть и официально признавался только один. Но ведь до встречи с Эрнаном я была невинна, и никого кроме него у меня не было. Только он. У меня было право на белое платье, никто бы не осудил меня. Но теперь уже я сама не хотела. Слишком много всего.

Я хочу выйти к нему как взрослая женщина. Имеющая право на свое мнение, свои взгляды, свое решение. Не девочка.

Да, я не маленькая девочка, которую отец ведет к алтарю... которая с трепетом ждет первой ночи. Стать его женой – мое решение, а не решение моего отца. Я люблю его, хорошо его знаю, и он уже мой. Я засыпала и

просыпалась с ним рядом. Эта церемония ничего не изменит. Она всего лишь сделает меня королевой. Но между нами не изменит ничего.

Я останусь королевой, когда он уедет.

Проблемы с Гилтасом, как и говорил лорд Коррин. Гилтас собирается вернуть Восточный Улар, наверняка не без помощи Тааракара. Недавно убит наместник, волнения в городах и задержка дани. Эрнан уже отправил туда войска и теперь собирается поехать сам. Сразу после свадьбы.

Я пыталась поговорить с ним. Пыталась убедить не ехать, отправить своих людей. Того же Лохана, например, он проявил себя как отличный командир.

Или, по крайней мере, быть осторожным и не лезть в самую гущу.

Король ведь не обязан участвовать в боях. Он должен только руководить.

Эрнан не станет стоять в стороне. Он всю жизнь воевал с мечом в руках, а не наблюдая с вершины холма.

Я пыталась говорить с ним. Пыталась умолять, плакать. Пыталась даже ругаться с ним. Но что толку.

Только хуже.

Я боюсь за него. Но выхода все равно нет, придется смириться.

Я боюсь расставания.

Он тренируется во дворе. Каждый день, по несколько часов. Дерется. Его соперники меняются, они долго не выдерживают такой темп, устают. А он словно не чувствует усталости вовсе. Так яростно, словно в одиночку собирается порубить в труху весь Тааракар.

Он говорит – это только начало. Улар или Эрт, они не остановятся.

Его спина блестит от пота.

Он похудел за последнее время, осунулся. Не сильно, но заметно все равно. И словно повзрослел на несколько лет. Даже после взятия Небесной Нит он еще выглядел мальчишкой. Теперь – нет.

Все уже готово к свадьбе. Гости собрались, замок полон знатных господ, город кипит. Все решено и сомнений быть не может.

А мне отчего-то страшно.

Он лежит на спине, глядя в потолок.

За окном по мраморному парапету балкона стучит дождь. Говорят, дождь на свадьбу – это хорошая примета. Дождь – это плодородие, у нас будет много детей.

Тучи заволокли небо, и не видно звезд.

Вообще-то, мне нельзя здесь находиться. В ночь перед свадьбой... хотя бы в эту ночь я должна спать у себя. Но я с ним. У нас все не так, как должно быть. Мне все равно, что подумают.

Я положила голову ему на плечо, обнимая его. На груди широкая свежая царапина, оставленная чьим-то мечом. Ничего страшного, просто царапина, возможно, даже следа не останется. Чуть ниже – еще, старая.

Он здесь и в то же время где-то не со мной.

– О чем ты думаешь? – тихо говорю я.

Он не замечает.

– Нарин? – зову я.

Он чуть пожимает плечами.

– О разном, – говорит чуть отстраненно.

– Нам осталось совсем немного времени. Ты уедешь. Как мне быть без тебя?

– Ты справишься, Тиль. Ты изменилась за последнее время, теперь у тебя все получится. Ты сильная. Я оставлю тебе Лохана, я оставлю тебе лорда Джерата, они помогут тебе.

Я качаю головой. Что мне все эти лорды?

– Как *мне* быть без тебя?

Он поворачивается ко мне, его губы трогает легкая улыбка, не веселая.

– Я вернусь, Тиль.

– Мне страшно.

Он вздыхает сквозь зубы. Его мышцы чуть напрягаются, словно он собирается встать. Но он пока остается со мной.

– Не бойся, – говорит он. – Просто жди меня.

– Давай, я верну кольцо? Оно поможет тебе. Хоть немного.

– Я столько лет сражался без всяких колец. Не нужно, Тиль.

– Я буду молиться Небесной Матери за тебя. Каждое утро.

– Это правильно, – говорит он. – Молись.

– Нарин...

Он поворачивается, ложится на бок, глядя на меня. Вытаскивает руку из-под моей головы. Его глаза смотрят почти сурово.

– Нарин... – я не знаю, что сказать, на глаза наворачиваются слезы.

– Хватит, Тиль, – он садится. – Хватит об этом. Я не мальчик, и ты не

курица, чтобы пытаться спрятать меня под крыло. И не моя мать. Иногда мне кажется, не стоило слушать Ингун, не рассказывать все. Возможно, это было бы несправедливо к тебе. Но было бы проще. Тиль... Я не могу видеть жалость в твоих глазах. Даже когда ты ненавидела меня, было лучше. Когда ты ненавидела, я думал, что смогу с этим справиться. А теперь, когда начинаешь жалеть – я справиться не могу.

Слезы собираются и текут по моим щекам.

– Я... – голос садится вдруг, я ничего не могу сказать.

Он зажмуривается на мгновение.

Потом вдруг порывисто обнимает меня, горячо целует в губы.

– Я люблю тебя, Тиль. Очень люблю. Но сейчас больше всего хочется от тебя сбежать.

Он поднимается на ноги, выходит на балкон, под дождь. Холодные капли воды бьют в лицо.

Я тоже встаю. Подбираю платье...

* * *

Лысый жрец Небесной Матери торжественно бубнит нужные слова.

Мы стоим напротив друг друга, совсем рядом, стоит лишь руку протянуть.

Эрнан смотрит мне в глаза. И я никак не могу понять, чего больше в его взгляде... Сожаление? Любовь? Раскаяние? Тревога? Безразличие? Нет – все не то.

На мне платье с красной лентой. Он даже не спросил почему.

Он вообще ничего не сказал мне, так и стоял, глядя молча. Совсем ничего.

Это пугает меня.

Нервная дрожь.

Почему он так на меня смотрит?

Вокруг столько людей...

Взгляд скользит по их лицам, почти не замечая. Храм полон людьми. Все они пришли посмотреть, поздравить, порадоваться за нас или просто развлечься.

На мгновение мой взгляд задерживается, словно цепляясь. Я еще плохо понимаю, но... Женщина, светлые пшеничные волосы, голубые глаза, высокая, стройная... она одета как богатая горожанка, здесь много таких в задних рядах. Она смотрит на меня, и на мгновение мне кажется...

Нет, только на мгновение. Взгляд скользит дальше, я не вижу ее. Мне показалось? Маргед. Нет, конечно...

Здесь столько людей.

Голова идет кругом.

Меня поздравляли с самого утра, говорили, как они рады и как я, должно быть, счастлива. Мне сочувствовали. Мне говорили столько разных слов.

Я смотрю в его глаза. Серые, словно осеннее небо.

– Да, клянусь, – вдруг говорит он.

Я вздрагиваю. Это первые слова от него, которые я слышу сегодня. В первое мгновение даже не понимаю, о чем он, слишком глубоко я погрузилась в себя. И только потом... Жрец задал вопрос. Он согласен. Он клянется быть мне верным и хорошим мужем, что бы ни случилось с нами, до самой смерти.

Я пытаюсь собраться из всех сил.

– Луцилия из рода Айн, принцесса Таррена, клянешься ли ты... – Я почти не слышу, слова превращаются в звон.

Если я скажу «нет»? Что будет?

– Да, – говорю покорно. – Я клянусь.

Вот и все.

Потом Эрнан делает шаг вперед, берет меня за руку. Касается губами моих губ.

Зябкое осеннее небо в его глазах.

– Сегодня ночью я наговорил много лишнего, – едва слышно говорит он. – Я не должен был...

– Слишком много, – говорю я.

За спиной гремит музыка.

Потом снова будут поздравления и пир.

И я буду сидеть рядом. Тихо. Молча. И снова, как и в первый раз, кусок не будет лезть в горло. Буду сидеть, не в силах поднять глаза. Слушать и вежливо улыбаться. А Эрнан будет смеяться и что-то весело говорить гостям. Он будет много пить, но мне все время будет казаться, что в его кубке снова подкрашенная вода, а не вино. Потому что стоит только заглянуть в его глаза...

– Тиль...

Мы одни. Все закончилось.

Он стоит рядом, положив руки мне на плечи. Мне хочется отвернуться.

Я... ничего не хочу.

– Я дурак, да? – говорит он.

Я молчу. Но да. Или даже еще хуже.

И вдруг внутри словно поднимается волна. Все, что накопилось за день. Все, что я держала в себе, тихо и молча. Я ведь ждала этого дня, но сейчас...

– Да, – говорю я. – Дурак. Бесчувственная скотина. Нашел что говорить девушке перед свадьбой!

В его глазах что-то меняется, мне даже кажется, улыбка в уголках губ. Не очень-то веселая, но улыбка.

И моя волна гнева закипает пеной.

– Тебе стоило согласиться на предложение лорда Коррина жениться на его дочери! Она бы не стала тебя жалеть. Ты ей не нужен, ей нужна только власть. И даже не ей – ее отцу. С ней тебе было бы проще!

– Возможно, – говорит он, чуть сощутив глаза.

Волна!

– Конечно! С ней никаких проблем! С ней можно поразвлечься в свое удовольствие, а потом вернуть отцу. Как Хаддин вернул Ллейшон! Нет наследника, нет королевы! Или ты испугался, что лорд Коррин тоже все узнает про тебя? Он поймет!

Я вижу, что это задевает его. Сильно. Но уже не могу остановиться. Да и не хочу.

Хочу высказать все!

– Может, меня ты тоже скоро вернешь? Выставишь за дверь? А? Еще не поздно!

– Только если ты сама захочешь, – говорит он и поджигает губы.

– Если захочу?! – что-то срывается, я хватаю подвернувшуюся под руку табуретку и со всего размаха...

Нет, он, конечно, уворачивается, и я чуть не падаю, потеряв равновесие.

– Осторожней, – говорит он.

И вот тут мне хочется его убить.

Я замахиwaюсь снова. И удар приходится по изящной вазе с цветами, что стоит на столике. Ваза падает и со звоном разлетается на осколки. Брызги воды во все стороны.

Ну и пусть!

– Тебе больше нравится, когда я ненавижу тебя?! – Мне хочется плакать и убить его одновременно.

Я не могу его достать, конечно. Он быстрее. Если даже демонам с ним

не справиться, то куда уж мне, не зря он тренируется целыми днями.

Сейчас я разнесу тут все!

Мне все равно.

– Боишься! – кричу я. – Я все равно достану тебя! Не успокоюсь, пока не достану!

Он отходит назад.

– Лучше было не слушать Ингрун и продолжать врать мне?! Да? – кричу я. – И потом врать всю жизнь? Что еще ты от меня скрываешь?!

– Ничего, Тиль.

Табуретка с грохотом ломается о стену, теперь у нее две с половиной ножки вместо четырех.

У меня болят руки.

– Ничего?! Я не верю! Хватит уворачиваться!

Я размахиваюсь.

И он вдруг стоит не двигаясь, не пытаясь пригнуться или хотя бы закрыться от меня. И остатки табуретки ломаются теперь уже об него. Острый обломок ножки рвет рубашку, выступает кровь.

Паника.

Я никак не ожидала такого. Я была уверена, что никогда не смогу по нему попасть.

Он стоит, глядя мне в глаза.

– Нет... – я роняю то, что осталось у меня в руках, подгибаются ноги. – Больно, да? Я не хотела...

Он ухмыляется.

– Все? Успокоилась?

Нет. Никакой жалости.

– Да иди ты, бездну! – с чувством говорю я.

С меня хватит.

Плевать.

Поворачиваюсь и иду прочь.

И уже где-то на пороге, обернувшись, я вижу, как он сидит у стены, стиснув зубы, зажав раненое плечо ладонью, и под пальцами кровь. Больно...

Ничего, он переживет.

Мне стыдно и ужасно нехорошо, но я не могу...

Я ухожу к себе.

Ухожу. Одна. В нашу первую брачную ночь. Смешно. Мы столько раз спали вместе, но теперь...

Мне плевать, что подумают, что скажут. Я не девочка. То, что должно было случиться сегодня – уже случилось, и не раз. Наша свадьба – формальность.

Мне плевать!

Кто-то плачет в моей комнате. Громко, навзрыд.

Я захожу.

Плач замолкает. Меня услышали? Только короткие, едва сдерживаемые всхлипы.

Флир.

Она сидит на моей кровати, все лицо в слезах. Это она рыдала тут, уткнувшись в подушку, в одиночестве. Удивление в ее глазах и почти ужас. Флир никак не думала увидеть меня, я не должна была прийти.

Мне все равно. Сейчас не до ее проблем.

– Приготовь мне постель, – сухо говорю я, словно горничной. – А потом можешь идти.

Глава 21

Парадных доспехов у него не было.

Да и вообще, то, что у него было, скорее подходило небогатому наемнику, чем королю. Ни один уважающий себя рыцарь не стал бы выезжать в таком виде на замковую площадь. Но Эрнана это ничуть не смущало. Доспехи были крепкие, надежные, хорошо подогнанные, хоть и собранные из разных частей. Он говорил, что привык, ему так удобно, а красота его не заботила вовсе.

Он стоял на ступенях.

Войско за стенами Нит уже собралось. Еще немного, он запрыгнет в седло и...

У него здоровенная ссадина на скуле. Это я своей табуреткой, прошло всего три дня. Так мало времени у нас. Совсем нет времени. Еще бы немного, и все бы улеглось, но пока...

Мы не разговаривали эти три дня. Совсем.

И теперь мне страшно.

Нельзя отпускать его так.

Я не спала всю ночь, пыталась, но не могла уснуть. А под утро задремала в кресле на балконе, сама не заметив как. И едва не проспала. Никто не разбудил меня.

Еще немного, и он уехал бы не попрощавшись.

Но пока он стоял.

Я бежала со всех ног, едва успев одеться, толком не умывшись, не расчесав волосы, растрепанная, с красными от ночных слез глазами.

Боялась не успеть.

Он ждал.

Он мог бы зайти ко мне сам. Но он стоял здесь, ожидая, пока я, наконец, проснусь.

Не зная, приду ли я вообще.

Я едва не полетела с лестницы в спешке, едва не споткнулась. Видела, как он дернулся, уже готовясь меня поймать. Но я устояла.

Спустилась.

Остановилась в двух шагах от него. Два шага разделяли нас, две ступени. Я стояла, глядя на него почти сверху вниз.

Тяжело дышала от быстрого бега, сердце колотилось как бешеное, горели щеки.

Он улыбнулся, глядя на меня.

– Рад, что ты пришла.

– Как я могла не прийти?

Он пожал плечами.

– Я обидел тебя. Вдруг ты решила не прощаться совсем? Не захотела видеть?

И снова слезы. Я и так рыдаю третий день.

– Я хочу видеть. Хочу, чтобы ты поскорее вернулся.

– Скоро не выйдет, до Гилтаса только месяц пути.

– Все равно. Я буду ждать.

Он сам поднялся на эти две ступеньки. Осторожно стер слезы с моих глаз большим пальцем.

– Не плачь, – тихо сказал он. – Все будет хорошо.

Я обняла его. Стальная кираса мешала, было неудобно. Я зажмурилась, дотянулась, прижалась щекой к его щеке. Словно в тот самый первый день, когда я чуть не прыгнула в окно, а он поймал меня. Когда мы лежали на полу, вцепившись друг в друга. И сейчас... Словно он самый близкий и родной человек на всей земле. Единственный. Если бы он не успел тогда, если бы я разбилась...

– Я буду молиться Небесной Матери каждое утро.

Он кивнул.

– Я люблю тебя, Тиль.

Я видела, как подошел Арек, встал рядом, за спиной. Пора?

Доспехи на нем были новенькие, золоченые, сияющие на солнце, украшенные эмалевым гербом. Арек весело ухмылялся, словно предстоящий поход казался развлечением ему. Да, может, и казался, он еще так молод, будущие подвиги и слава уже кружат голову. Он еще никогда в таких доспехах на войну не ходил!

– Пора! – окликнул он. – Давай, прощайся уже, кони заждались!

Арек никак не признавал официальных обращений к Эрнану, как к королю, только когда без этого совсем уж не обойтись. Не удивительно, он помнил Эрнана еще нищим мальчишкой, таскающим мешки за еду. Эрнана это вполне устраивало.

Он обернулся.

– Иду.

– Может, возьмем ее с собой? Она хорошо дерется! – Арек засмеялся, потер свою щеку в том месте, где у Эрнана была ссадина. – Забьет табуреткой кого угодно, даже самого Кайлар-шаха!

– Нет, – Эрнан улыбнулся, снова повернулся ко мне. – Оставайся тут, –

сказал он мягко. – Королева Таррена. Присматривай за домом, пока меня нет.

– Хорошо.

Я поцеловала его.

Он еще раз обнял меня, как-то судорожно вздохнул.

Решительно сделал шаг назад и в сторону.

– Я буду скучать, Тиль.

– Давай уже! – фыркнул Арек. – Прощаться ночью надо было, наедине!

Эрнан кивнул мне, улыбнулся так, словно извиняясь.

Быстро спустился, отвесил Ареку крепкий подзатыльник, и тот едва устоял на ногах.

– Заткнулся бы. Тебе вообще прощаться не с кем.

– Это мне-то? Да у меня такие девочки!

Эрнан развернул Арека и почти силой потащил вниз.

– Пошли... – и еще пару крепких слов, совсем не для слуха принцессы. Арек ответил тем же.

Мальчишки, идущие на войну.

Лохан стоял внизу. Молча, почти неподвижно, вытянувшись перед королем.

Эрнан подошел к нему, что-то сказал.

– Да, ваше величество, – услышала я.

– Береги ее, понял. Отвечаешь головой.

Лохан остается здесь, со мной.

Потом я смотрела, как Эрнан садится на коня. Он махнул мне рукой на прощание.

И я осталась одна.

* * *

Пустота.

Невероятная пустота накрыла меня.

Замок опустел. Стало тихо. Мне все казалось – ветер тревожно воет в арочных галереях. Море потемнело вдаль, посерело небо. Скоро осень, начнутся дожди.

Помню, в детстве Оуэн говорил, что осень – лучшее время, чтобы ставить паруса. Осенние ветры щедро наполняют их. Мы играли в пиратов. Или в отважных воинов, идущих на войну к далеким берегам. У нас был

даже свой корабль, стоящий на берегу. Большой, словно настоящий, шагов десять в длину, с длинным бушпритом, косыми белоснежными парусами, бочкой на грот-мачте. Оуэн шустро лазил по вантам, глядя вдаль, приставляя ладонь ко лбу, закрываясь от солнца.

Отец тогда только вернулся из Гилтаса, и мы сами сражались за Восточный Улар. У нас были деревянные мечи и бездна отваги.

Эрнан тоже поплывет, но не отсюда, а от Бранка, войска собираются там. Здесь мелководье и слишком много подводных камней, большим кораблям не подойти. От Бранка удобнее.

Я бы тоже хотела отправиться с ним.

Он, конечно, не взял бы меня. Зачем? Только мешать.

Да и здесь, дома, тоже кто-то должен остаться. Мало ли что.

Чтобы было к кому возвращаться.

Очень важно – когда дома тебя ждут.

Я лежала на кровати, на спине, раскинув руки, глядя в потолок.

Тихие шаги.

– Луцилия...

Это Флир пришла.

Не могла сказать, что хотела ее видеть. Но, наверно, лучше с ней, чем в тишине.

– Так одиноко, – сказала я. Скорее не ей, а так, в пустоту.

– Да, – тихо ответила Флир. По ее щеке скатилась слеза. – Очень.

– Ты тоже проводила кого-то сегодня?

Флир кивнула, стиснула руки на груди, потом подошла, села на край кровати.

– Он никогда не женится на мне, – сказала она с горечью.

У меня кольнуло в груди.

Но нет, конечно. Флир говорит о ком-то своем...

– Кто? – спросила я.

Флир покачала головой.

– Я никому не нужна, – сказала она. – Благородные лорды не возьмут меня в свою семью. Мой отец беден, мое происхождение сомнительно. Мой дед был наемником, потом получил должность при дворе. Да, моему отцу принадлежит клочок земли на севере, но слишком маленький, чтобы это имело какое-то значение. И не замок – сарай. Лорды не заключают браки с такими, как я. Я им не ровня. А наемникам Эрнана я тоже не нужна. Им нужно утвердить свое положение, получить не только рыцарское звание из рук короля, но и что-то еще. Им нужны богатые и знатные жены. Они хотят только развлечься со мной, но связывать себя обязательствами не хотят.

Я смотрела на нее почти с удивлением, никогда не видела Флир такой. Никогда не слышала от нее таких слов.

Отчего-то казалось, дело не в рыцарях вообще, кто-то умудрился ранить ее сердце.

Я думала, это невозможно.

Наемники Эрнана, значит. Кто-то из тех, что пришел с ним.

– Рух? – сказала я наугад.

Флир вздрогнула.

– Да, – сказала она.

Рух из Сатора, длинноволосый красавец, такой утонченный, похожий на принца и лицом, и манерами. Он играет на лютне, поет и сражается с одинаковой страстью. Я ведь видела их с Флир в саду под моим окном.

– Он отказал тебе?

Наверно, в моих словах непроизвольно скользнула издевка. Не специально, так вышло... Флир зажмурилась, всхлипнула.

– Он обещал жениться на мне. Он говорил мне столько красивых слов... Сын шлюхи!

Флир грязно выругалась, закусила губу, долго сидела молча. Я не торопила ее.

– Он обещал, – сказала она. – Я думала, это мой шанс. Он такой же, как я, его положение ничуть не выше. Даже наоборот. Ты знаешь, что его матерью была шлюха из Саторского борделя? А отец вообще неизвестно кто. Там он и на лютне выучился играть для гостей. А потом сбежал на войну вместе с какими-то заезжими наемниками.

– Ты его любишь? – спросила я.

Флир мотнула головой.

– Я не верю в любовь. Но мне было с ним хорошо, – обида в ее голосе. Верит она, просто не может признаться. Что сказать?

– Тогда чего ты ждала? – удивилась я. – Думаю, у него тоже хватает цинизма не верить в любовь, а поступать так, как выгоднее для него.

Флир нахмурилась. Наверно, она ожидала от меня чего-то другого.

– Рух сказал, что не вернется. Если все сложится хорошо, Эрнан обещал сделать его наместником в Уларе. Он женится на какой-нибудь местной княжне. Зачем ему я? Если плохо...

Флир замолчала.

Если плохо – он может не вернуться вовсе.

– Он вернется за тобой, – сказала я.

Флир вдруг дернулась, огонь сверкнул в ее глазах.

– Нет! Что ты можешь в этом понимать?! Ты думаешь, Эрнан любит

тебя? Нет! Ты просто нужна ему! Ты знаешь, что на юге уже готовится восстание против него? Народ не хочет видеть захватчика на троне! Ты нужна ему, чтобы укрепить власть. Ты последняя наследница, женившись на тебе, он получает права на трон. Твой сын будет и вовсе полноправным наследником. Была бы ты дочерью конюха, а не короля, он бы даже не посмотрел в твою сторону!

Я почти не слушала ее.

Восстания на юге, значит? Я что-то слышала, но не думала, что это серьезно. В Митре? Оттуда ведь? Интересно, не рук ли лорда Коррина это дело? Не получил власть одним путем, так хочет получить другим?

«Если начнете скучать, когда король уедет в Гилтас, на войну, скажите лучше мне. Я развлеку вас лучше любого рыцаря».

Жена Коррина умерла много лет назад, он свободен...

Флир злилась.

Я широко улыбнулась ей.

– Значит, народ против? Думаешь, лорд Коррин в качестве моего мужа и короля народ устроит больше?

* * *

Я пыталась быть хорошей королевой.

Лорд Джерат завалил меня отчетами о состоянии казны, о долгах и расходах, о торговых сделках. Нет, он предлагал не мучить меня и взять все на себя, но я отказалась. Принимать сложные решения я пока не в состоянии, но хочу, по крайней мере, быть в курсе дел.

Только теперь я начала понимать, как тяжело было Эрнану. Он как раз старался все решения принимать сам. А для этого приходилось вникать во все подробности. И ему это неплохо удавалось. Впервые за последние несколько лет долги перестали расти и в казне появились деньги.

Я бы так не смогла.

Но пока его нет, нужно следить, чтобы положение, по крайней мере, не ухудшилось.

Удивительно, но я понимала, что Эрнана никто не учил быть королем, ему приходилось до всего доходить самостоятельно. Даже я изначально знала больше. Я помню, в детстве он едва умел читать. Мы с Оуэном пытались заниматься с ним, разбирали сложные слова, таскали ему книжки. Тогда я не задавалась этим вопросом, но ведь мальчику с конюшни вообще уметь читать не положено. Не говоря об остальных науках. Он

хотел знать все. Он помнил, кто он. Верил, что ему это понадобится. Даже тогда...

Я смотрела на кипу финансовых отчетов, и у меня голова шла кругом.

А потом – еще большую кипу прошений и деловых предложений всех мастей.

Эрнан считал, что он должен научиться разбираться в этом. По крайней мере научиться, вникнуть, а дальше контролировать будет легче. Я тоже пыталась.

Не мудрено перестать спать, просиживая над бумагами до утра.

* * *

– Когда будете готовы, нападайте, ваше величество!

Лохан сам занимался со мной. Я попросила.

Я держала меч обеими руками. Деревянный, учебный, полуторный. Тяжелый!

Я сказала, что училась когда-то, мой брат учил меня. И Лохан предложил показать, что умею.

Прямо перед всеми, на тренировочном дворе. Пусть все видят! Пусть посмеиваются даже. Здесь нужно стараться вдвойне, чтобы не ударить лицом в грязь. Наедине с Лоханом я еще могла бы позволить себе драться вполсилы, жаловаться на усталость. Тут – нет.

Все смотрели.

Я немного размяла руки и плечи.

Лохан наблюдал за мной, улыбаясь чуть снисходительно.

Ничего.

Я буду учиться.

– Зачем это вам, ваше величество? – спросил он.

– Отвлечься от отчетов. Размяться. Лучше так. Вышивание дается мне еще хуже.

Он усмехнулся.

Не знаю зачем, но точно надо. Чтобы верить в себя.

Я взяла, чуть покачала меч из стороны в сторону, стараясь почувствовать его вес и баланс, настроиться. Левую ногу чуть вперед. Смешно это все, я знаю. Девочка с деревянной палкой в руках, лучше бы табуретку взяла, честное слово! И куда лезет? Да, я знаю. Многие думают именно так.

Нападать?

Лохан стоял совершенно расслабленно, опустив меч, даже, кажется, глядя в сторону.

И я решилась.

Оуэн говорил – руки недостаточно сильны, нужно размахиваться всем корпусом... ну, или как-то так. Это было давно...

Рубануть от плеча сверху вниз, со всей силы.

Первый раз было страшно. А вдруг я ударю его? Палкой. Вдруг он не готов. Ему будет больно...

Лохан отбил, конечно, одним легким ленивым движением. Потом еще. И подсечку.

– Да, ваше величество! Еще! А теперь слева!

Я лупила со всей дури, пока не выдохлась. Ненадолго меня хватило. Я едва дышала, болели руки.

– У вас хорошо получается, ваше величество.

Он это из вежливости, конечно.

Но не важно.

Рано или поздно это станет правдой.

– Отдохните, и давайте еще.

Все смотрели на нас.

– Я отдохнула. Давайте снова, сэр Лохан!

Удар!

Он только защищался пока, лишь отбивая, но я видела, как снисходительная усмешка в его глазах сменяется живым интересом, и даже уважением. Не моя техника вызывала уважение, конечно, но скорее настойчивость. Я смогу.

– Хорошо, ваше величество! Еще! Не пытайтесь подходить слишком близко, вам это мешает самой. Почувствуйте дистанцию. Еще!

У меня звенело в ушах и ломило кости.

– Еще, ваше величество!

Он хочет знать, надолго ли меня хватит? Я покажу!

– Еще!

А потом, вечером, я лежала без сил, не в состоянии даже подняться.

А на утро было еще хуже.

Ничего, неделя-другая, и я привыкну.

Надо же чем-то занять себя, пока Эрнана нет. Табуретка – это только начало.

Глава 22

Мокрые снежинки летели белыми хлопьями.

Я стояла на стене, до рези в глазах вглядываясь в приближающуюся фигурку.

Он скакал галопом во весь опор. Гонец? Какие он несет вести?

Мне отчаянно не хватало Эрнана.

Он бы знал, что делать.

Но он далеко. Сколько уже я не получала от него вестей?

У нас тут своих войн хватает.

К югу, за Бранком, должно было состояться сражение.

За долгую осень армия мятежников набрала силы. Разбойники, безземельные рыцари и мелкие лорды поначалу, но теперь почти весь юг поддерживал их. Где они были, когда Эрнан шел на Нит со своей армией? Не было их тогда. Одни обещания. Зато теперь они недовольны.

Лорд Коррин пока настаивал на своей лояльности короне, но, говорят, среди наступающих видели щиты с его гербом. И даже его штандарты. Он отрицает, конечно.

Мокрый снег в глаза...

У нас редко бывает снег. Даже сейчас он превращался в грязную кашу, ложась на землю. Сразу таял. И все равно холодно. Я куталась в плащ на лисьем меху, надвинув капюшон на самый нос. Ветер с моря пробирал до костей.

Всадник все ближе.

Я смотрела, как он подъехал к воротам... Лохан? Нет, это не может быть он.

– Открывай! – донеслось снизу.

Еще немного, и он бегом поднимается по лестнице, тяжело дышит. Лохан. Если с донесением прискакал он сам, значит, дела плохи.

– Южане скоро будут здесь, ваше величество. – Снежинки таят в волосах, водой стекают по лицу вперемешку с потом. – Это был обманный маневр. Мы разбили их при Бранке, но их было слишком мало. Основные силы идут сюда, я боялся не успеть.

– Когда?

– Думаю, завтра к утру. Но можно ждать и ночью.

– Хорошо. Нужно готовиться. Когда успеют подойти твои люди?

– Конница должна быть здесь завтра к обеду. Им надо отдохнуть после

боя, иначе толка не будет. Мы ударим южанам в тыл... – его самого покачивало от усталости, но он, видимо, решил, что должен быть рядом со мной. Защищать. – Пехота не успеет... только если осада затянется.

– Хорошо. Собирай гарнизон и иди спать, Лохан. Когда все начнется, ты нужен мне отдохнувший и бодрый.

– Да, ваше величество, – он вытягивается передо мной.

А я больше не могу спать.

Второй раз за этот год я ожидаю боя. Так хочется сказать: «невозможно взять штурмом Небесную Нит». Раньше я верила в это. Но возможно. Эрнан взял. Кто знает, как повернется на этот раз.

В тот первый раз я боялась и ждала его одновременно. Все было совсем иначе, словно не со мной, а с кем-то другим. Я наблюдала украдкой, пряталась. Боялась. От меня ничего не зависело тогда.

В этот раз я готова драться за свой дом. До конца. Даже собственными руками.

На мне хорошая боевая кольчуга, и меч пристегнут у пояса. Пусть это мало поможет мне, и с рыцарями ни за что не сравниться, но зато придает уверенности. Да и мои люди теперь смотрят на меня иначе.

Мои люди. Я раньше не смела думать...

Протяжный вой труб.

И я бегу к стене.

– Город горит, ваше величество! Они подожгли город!

Ночь. Значит, они уже здесь и не стали ждать рассвета.

На стену, по ступенькам вверх.

Я вижу зарево внизу у моря. Оранжевые всполохи в темноте.

Почти невозможно разобрать, что там происходит. Я вглядываюсь.

Лохан подбегает, уже в доспехах, готовый к бою.

– Говори, – велю я. Мне нужен его совет. Я не знаю, что делать.

– Мы должны ждать, – говорит он. – Сейчас, ночью, даже невозможно понять, сколько их и где они. Наш гарнизон справится в крепости, но в поле их перебьют. И тогда Нит останется беззащитной.

Город горит.

Мне даже страшно представить, что там творится сейчас.

Но мы ждем.

Их десять человек. Под белым флагом.

Гербов не видно, но я знаю и так.

Они подъезжают к воротам. Останавливаются на той стороне у подъемного моста.

– Я хочу поговорить с королевой! – требует лорд Коррин.

– Опустите мост! – говорю я.

Иду.

Лохан неотступно следует за мной, на шаг позади. Надежная охрана.

Скрипит, поднимаясь, решетка.

– Подойди! – говорит Коррину Лохан. – Пусть твои люди остаются на месте.

Лорд Коррин спрыгивает с лошади на землю, идет к нам.

– Я буду говорить с королевой наедине!

– Нет! – пытается Лохан, но я качаю головой.

– Наедине, – говорю я. – Стой здесь. Если что, пусть арбалетчики будут готовы.

Он скрипит зубами, но подчиняется.

И я вдруг невольно вспоминаю, как он отбил меня у тааракарских послгов, как тащил на плече, а я даже боялась вздохнуть. Когда я перестала бояться?

Где-то вдали догорает город.

Лорд Коррин ступает на мост и останавливается, ожидая меня. Он хочет, чтобы я вышла и сама проделала этот путь. Чтобы я подошла, а он будет ждать.

Я помню, как Хаддин прятался за решеткой, не решаясь выйти.

Да, я не боюсь. И не собираюсь играть в эти игры.

Коррин ждет.

Я выхожу к нему. Меч неудобно бьет по ноге, я так и не привыкла к оружию. Кольчуга давит на плечи.

Коррин кривится, я вижу его пренебрежительный взгляд.

– Зачем на вас эти железки, ваше величество? Вам не идет.

– Вы тоже неуместно смотрите на этом мосту, лорд Коррин. Ваше место в Митре.

Он ухмыляется.

– Я приехал спасти вас, ваше величество. Помочь вам.

– И поэтому подожгли мой город?

– Я приехал предложить вам большее.

– Вам нечего мне предложить. Разве что голову. Я повешу ее на стене.

– Вы не хотите даже выслушать, ваше величество?

– Разве не за этим я здесь? Но пока не слышу ничего, кроме пустой болтовни.

– Хорошо, – Коррин делает шаг ко мне навстречу, и я едва сдерживаюсь, чтобы не попятиться. Он на голову выше меня, смотреть на него снизу вверх неудобно. – Сразу к делу, ваше величество. Вы знаете, что народ не одобряет узурпатора на троне Таррена? Народ хочет справедливости и законного правителя.

– Народ? – удивляюсь я. – Или справедливости хотите вы сами?

– Я всегда на стороне справедливости. Вы единственная наследница Майлога, и ваше право никто не оспаривает. Но королем не может быть чужак.

– Кого же вы предлагаете на эту роль? Может быть, лорд Орвин бы подошел? Из Оша? Его предки всегда славились своей верностью короне.

Мне кажется, это слегка забавляет его.

– Вы понимаете, о ком я говорю, ваше величество, – говорит он с издевкой. – Орвин нищий мальчишка, пусть и преданный. Король должен обладать властью. Армией.

– Ваша армия не способна взять Небесную Нит, – говорю я. – Иначе вы бы тут не стояли. Выбив ворота, перерезав охрану и схватив меня за горло, куда легче диктовать условия.

Лицо лорда темнеет.

В голосе звенит холодная сталь.

– Это жест доброй воли с моей стороны, Луцилия. Ты должна понимать. Щедрое предложение. Я возьму крепость рано или поздно, у вас нет шансов. И тебя возьму не только за горло, но и иначе.

«Я возьму замок завтра к вечеру, – сказал Эрнан. – Возьму замок, выпущу тебе кишки и повешу на них, а потом оттрахаю твою сестру. Я получу все, что хотел. Завтра вечером я буду пировать в Небесном Чертоге».

Как все это знакомо. Только теперь у ворот стою я.

– Запрыгнув в мою постель, вы еще не станете королем, лорд Коррин, – говорю я. – У меня есть муж. И он вернется.

– Он не вернется, – говорит Коррин, и у меня все сжимается внутри. – Его убили под Шайнаром люди Кайлар-шаха, ножом в спину. Не в бою, ночью, в борделе, зарезали как свинью. Вести до тебя еще не дошли?

Мне кажется, мир схлопывается вокруг меня, и я лечу в бездну.

Это ложь!

– Нет. Я не верю вам, лорд Коррин.

– Зачем мне врать тебе, Луцилия? Скоро все узнают правду. Забудь о

нем. Ваш брак с самого начала можно было считать недействительным, тебя принудили, а всем известно, что принуждение не угодно богам. Боги не дали вам детей. Это знак. Эрнан, как король, негоден ни народу, ни богам. Мы должны восстановить справедливость.

– Нет, – говорю я.

Поворачиваюсь к нему спиной.

Нет.

– Убирайтесь прочь, лорд Коррин. Иначе я прикажу стрелять.

Я иду назад, к воротам.

Кружится голова, меня шатает, еще немного, и я просто упаду. Ноги не слушаются.

– Я даю тебе неделю, Луцилия! Подумай.

Я почти упала на руки Лохана. Не было сил.

– Что с вами, ваше величество?

Мне казалось, я не могу дышать, сердце останавливалось.

Нет, я не буду верить. Он жив, конечно. Все хорошо. Его не так-то просто убить... даже если в этом есть доля правды.

– Все хорошо. Просто устала. Голова закружилась.

Лохан хмурится.

– Что он сказал вам?

Я не могу повторить этого. Тем более сейчас, при всех. Эрнан жив. Пока я верю в это, он жив. Это правда. Никто не должен слышать.

– Он хочет, чтобы я сдала замок.

– И что думаете вы?

– Что я думаю?

Даже не поверила, что он действительно спрашивает это.

– Скажи, Лохан, если бы я приняла решение сдаться, ты бы подчинился?

Он хмурится, ноздри подрагивают. Не была бы я королевой, и вообще девочкой, он бы мне сказал честно, что думает. Он бы свернул мне шею за такие слова.

– Я подчиняюсь вам, ваше величество, – говорит он.

Вдох-выдох. Надо собраться.

– Значит, мы будем драться, – говорю я.

И Лохан улыбается.

– Будем драться! Коррин еще обломает о нас зубы.

Море вдали.
Серое, холодное.
Мне теперь уже не подойти к морю, оно осталось там, за стеной.
Кажется, словно вся моя жизнь прошла вот так. Взаперти. И ничего больше не было.
Почти две недели осады. У меня нет сил. Я не знаю, на что надеяться.
Я видела бой вдали. Наверняка это наши войска подошли. Те, которые Лохан оставил у Бранка.
Я видела бой.
Но никто не пришел нас спасти. Лагерь лорда Коррина вокруг Небесной Нит все еще на своем месте.
Наши войска потерпели поражение?
Коррин обещал ждать неделю, прошло вдвое больше, но он так и не решился на штурм. Возможно, они ждали еще кого-то. Возможно, просто ждали. Рано или поздно мы просто передохнем с голоду.
Я не понимала, чего ждать.
С каждым днем мое терпение натягивалось, как струна. Нет, я не могла открыть ворота. Лучше умереть. Но и помощи нам ждать неоткуда.
Разве что Эрнан вернется.
Он снился мне каждую ночь.
Стоило закрыть глаза, и я видела... видела его мертвым. В поле или на берегу – каждый раз иначе. Но всегда вокруг тучи воронья. Они клюют... каждый из них. Они клюют его плоть. И я просыпаюсь в холодном поту.
Не могу...
Нет... куда хуже, если я досматриваю сон до конца. Я вижу, как мертвый Эрнан встает. Как тянет ко мне свои руки, ошметки плоти свисают на костях. Пустые глазницы глядят на меня. «Я... вернусь... Тиль...» – хрипло шепчет он. И я кричу.
Я вскакиваю на кровати. Рыдаю. У меня трясутся руки.
Долго сижу, сжавшись, обхватив колени руками.
Даже не знаю, чего я боюсь больше. Того, что он умер. Или того, что он вернется... вот так.
Я боюсь.
Я не могу больше спать.

Маленькая комнатка рядом с моей. Я почти никогда не бывала здесь... даже не знаю почему... не считала нужным, наверно, как-то не доводилось. Флир всегда приходила ко мне сама. А если я хотела ее видеть, то стоило только позвать. Но сейчас она спит. А я просто схожу с ума.

Мне нужен хоть кто-то.

Пусть она врет мне, пусть говорит что угодно, сейчас это не важно. Мне нужен хоть какой-то живой человек. Иначе мой рассудок не выдержит.

Я открыла дверь.

– Флир! – и тихо позвала.

Тихо. Она не слышит.

Я зашла внутрь.

Здесь тесно и просто. Небольшой столик у окна, два деревянных кресла. Чуть в стороне у стены – узкая кровать. Только необходимое, ничего лишнего.

Флир спала. Так тихо и ровно дыша во сне. Просто удивительно. Словно никакие беды не тревожили ее.

Я подошла ближе.

Пустой бокал вина на столике, лишь несколько капель на дне. Какие-то баночки рядом. Небольшие, темного стекла. Некоторые пустые, другие закупорены пробкой. Одна открыта и наполовину пуста.

Я не удержалась, взяла, осторожно понюхала, пытаюсь понять – что это может быть. Слабый, чуть сладковатый запах. Прозрачное, словно вода. Что это? Лунная роса? Снотворное? И ей тоже не спится ночами?

Покрутила в руках, поставила. И как-то неуклюже задела пустую баночку. Она покачнулась, покатилась, упала на пол. Зазвенело стекло, осколки брызнули в стороны.

– Что? – Флир открыла глаза.

– Это я, Флир... Прости... Я разбудила тебя.

Она села, принялась сонно тереть глаза.

– Что ты здесь делаешь, Луцилия?

Да уж, не часто я заходила.

– Я... – даже не знаю, как объяснить. – Я просто хотела поговорить. Мне страшно.

– Со мной? – удивилась Флир.

Да, последнее время не слишком стремилась с ней разговаривать.

– С тобой, – сказала я. – С кем-нибудь. Иначе я просто сойду с ума.

– О чем? – Флир смотрела на меня сонно и настороженно, говорить ей сейчас точно не хотелось.

Зря я пришла, да? Про Эрнана я все равно не могу рассказать.

– Я не могу уснуть, Флир. Мне постоянно снятся кошмары. Я не знаю, что мне делать.

Флир усмехнулась, кивнула в сторону столика с баночками, как бы говоря: «Возьми. Это простое решение».

– Нет, – я покачала головой. – Это не поможет. Даже если я забудусь ночью, утром все вернется. Я не смогу так жить вечно. Мне нужно что-то решать. Мы должны драться!

– Хочешь драться – дерись, – Флир пожала плечами. – Но не со мной же. Мне драться ни с кем не нужно.

– Но если лорд Коррин захватит замок? Если он войдет сюда?

– Прямо сюда? – она усмехнулась. – Тогда, думаю, я и без росы обойдусь. Знаешь, Луцилия, – Флир поправила волосы, чуть склонила голову набок, – для меня нет разницы: этот король или другой. Это ничего не меняет. Мое положение остается прежним. Мне все равно.

* * *

– Ваше величество, могу я поговорить с вами?

Лохан встретил меня в саду. Ранним утром.

– Да.

Мне стало не по себе. То ли от его взгляда, то ли от того, как он сказал это. Я разу поняла – что-то случилось.

Недавно он посылал разведчиков за стену. Они вернулись? Все настолько плохо?

– Луцилия... возможно, я не должен этого говорить вам... но, наверно, вы должны знать... Дурные вести...

Все сжимается внутри.

Вот и конец, да?

Я вижу, как он собирается с силами.

– Это всего лишь слухи, но все равно... Я должен вам сказать...

Да говори уже! Хватит! Говори или иди прочь! Иначе я сама убью тебя! У меня и так сдают нервы!

– Ты можешь сказать, – почти ровно говорю я.

И он решается.

– Там за стеной говорят, что Эрнан мертв. Что его армия разбита.

Удивительно, но я почти рада. Не новости этой, конечно. Но тому, что он теперь тоже знает. Что можно не бояться. Можно сказать. Можно даже поделиться своим страхом.

Эрнан мертв. И никто больше не придет и не спасет нас. Все кончено.

– Я знаю, – говорю я, голос предательски дрожит.

– Знаешь?

– Да, Коррин сказал мне. Еще тогда. Я не верю, Лохан.

Он смотрит на меня...

Он так смотрит, что у меня дрожат ноги и слезы катятся из глаз. В его взгляде и радость, и горе, и что-то еще. Он тоже не верит.

– Правильно, – говорит очень тихо. – Не верь.

Я всхлипываю.

И слезы, наконец, вырываются наружу. Все мои ночные кошмары разом.

Я рыдаю.

– Ну, что ты, – шепчет Лохан. Мне кажется, он слегка напуган, не понимает, что со мной, такой, делать. – Ну, что ты, не плачь. Все будет хорошо, это неправда. Коррин просто хочет, чтобы мы сдались. Хочет сломать... Ну... Луцилия...

И я уже рыдаю у него на плече. Он осторожно обнимает меня. Я не могу остановиться.

– Он вернется! – и снова всхлипываю.

– Обязательно, – говорит Лохан, гладит меня по волосам, словно маленькую девочку. – Не надо, не плачь...

Глава 23

Нас пытались взять штурмом. Трижды за эту зиму. Один раз в начале и два раза уже под конец. Словно Коррину надоело стоять у наших ворот, и он надеялся, что вдруг ему повезет. Не повезло. Не так-то просто взять Небесную Нит. Почти невозможно. Только Эрнану удалось.

Вот только запасы еды подходили к концу. Вода у нас была, тут свой источник. А вот с едой плохо. Еще немного, и все.

Еще немного, и люди начнут умирать с голоду.

Ко мне уже не раз подходили, просили открыть ворота. Сдаться или собрать все силы и броситься в бой... что тоже равносильно сдаче. У нас не хватит сил для битвы. Мы умрем. Но лучше быстро, в бою, чем медленно умирать от голода.

Я отказывалась каждый раз.

Но каждый раз отказывать было все сложнее и сложнее.

Возможно, это и правильно, лучший выход. Но я не могла. Я дала себе слово – ждать. До последнего. Эрнан вернется. Пока еще решаю я. И, значит, я не позволю открыть ворота.

В голове легкий туман. Полдень, но я едва вылезла из кровати.

Вчера я снова взяла у Флир лунную росу, рука дрогнула, и я налила себе больше, чем надо. Теперь весь день сонная, голова раскалывается.

В бездну все!

Иногда хочется выпить всю банку и не проснуться вовсе.

Снова поднялась на стену.

Лагерь Коррина за стеной. Упрямая скотина! Сколько можно торчать здесь!

Я ненавижу его.

Только теперь, наконец, начинаю понимать, что такое ненависть. Когда-то я говорила, что ненавижу Эрнана. Но нет. Ненависть – это совсем другое. Ненависть опустошает, не оставляет сил, сжигает все.

Пепел в моей душе.

Не на что надеяться. Чудес не бывает.

Я ненавижу.

Коррину никогда не надоест, он не уйдет, пока не получит свое. Зачем драться, если мы сдадимся все равно?

Прислонилась лбом к каменной стене. Прохладная, чуть сырая, это

помогает немного прийти в себя.

Но что толку?

Повернувшись, привалилась к стене спиной. Медленно сползла вниз, села.

Закрыла глаза.

Очнулась от того, что кто-то тряс за плечо.

– Луцилия?

Лохан, конечно. Он переживает за меня. Сам за эту зиму исхудал едва ли не вдвое, постарел даже. Взгляд тяжелый, усталый. Он тоже понимает, что чуда не случится, и мы просто тянем время.

– Луцилия, что с тобой? Тебе плохо?

Я покачала головой.

Нет. Все хорошо. Ничего нового не случилось. Просто нет сил.

– Устала, – говорю я.

Он долго смотрит на меня, поджав губы.

– Может, пойдем, потренируемся? – и неуверенно улыбается. – Разомнемся, помашем палками?

«Махать палками» – это я так говорю. Мне все кажется, что то, как я это делаю, на бой похоже мало. Баловство... Палки. Но действительно помогает. Когда все тело болит – уже не до душевных мук. Отчего-то вдруг неуместно подумалось, что Флир бы в ответ предложила Лохану помахать палками иного рода, тоже помогает отвлечься, знаете ли. Ох... Боги! О чем я только думаю?

Лохан протянул мне руку, предлагая помочь подняться на ноги.

У него была такая широкая и жесткая ладонь, словно каменная. Крепкая. Лохан красавец и герой, верный и преданный мужчина, который всегда рядом.

– Идем, – говорю я. – А можно в этот раз не палками, а по-настоящему?

– Можно, – говорит он.

Холодная рукоять сама скользнула в ладонь.

– Нападай! – Он все так же небрежно держал свой полуторный меч одной рукой, но в глазах уже мелькнули веселые огоньки азарта.

И я бросилась в бой.

Я рубила изо всех сил, давно уже не боясь его ранить. Он всегда успевал раньше, увернуться или парировать, и тогда сталь звенела о сталь. Удар, еще удар!

Мне нравилось.

– Молодец! Давай! Не спеши. Двигайся, давай-давай!

– Защищайся! Я достану тебя!

Он смеялся.

И туман в голове постепенно рассеивался, и мне самой становилось весело и легко. Весь мир сжимался до нас двоих и наших сверкающих клинков. Словно песня.

– Не смотри на клинок, смотри в глаза! Давай, про ноги не забывай. Локти не расставляй! Теперь сверху! Молодец! Еще!

Можно было забыть обо всем. Следить только за собственным телом, за его руками, за мечом в его руках. И больше ничего.

– Ноги! Еще, вперед! Корпус влево! Давай, еще! – он не давал мне ни на мгновение расслабиться и сам увлекся. – Еще! Молодец, Тиль!

Увлёкся.

Собственное имя вдруг резануло слух. Я вздрогнула, и Лохан сам тут же понял свою оплошность. Остановился и едва не пропустил удар.

Я опустила клинок.

– Простите, ваше величество, – сказал он.

– Все хорошо, – я попыталась сделать вид, что ничего не случилось. – Давай, продолжим?

Боевая стойка. Удар, еще удар.

Мы дрались все так же яростно. Но веселья уже не было.

Лохан молчал. Лишь изредка:

– Справа, ваше величество! Не торопитесь так.

Такая тонкая, невозможно тонкая грань...

Тиль.

Никто кроме Эрнана не называл меня так.

Еще только Оуэн в далеком детстве. Но больше никто и никогда.

* * *

Меня разбудили трубы.

Я вскочила. Сначала даже не поверила своим ушам. Что это?

Не так было, когда Коррин начинал штурм. Иначе. Издалека. А потом рядом, уже трубы Коррина. Но наступление они трубили иначе.

Я со всех ног кинулась к стене.

Что-то происходило там.

Лохан уже стоял на стене, напряженно вглядываясь, всем корпусом подавшись вперед.

– Что там? – на ходу окликнула я.
– Наши трубы! – в его голосе напряженное торжество.
У меня аж перехватило дыхание.
– Наши? Это твои люди подошли? Но, мне казалось, при Бранке...
Нет, я, конечно, все поняла сразу, но даже самой себе боялась признаться. Нет-нет-нет... мне это снится?
Лохан повернулся ко мне.
– Трубы Эрнана, ваше величество. Они зовут к наступлению!
Мне снится?
Я не правильно поняла?
И трубы лорда Коррина откликаются на этот зов. Я вижу движение внизу. Суету, почти панику. Они не ожидали. А там вдали...
– Ты уверен?
– Да, ваше величество, – говорит он, голос чуть дрожит от волнения.
Еще ночь, небо даже не начало сереть, только вот-вот...
Эрнан?
– Он вернулся?!

И я с визгом, как девчонка, бросаюсь Лохану на шею. Обнимаю, что-то кричу. Я даже плохо понимаю что. Это невероятно. Я уже почти перестала ждать... О, боги! Какое счастье!

Лохан стоит молча и неподвижно. А я вишу у него на шее и визжу от радости.

* * *

Два дня и две ночи прошло.
Я почти все это время не сходила со стены. Смотрела. Ждала.
Я видела бой вдали. Отсюда почти не разобрать. Но я была уверена, что войско южан разбили. Лагерь Коррина на холме у наших стен сдался лишь к вечеру второго дня.
Лохан вывел солдат навстречу, помогать. Я осталась. Там еще было беспокойно, я не могла мешать.
И только утром третьего дня я увидела всадников у ворот.
Кинулась вниз, встречать.
Эрнан ехал впереди.
Он жив!
Я готова была прыгать от радости. Значит, все это неправда! Все эти слухи! Ничего с ним не случилось, все хорошо. Коррин врал мне! Как я

могла сомневаться?!

Эрнан остановился. Оглядел площадь, словно ища кого-то. Скользнул по мне взглядом...

Боги, да меня, наверно, и не узнать. В мужской одежде, страшная, исхудавшая, с мечом на боку.

Скользнул взглядом и вернулся.

– Тиль? – неуверенно позвал он.

Я шагнула вперед.

Он спрыгнул с коня. Один лишь вздох, и уже сжимал меня в объятьях.

– Нарин...

Я прижимаюсь к нему щекой, всем телом...

Он жив, боги! Он жив! Что еще может иметь значение?!

И он находит губами губы, впивается в них, так жадно целуя меня, что дыхание перехватывает и кружится голова. И его руки уже скользят по моему телу, так безумно и страстно...

– Я так скучал, – глухо шепчет он.

Я тоже скучала, но не здесь же, при всех.

– Мне рассказывали ужасные вещи, – тихо говорю я, пытаюсь поймать его руки, остановить, но ничего не могу сделать. – Но верила, что ты вернешься.

– Как я мог не вернуться к тебе?

Его глаза лихорадочно блестят.

Его руки... Он все еще не отпускает меня. На какое-то мгновение это пугает. Мне кажется, я уже видела такой же блеск в глазах Хаддина.

– Я хочу тебя, – говорит он. – Прямо сейчас.

– Идем, – я тяну его, мне вдруг неловко, щеки заливаются краской, хочется уйти отсюда.

Что-то...

Вижу, как напряженно стоит рядом Лохан и его ладонь, словно невзначай, ложится на рукоять меча.

Что-то не так. Я не могла отделаться от этого чувства.

Я счастлива, но что-то не так.

– Лохан, – говорю я, – отведи лошадей на конюшню. Проследи, чтобы людей накормили и они могли отдохнуть.

Эрнан отстраняется от меня, и его пальцы вдруг так сжимают мои запястья... до хруста. Я вздрагиваю, изо всей силы кусаю губы, чтобы не закричать.

Возможно, я не имею права распоряжаться сейчас, приказывать что-то Лохану... мне просто хочется, чтобы он ушел. Начинает бить дрожь.

– Мне больно, Нарин, – шепотом говорю я. И он отпускает.

Отпускает.

– Прости, – говорит он. Нежно обнимает меня. – Я не хотел. Идем, Тиль.

Зарывается носом в моих волосах. Дыхание сбивается.

И мы идем.

Он почти тащит меня, я не успеваю так быстро. Еще по дороге он начинает расстегивать ремни на доспехах. Я вижу, как он торопится, как возбужденно дрожат его ноздри. И мне становится не по себе. Словно это какой-то другой человек. Чужой. Словно не тот, что оставил меня почти полгода назад. Которого я любила и который любил меня.

Я не могу понять – что же не так?

Его страсть меня так пугает?

Но я тоже хочу его. Я тоже! Всего! Прямо сейчас! Я так долго ждала, я верила, что он вернется... это вся моя жизнь... я мечтала... Нам больше ничего не может помешать!

Что не так?

Стальная кираса осталась валяться где-то на лестнице. Рядом с дверью стеганный поддоспешник. Рубашку и штаны он стащил уже в спальне, так быстро, что я не успела опомниться. Мою сорочку он порвал прямо на мне, не желая больше ждать. Подхватил на руки и повалил на кровать.

Я вскрикнула.

Но не успела, он уже целовал меня.

Такая дикая бешеная страсть, звериный голод. Я даже не понимала – хорошо ли мне или плохо... мне же всегда было так хорошо с ним. Но сейчас... так быстро, так яростно, почти до боли... что я не в силах была даже осознать, не успевала. Я не готова...

В какой-то момент мне стало действительно страшно.

Словно все это происходит не со мной.

Не так.

Словно Эрнан сейчас не со мной. Словно ему все равно, кто перед ним, он просто хочет удовлетворить свое желание. Он не видит меня... он где-то там...

Капельки пота на его лбу.

– Нет, подожди, – пытаюсь я.

Я пытаюсь заглянуть ему в глаза, я пытаюсь почувствовать его, как прежде. Пытаюсь даже упереться ладонью ему в грудь, остановить... совсем немного... просто я...

Он хватает меня за плечи и прижимает с такой силой, что я не могу

вздохнуть.

– Нет, – беззвучно шепчу я, голос садится. – Нет! Нарин, нет...

Он не слышит меня.

Мне больно.

И слезы текут по щекам.

Я так ждала его... я так...

Я даже не сразу понимаю, когда все закончилось.

Он отпускает меня. И падает рядом на кровать. Ложится на спину.

Я тихо отползаю в сторону. Хочется вскочить, убежать, но нет сил. Нет сил даже подняться, даже сесть. И я сворачиваюсь в клубок, зажимаю глаза. Потом открываю. Всклипываю.

Он медленно поворачивает голову ко мне. Смотрит.

Что-то меняется в его глазах. Безумный блеск уходит, сходит пена.

Что-то... Понимание? Ужас? Да, почти ужас...

По моей щеке катится слеза.

И он вдруг со стоном поворачивается на живот, уткнувшись лицом в подушку. Я вижу, как напрягается спина, как сжимаются кулаки и белеют костяшки на пальцах от напряжения. Хрипло и неразборчиво ругается, сам на себя. Потом, словно очнувшись, поворачивается ко мне.

– Тиль... я напугал тебя, да?

– Да, – тихо говорю я.

– Прости...

И он снова бормочет какие-то проклятия, я не могу разобрать.

Я вижу, ему страшно самому.

Шрам у него на спине, под лопаткой. Затянувшийся, но все еще свежий. Ножом? В сердце?

Мне так хочется спросить – как это было. Но я боюсь, что он скажет правду. Вдруг все именно так, как говорил Коррин. И я боюсь, что он солжет мне.

Я молчу.

Он отчетливо скрипит зубами.

– Такого больше не повторится, Тиль, – говорит мне.

Я вижу, как ему плохо самому. Он потерял контроль, а теперь... Я даже боюсь думать, что это значит. Боюсь, что он никогда уже не будет прежним.

* * *

Я сидела с ним рядом на пиру.

Мы праздновали все разом – его возвращение, победа в Гилтасе, победа здесь. Эрнан наголову разбил войска Коррина и его самого взял в плен.

Я вдоволь полежала в горячей ванне, хорошенько вымыла волосы, велела уложить их красиво. Надела лучшее платье.

Вот только на руках остались синяки. Нет, под кружевами почти не видно, но... Эрнан сидел рядом, и он заметил, конечно. Вздрыгнул, поджал губы. И ничего не сказал.

Мои сны. Я видела его мертвым. Я видела, как он мертвым возвращается ко мне.

И мне было страшно.

Даже проскользнула дикая мысль: лучше бы он не возвращался. Но нет же! Я сразу отогнала ее. Он здесь. Все будет хорошо. Может быть, пройдет время, и все уляжется. Все наладится. Ну что такого случилось, на самом деле? Я пыталась уговорить себя. Но где-то в душе понимала, что ничего уже не изменить.

Если бы он не вернулся – мы бы тут умерли. От голода. Или Коррин наконец бы добрался до нас. Без Эрнана мы были обречены. Это лишь вопрос времени.

Я видела, как люди радуются. И радовалась вместе с ними, но...

Потом поднялся Лохан.

– Я хотел бы выпить за королеву! – сказал он. – За ее мужество! За ее волю и веру! Только благодаря ей Небесная Нит выстояла в эту зиму. За королеву!

– За королеву! – грянул зал.

У меня зазвенело в ушах и вспыхнули щеки.

Потом Лохан говорил что-то еще, я почти не слышала слов. Я понимала, что это правда, но когда говорят о тебе, вот так... страшно смущалась.

Эрнан улыбался. Он слушал внимательно и был рад. Он мной гордился, наверно.

– За королеву!

Он выпил свой кубок до дна. Я едва прикоснулась. Мне было нехорошо.

Он много пил. На этот раз на самом деле, не воду, как было в тот первый раз. Эрнан, всегда такой спокойный и сдержанный, сейчас орал вместе со всеми победные песни, и у него заплетался язык. Не то чтобы я никогда не видела его пьяным... сейчас половина рыцарей напилась еще похлеще его. Но что-то было не так.

Может быть, я придумываю себе все это? Просто схожу с ума?
Я просидела с ним до самого конца.
Я видела, что он уже не стоял на ногах, как Лохан и Арек с другой стороны под руки ведут его в спальню. Я пошла к себе.

Ночь была ясная. Полно звезд. Я вышла на балкон, немного подышать. Ветер нес терпкий аромат мирта и кипарисов, вдалеке шуршал прибой.

Постоять так немного, прийти в себя.

Тихий стук в дверь.

– Ваше величество!

Лохан?

Я подошла, открыла сама.

– Что-то случилось?

– Нет. Простите, что побеспокоил вас, – ему явно было неловко, он не мог подобрать слов. – Простите, ваше величество. Я всего лишь хотел сказать: будьте осторожны.

Он кивнул на мои руки. Синяки. У меня нет праздничного платья, полностью закрывающего руки, я и так нашла самое закрытое... Только повседневные, да и то... Может быть, стоит сшить?

О боги, о чем я думаю! Такого больше никогда не повторится!

Я кивнула. Буду. Я буду осторожна.

– Ваше величество, – сказал Лохан. – То, что говорили о нем – почти правда. Короля действительно серьезно ранили. Ножом в спину. И даже думали, что он умрет. Но он не умер... Только после этого он словно стал другим человеком. Совсем другим. Я говорил с Ареком... После того, что мы видели в Тааракаре, тех оживших мертвецов... – Лохан запнулся, скрипнул зубами, долго смотрел на меня. – Простите. Будьте осторожны, ваше величество.

Он стоял передо мной такой бледный и хмурый, еще более осунувшийся, чем даже в самые тяжелые дни осады.

– Все будет хорошо, Лохан, – сказала я.

Он кивнул.

Потом я закрыла за ним дверь. Без сил опустилась на пол. Закрыла лицо руками.

Мои сны...

Глава 24

Что-то лежало у меня на кровати.

Утром я вышла немного прогуляться, а когда вернулась – это уже было здесь.

Я подошла.

Игрушки...

Я сначала не поняла – что за игрушки? Зачем? И только потом...

Чуть не заорала, зажав ладонью рот.

Игрушки Гарана. Я так хорошо их помню. Большая красная трещотка... Гаран любил ее звук, каждый раз замолкал, прислушивался. А еще деревянный рыцарь. Для рыцаря он, конечно, был еще мал, но я помню, рыцарь стоял у кровати, это еще отец приготовил в подарок для внука.

А теперь они тут?

Откуда?

У меня замерло сердце.

Гаран здесь?

Или кто-то хочет напомнить мне о его смерти?

Почему сейчас?

– Луцилия! – Флир вошла.

Такая веселая и счастливая. Она явно хотела что-то сказать, поделиться замечательной новостью... я же видела, Рух приехал вместе с Эрнаном. Он вернулся к ней?

Она хотела сказать, но увидела мою панику.

– Что случилось? – удивилась Флир. – На тебе лица нет!

– Иди сюда...

Я позвала ее. На какое-то мгновение подумалось – а не мерещится ли все это мне?

Флир подошла.

– Что...

Начала она и запнулась. Тоже увидела. Непонимание отразилось на ее лице. Она глянула сначала на игрушки, потом на меня.

– Откуда?

– Не знаю, – я нервно дернула плечом.

Флир, конечно, узнала тоже, она видела эти вещи.

– Не знаешь? Как такое может быть?

Я только качала головой.

– Может, кто-то подложил? – предположила Флир. – Ты никого не видела?

Нет, они сами сюда прилетели! Магия!

Конечно, подложил...

Я вдруг испугалась, что еще кто-то войдет и увидит. Не сейчас. Мне и одной Флир хватит с лихвой.

Я схватила игрушки, быстро спрятала подальше, в ящик стола, заперла его на ключ.

– Никому не говори, поняла? – сказала я.

Флир кивнула.

Еще какое-то время мы стояли и глупо смотрели друг на друга. Это так странно. Надо хоть с Эрнаном поговорить... С Эрнаном...

– Ты что-то хотела? – я, наконец, взяла себя в руки.

– Да... – Флир тряхнула головой. – Я хотела попросить у тебя прощения за все... Луцилия, милая! Я была так не права, я поступала не всегда хорошо с тобой, говорила много лишнего... мне так жаль! – она говорила все это и улыбалась, глаза ее снова начинали весело сиять. – Луцилия... я была такой ужасной, и теперь... Прости меня. Я не могу уехать, не попросив прощения у тебя. Ты ведь отпустишь меня, правда?

Она говорила так искренне.

Я вздохнула.

Как бы я не относилась к Флир, но приятно было видеть, что хоть у кого-то все хорошо.

Я могу не отпустить? А если я скажу: «нет»? Они сбегут без моего согласия?

– Рух позвал тебя с собой, да?

– Да! – Флир прижала руки к груди. – Да! Он приехал за мной! Представляешь! Я почти не верила. Он хочет жениться на мне и увезти с собой.

– Рада за тебя, – сказала я.

Наверно, действительно рада.

Хотелось спросить снова: «ты любишь его?» Но я не стала. Зачем? Даже если она просто хочет лучшей жизни. Почему бы и нет. Возможно, они оба стоят друг друга.

Пусть уедет.

Флир была так счастлива.

* * *

Море шуршало галькой, тихо-тихо.
Купаться еще рано, холодно, но хотя бы немного походить по воде.
Я так скучала по морю! За всю долгую зиму осады я могла только
смотреть издалека, из окна. А сейчас хотелось нырнуть с головой.
Я сняла туфли.
Пальцы утопали в мелкой гальке... так хорошо!
Я подобрала юбку, зашла по щиколотку. Волны набегали и уносили
прочь, щекотали ноги. И ни о чем больше не думать. Хоть немного. Забыть.
Так просто. Я и волны.
Как в детстве.
Так хорошо.
Как не хватало мне всего этого!
Я закрыла глаза. Подставила лицо солнцу.

* * *

Еще в саду, под окнами, я слышала крики. Из моей спальни?!
Что-то происходило там.
Я со всех ног бросилась бежать.
Мне показалось, кричала Флир. Так страшно, срывая голос.
Я же сама...
Когда я уходила утром гулять к морю, Флир все крутилась у дверей
моей комнаты и явно кого-то ждала. Веселая и загадочная. Она еще
спросила: долго ли меня не будет? Я сказала, что скорее всего вернусь к
обеду. Флир радостно закивала.
Я понимала, что у нее на уме. Не одобряла, но ругаться и ссориться
мне было лень. Эта будущая жена Уларского наместника скоро совсем
исчезнет из моей жизни. Еще немного, и Рух увезет ее. Пожалуй, они
действительно друг друга стоили. А пока ее интересовала моя широкая и
мягкая кровать. Подозреваю, что не впервые, но Флир была аккуратна, и я
никогда ничего не замечала потом.
Да и к демонам.
Мне было вообще не до того.
Флир кричала.
Что-то пошло не так?

Я со всех ног бросилась наверх, к себе. Я понимала, что бежать долго, и пока я добежу...

Она так кричала, что у меня сердце заходило от страха.

Когда я влетела, наконец, в свою спальню, она уже сидела тихо-тихо на полу, забившись в угол, вся в крови, трясась от страха. У нее были такие безумные глаза...

Кровать в крови... столько крови.

И Рух... да, это он... длинные светлые волосы... разрубленный чудовищным ударом от ключицы до подмышки.

Мне стало нехорошо.

Рядом с кроватью, на полу, сидел Эрнан, уставившись в пол. Неподвижно. Он поднял глаза, когда я вошла. Зажмурился. Закрыв лицо руками.

Мне показалось, я сейчас упаду. В глазах темнело. Но я не могла даже пошевелиться, не то что уйти.

Я видела, люди начали собираться. Где-то на высокой ноте завизжала горничная.

Я видела, как вошел Лохан. Остановился в дверях, глянул на меня. Потом подобрал сдернутое с кровати покрывало, подошел к Флир, набросил ей на плечи, помог подняться. Она вся тряслась и не могла стоять на ногах. Нет, она не ранена, просто в шоке. Это не ее кровь.

«Нашли место!» – сердито буркнул кто-то за спиной. «Сами виноваты».

Я тихо вышла.

Пошла прочь.

Подальше.

Куда угодно, лишь бы не видеть всего этого.

* * *

Я ушла в старые комнаты Хаддина.

Все равно куда, лишь бы подальше. Я теперь долго не смогу зайти к себе. Все это так и стоит перед глазами.

Кровь...

Мертвый Рух...

Перепуганная насмерть Флир.

Эрнан думал, что там я. Что я... С кем? Разве я давала повод так

подумать обо мне?

Хотя дело не во мне. И это еще страшнее.

Заперла дверь. Никого не хотела видеть и ни с кем говорить. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Я просидела так весь день. Кто-то стучался, я не стала открывать. Не сейчас.

Вечером горничная принесла еды. Теплого молока. Вина.

Я выпила немного. Даже хотела попросить принести крепкого тиронского, напиться и не думать ни о чем... Но словно очнулась.

Вдруг перед глазами встали баночки со снотворным в комнате Флир.

Как она? Не наделала бы глупостей. Мне нужно бы сразу...

Я спешно привела себя в порядок, умылась, вытерла слезы. Взяла себя в руки, наконец.

Нужно пойти к ней. Узнать.

Она была так счастлива, когда Рух вернулся за ней. А теперь...

Идя по коридорам, честно боялась наткнуться на кого-нибудь. Особенно на Эрнана. Я сейчас не в состоянии ничего объяснить. И слушать его объяснения тоже не готова. Потом.

В комнате Флир было пусто.

Что...

Так... спокойно! Где она может быть?

С большим трудом я нашла свою горничную. Она забилась куда-то от страха и не хотела выходить.

– Флир ушла с сэром Лоханом, ваше величество.

Где комната Лохана – я знала. Только бы не подставить еще и его.

Постучала в дверь.

Мне показалось, из-за двери донеслось тихое всхлипывание. Я прислушалась. Да, точно. Постучала еще.

– Кто там? – настороженно спросил незнакомый женский голос.

– Луцилия, – громко сказала я. – Королева. Мне нужно поговорить.

Мне открыла испуганная женщина, кто-то из прислуги. Чуть приоткрыла, высунулась наружу, чтобы я не видела ничего, происходящего в комнате.

– Вы ищете сэра Лохана, ваше величество?

– Я ищу Флир, – сказала я. – Может быть, ты знаешь, где она?

Женщина оглянулась через плечо, какое-то время она еще

сомневалась... Спросила что-то, потом сдалась.

– Леди Флир здесь, ваше величество.

И распахнула дверь.

У Лохана было довольно просторно и светло. Флир сидела на кушетке у окна, заплаканная, настороженная. Рядом с ней какой-то паренек, Ниван, кажется, оруженосец Лохана. Он несмело держал Флир за руку и, видимо, пытался успокаивать. Самого Лохана не было.

Увидев меня, Флир снова всхлипнула, теперь уже в голос.

– Как ты? – спросила я.

Мне хотелось придушить ее и пожалеть одновременно. Кажется, она испытывала похожие чувства. И пусть я не виновата в ее бедах, но все же...

– Он... он убил его... – голос Флир дрожал.

– А чего ты ждала? О чем вы вообще думали?

– Он влез в окно! – Флир зарыдала с новой силой, уткнувшись в плечо мальчика-оруженосца, тот аж вздрогнул. – Мы заперли дверь. Думали, если кто придет – успеем спрятаться. Рух успеет. Я открою. Скажу, что тебя нет... Но он влез в окно! Через балкон! Мы даже не успели заметить! А потом... Он... убил его... так... со всего маха...

Флир рыдала, вздрагивая всем телом.

Я даже не знала, что ей сказать.

С ней-то хоть все в порядке, и ладно.

– А почему ты здесь? – спросила я.

– Лохан велел посидеть у него, пока все не уляжется, – Флир невинно шмыгнула носом.

Лохан сказал. Отчего-то это слегка задело. Не хватало еще, чтобы она начала вешаться на шею Лохану. Променяла одного наемника на другого с такой легкостью... Хотя, если подумать, Лохан уже взрослый мальчик, может быть, он только и ждет, чтобы на него кто-то начал вешаться? Он разберется. А делать глупости, как Рух, он никогда не был склонен.

– Хорошо, – сказала я.

– Что теперь будет? – спросила Флир.

Я покачала головой.

Откуда я знаю.

– Я боюсь, – всхлипнула Флир. – Боюсь, что он вернется и убьет меня тоже!

Надо решиться.

За дверью были слышны голоса. Приглушенные, спокойные.

Они оба там? Или кто-то еще?

Постучала.

Мне открыл Лохан. Кивнул, словно ожидал, что я приду, чуть посторонился, пропуская внутрь.

Эрнан сидел в кресле у окна. Так спокойно, даже расслабленно, словно они тут с Лоханом вели неторопливые светские беседы о погоде. Но ведь не так. Я хорошо знала их обоих. Напряжение чувствовалось и едва ли не трещало в воздухе искрами.

– Рад, что ты пришла, – медленно сказал Эрнан. Мне показалось, он пьян. Что-то было такое в его голосе.

– Я хочу поговорить, – сказала я. И даже не могла придумать, с чего начать.

Я пришла не обвинять его. Я пришла понять, что делать дальше. Как случилось все это, и что теперь.

– Садись, – Эрнан кивнул на другое кресло рядом. Потом повернулся к Лохану. – Иди пока. Если хочешь, посиди за дверью.

Лохан колебался. Недолго, но все же. Он посмотрел на меня, словно спрашивая разрешения уйти, я кивнула. И только тогда он вышел.

Эрнан невесело улыбнулся.

– Он переживает за тебя, Тиль. Боится, что я могу наброситься и сделать что-нибудь нехорошее.

– Почему?

Я понимала, что это глупый вопрос. После того, что случилось. И все же я не могла поверить, что Эрнан реально может что-то сделать мне.

– Потому что он знает меня лучше, чем ты, Тиль. Я был прав, когда оставил его с тобой. Теперь у тебя есть защита.

– Что ты говоришь такое! – я не верила своим ушам. – Ты пьян? Что...

Эрнан покачал головой.

– Нет. Они напоили меня снотворным и успокоительным, просто лошадиную дозу. Но оно на меня не действует. Совсем. То есть, у меня заплетается язык, но спать я не могу. Уже давно.

– Давно?

Я поняла, что у меня холодеют руки, холод сжимается внутри.

– Да, с тех пор, как высадились здесь. Мне еще удалось немного поспать на корабле, но потом – уже никак. Ингрун говорила – это верный знак. Ты не пугайся так, Тиль, все уже и без того понятно.

– Это не правда...

Мне казалось, я вижу страшный сон. И спокойное, расслабленное лицо Эрнана, его совершенно ясные глаза, его чуть замедленный голос делали этот сон еще страшнее.

– Правда. Я должен был умереть раньше. Еще там. Я даже не знаю, как вышло, что я не умер. Наверно, во всем есть своя справедливость. Я должен был вернуться. Ты ведь ждала меня. Знаешь... я лежал там в горячке, в бреде, и в голове все время крутилась одна мысль – нужно вернуться. Я уже тогда знал, что Коррин собирает армию и идет к тебе. Я не мог тебя бросить. Там, в Уларе, нам еще предстояла решающая битва. Даже если бы мои люди одержали победу, они не пришли бы на помощь к тебе. Часть из них вернулась бы в Лохленн, часть разошлась бы по домам. Часть, лорды Таррена, вполне поддержала бы Коррина, куда им податься еще, если короля нет? Возможно, кто-то и пришел бы к тебе, но их сил не хватило бы. Я не мог не вернуться, Тиль.

Он вздохнул.

Мои сны. Мне вдруг стало так невыносимо страшно.

– Хочешь вина? – предложил Эрнан. – Вон там на столике. Налей себе. Я боюсь, разолью, у меня от этого снотворного трясутся руки. Ничего, к утру все пройдет.

Я не хотела сначала. Но ведь он собирается рассказать мне что-то еще?

Встала, налила себе полный бокал. Выпила залпом до дна, толком даже не поняв, что там за вино было. Лучше так. Успокоиться. А то еще немного, и у меня случится истерика.

– То, что случилось сегодня, Тиль... – Эрнан смотрел на меня. – Я почти не помню, как это было. Я даже не уверен, что в таком состоянии смог бы понять: Флир это или ты, – он усмехнулся, вздохнул. – Рух был моим другом. Столько всего прошли вместе... Но больше всего я боюсь, что это повторится снова.

Я видела, как он сжал пальцы в кулак.

– Нет...

Безразличие в его глазах. Может быть, от снотворного, может, он просто уже смирился.

– Это зашло слишком далеко, Тиль.

– Нет! – я опустилась на пол рядом с ним, обняла, положила голову ему на колени. – Нет, Нарин! Мы обязательно придумаем что-нибудь. Должен быть выход!

Он сморщился, с усилием поднялся на ноги, заставляя и меня подняться тоже. Его слегка пошатывало.

– Твой отец тоже думал, что все можно исправить, – сказал он. – Он

очень хотел вернуть сына. Ты думаешь, для чего он притащил меня сюда? Жизнь за жизнь. Жизнь принца за жизнь принца. Он надеялся, это может сработать. Вряд ли это было первой его попыткой, до этого Майлог успел перепробовать сотни других способов. Он держал меня в подземелье под Покойницкой башней больше года. Первое время постоянно приводил ко мне жреца Темного. Тот осматривал меня, мазал кровью, дегтем, молоком и хрен знает чем еще. Резал мне руки, капал моей кровью в огонь, что-то пытался увидеть там. Давал мне какое-то горькое питье, от которого были видения. Майлог хотел принести меня в жертву.

Мы стояли совсем рядом. Эрнан обнимал меня за плечи, глядел мне в глаза...

Я пыталась представить пятилетнего мальчика, семью которого жестоко убили, его самого увезли из дома и целый год вот так... Как он мог выжить? Не сойти с ума? Как смог остаться человеком...

Эрнан облизал губы.

– Они много говорили о чем-то, твой отец и жрец Темного, даже спорили. Я не понимал, о чем, понимал лишь, что Майлог чего-то хочет, а жрец против. В конце концов от меня отстали. Знаешь, когда Майлог вел меня на казнь, на скалу, то сказал: «Я оставил тебя в живых только потому, что надеялся, что ты спасешь моего сына. Пусть не сразу, спустя годы. Но теперь уже некого спасать. Мои сыновья мертвы». Я не понял тогда, подумал даже, что он придушил в гневе Хаддина. Но Хаддин был мертв иначе.

– Но это еще ничего не значит! Нарин, если отец не нашел ответ, то, возможно, найдем мы?

Он покачал головой.

– Я говорил со жрецами, Тиль. Не только с нашим, с разными. В Таррене, в Лохленне, в Гилтасе, Тааркаре... С некромантами. С русалками. С кем только ни говорил. Ты думаешь, я не хочу жить? Можно воскресить тело, но с душой все намного сложнее. В Тааркаре обычно не заботятся о душе. Русалки умеют ловить душу и привязывать ее. Но это, сама видишь, тоже получается не всегда. Жрецы Темного говорят, что возможно выменять жизнь за жизнь, но не могут припомнить ни одного случая, чтобы кому-то это удалось.

Он поджал губы, словно хотел сказать что-то еще, но передумал.

Мне все казалось, я упускаю что-то важное.

Отец знал больше меня.

– Почему «спустя годы»? – спросила я. – Спустя годы ты спасешь его?

Эрнан пожал плечами. Чуть наклонился, поцеловал меня.

– Он не сказал мне, Тиль.

Отец не сказал, но сам Эрнан прекрасно знал ответ. Я видела. Мне кажется, даже я знала. Надо только собраться, вспомнить, понять...

Его губы сухие и теплые. Его руки обнимают меня так осторожно, словно боясь сломать...

Потом мы долго лежали в кровати, так же обнявшись... До утра.

Тихо и молча. Я все надеялась... Иногда мне казалось, он спит. Но стоило пошевелиться, и он открывал глаза.

Я прижималась щекой к его груди. Слушала, как бьется его сердце. Слушала его дыхание. Он живой ведь, он здесь со мной! Не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать! Его душа здесь! Хаддин был совсем другим. Хаддина никогда не волновало ничего, кроме его личных желаний и интересов. Он никогда не беспокоился за меня, Оуэна, за кого-то еще... Тогда, возможно, действительно ничего нельзя было сделать, но не сейчас.

Я обнимала его. Лежала тихо-тихо. Притворялась, что сплю.

Когда-то я оживляла бабочек. Было ли это на самом деле, или, как говорили мне – бабочка просто уснула, а потом отогрелась в ладонях? Меня так пытались убедить, что это невозможно.

Эрнан не бабочка. Да и я не умею, не представляю, что делать. У кого спросить?

Я прижималась к нему всем телом, обхватывая руками и ногами. Я закрывала глаза. Пыталась представить... В детстве это происходило само собой. Но я старалась.

Иногда мне казалось, что начинаю проваливаться в какую-то глубокую пропасть. Кругом огонь. Видение это или сон? Я даже это не могла понять наверняка. Возможно, просто сон, я засыпала...

Огонь обжигал меня, и я вздрагивала, просыпалась.

Эрнан бережно гладил меня по плечу. Он тоже, наверно, думал, что мне снятся страшные сны.

Закрывала глаза, и все повторялось.

Я даже пыталась не просыпаться, продержаться немного. Вдруг этот сон что-то значил? Это не просто так? Огонь, бездна... Колодец Темного? И там внизу...

Я пыталась. Стиснув зубы, вцепившись в Эрнана крепче, не отпускать...

На этот раз он разбудил меня. Тряхнул за плечи, заставил сесть.

– Что с тобой? – У него были такие напряженные взволнованные глаза.

– Страшный сон, – сказала я.

Оказывается, я стонала и дрожала во сне, он испугался.

Хотела было лечь и обнять его снова, но вдруг вспомнила.

– Нарин, скажи... меня в детстве пугали скитальцами. Говорили, они придут и заберут меня... Ты что-то знаешь?

Эрнан нахмурился.

– Скитальцев нет, это лишь легенды, – сказал он. Сурово, почти со злостью. – Забудь, Тиль.

– Но кто это?

– Почему ты вдруг вспомнила?

– Не знаю, – сказала я. – Ты вспоминал о детстве, и я тоже. Помнишь, я оживляла бабочек? А отец потом ругался на меня. Он говорил, меня заберут скитальцы.

Он смотрел на меня, и его лицо стремительно бледнело.

– Я что-то слышал, Тиль. Но... не знаю. Демоны. Не живые и не мертвые.

Он вдруг резко встал на ноги, отошел в сторону, словно испугавшись меня, потом к столику, налил из кувшинчика себе вина. Его руки чуть подрагивали.

– Что случилось? – я сама испугалась немного. Я сказала что-то не так? Что?

– Все хорошо, Тиль.

– Но ты так... Я не понимаю! Что случилось? Вдруг это что-то важное? Вдруг я могу помочь?

– Нет! – Так резко, что я вздрогнула, внутри все сжалось и оборвалось. – Забудь об этом, Тиль. Это слишком опасно. Ты скорее погибнешь сама, чем сможешь кому-то помочь. Не стоит играть со смертью. Я не хочу больше слышать про это! Поняла!

Не просьба – приказ. Жестко и страшно.

Я не понимала.

Он выпил свой бокал, потом еще один. Потом повернулся и вышел на балкон.

Я осталась.

Было не по себе. И еще было немного обидно. Я хочу помочь...

Глава 25

Капелька крови на ладони. Крови много, можно даже не резать пальцы. Теперь набрать немного воды. Шепнуть. Попросить Ингрун прийти ко мне. Потом отправить эту просьбу в море. Кровь и слова.

Потом только ждать.

Ждать невыносимо долго.

Я боялась, будет поздно.

То, что Эрнан наговорил мне сегодня утром... От его слов начинало трясти. Я понимала, чем он руководствовался. Понимала, почему вдруг решил все так быстро. Я напугала его своими бабочками и своими скитальцами. Он не привык, чтобы решали за него. Не привык рисковать чужьей жизнью, кроме своей.

Но это значило лишь, что я должна действовать быстро.

Пока он не наделал глупостей.

Я должна знать, что делать. Надеюсь, Ингрун поможет мне.

Сегодня утром...

Сегодня утром он поймал меня в саду.

После того разговора я ушла в комнату Хаддина. Просидела там до рассвета. Надо было что-то делать, я решила идти к морю. Но по дороге он успел перехватить меня. Догнал, схватил за руку.

– Куда это ты? – Его глаза лихорадочно блестели. И я почти видела Хаддина в этих глазах. Почти безумие.

– Отпусти, – спокойно сказала я. – Мне нужно поговорить с Ингрун.

Главное – спокойно. Не пугаться... О, боги! Главное, не начать бояться его.

– Нет! Ты никуда не пойдешь!

И такие знакомые интонации. «Это все из-за тебя! Ты должна умереть!» Главное – не начать бояться, как я боялась Хаддина.

Нет.

– Ты не сможешь остановить меня, – твердо говорю я. – Не тебе решать.

За эту долгую зиму я научилась отдавать приказы, научилась настаивать на своем. Спокойно и холодно, и чтобы голос не дрожал от волнения.

– Ты моя жена! Я запрещаю тебе!

– Ты не можешь мне запретить.

Хочется крикнуть: «И что ты сделаешь? Убьешь меня?»

Нет, так нельзя. Не сейчас. Спокойнее...

Его глаза вспыхивают. Его пальцы сжимаются. Словно накатывает волна.

Я понимаю, чего опасался Лохан – вот этого. Почти неконтролируемая агрессия. Он действительно может убить, еще немного – и может. Пока он еще пытается держать себя в руках, но надолго ли хватит? Возможно, потом он даже не будет помнить, как это было... Наверняка сожалеть. Но сейчас он не осознает, что делает. Вспышка...

Я пристально смотрю в его глаза.

Нужно успокоиться самой.

Вдох-выдох.

– Ты искал меня, Нарин? – мягко, вкрадчиво говорю я. – Ты хотел о чем-то поговорить?

Отвлечь. Сбить эту волну. Пока еще не поздно.

Никогда бы не подумала, что стану играть в такие игры.

Он моргает. Раз, другой...

– Искал.

Я вижу, он пытается справиться.

Вдох-выдох. И снова.

– Ты что-то хотел, Нарин?

– Хотел... – он закрывает глаза, зажмуривается, а когда открывает, того лихорадочного блеска больше нет. Меняется даже голос. – Тиль, ты же сама видишь, это зашло слишком далеко и не может продолжаться долго.

– Вижу, – говорю я. Сейчас не надо спорить. Это было ошибкой.

Боги! Я говорю с ним, словно с душевнобольным... Мне самой плохо от этого.

Эрнан хмурится.

– Иди сюда, сядь, – он тянет меня к скамейке у куста роз.

Удивительно, я понимаю, что ему самому надо собраться с духом. Даже сейчас. Волна схлынула.

Он что-то задумал?

Раннее-раннее утро, кое-где еще лежит роса. Ветер с моря пробирает до костей.

– Думаю, мне стоит уехать, – говорит Эрнан, его лицо уже почти спокойно, он справился. – Уехать и больше не тревожить тебя. Все рыцари останутся здесь, будут подчиняться тебе, как королеве. Коррин мертв, больше никто не сунется в ближайшее время. А потом просто нужно быть

готовой. У тебя все получится.

Его глаза такие же серые, как утреннее небо. Чистые, ясные.

«Уехать подальше и там тихо сдохнуть», – слышу я в его словах.

От страха сводит живот.

Нет!

Я пытаюсь осознать, собираюсь с силами, чтобы ответить, но он не дает мне сказать.

– Подожди, – говорит он. – Это еще не все. Когда ты останешься одна, тебе придется снова выйти замуж. Рано или поздно. Теперь ты сможешь решать сама, никто из лордов не откажет тебе. Только будь осторожна и не торопись. Выбирай человека, которому ты сможешь доверять. И еще, Тиль...

Мне кажется, я проваливаюсь в бездну. Лечу.

Он говорит что-то еще, я почти не слышу.

Когда я останусь одна...

Нет!

– Нет, – изо всех сил стараюсь не закричать. – Я не собираюсь снова замуж. Даже если останусь одна. С меня хватит!

И снова вдох-выдох.

– Хорошо, – ровно говорит он. – Тогда тебе нужен наследник.

Облизывает губы. Ему это тоже дается нелегко. Еще бы!

«Лучше быть матерью наследника, чем просто бездетной вдовой. А то сразу найдется много желающих оспорить право на землю», – помню я. Леди Разна, вдова Андроса, дочь корабельщика из Тиссы, хозяйка замка.

Наследник? Если бы я могла...

– Нет, – говорит он, не давая мне возразить. – Подожди. Послушай. У нас с тобой не может быть детей. У меня – не может. Мертвое не может породить жизнь. Но всем остальным необязательно об этом знать. Если ты родишь мальчика, его признают моим сыном. Главное, не слишком затягивать. Выбери кого-нибудь. Хоть Лохана... я же вижу, как он смотрит на тебя. Он северянин, как и я, темные волосы, серые глаза... Хочешь, я скажу ему?

Я даже не могу поверить.

Это сон?

Такого просто не может быть. Страшно хочется ляпнуть какую-нибудь глупость. Реальность словно ускользает. Кружится голова.

«Скажешь ему сам? А потом убьешь его?»

Нет.

– А если дочь? – говорю я со злостью.

– Что?

– Если у меня родится дочь? Как быть тогда?

Хочется убить его. Придушить за такие предложения прямо на месте.

Хочется разрыдаться. У меня тоже сдают нервы.

Не могу говорить об этом. Совсем. Не могу верить.

Вижу, как бледнеет и каменеет его лицо. Губы слегка подрагивают, словно он хочет что-то сказать, но не может. Правильно. Лучше помолчать.

Я понимаю, что он уже перестал надеяться на что-то для себя. Он добрался сюда из Гилтаса на одной лишь силе воли – должен был вернуться, спасти меня. И он вернулся. Теперь он хочет найти выход и помочь хотя бы мне, но сил уже нет. Никаких сил больше не осталось. Только лихорадочные метания. Все действительно зашло слишком далеко.

Но у меня другие планы.

Я не позволю ему сдаться.

– Я хочу поговорить с Ингрун, – решительно поднимаюсь на ноги. – Мне нужен ее совет. Как женщины. Как будущей королевы. Она куда мудрее любого из нас, она должна мне помочь.

Эрнан встает вместе со мной.

– Не пытайся остановить меня, – говорю я. – Иначе я буду кричать и звать на помощь.

Волны лениво набегают на берег, лениво переворачивают гальку с боку на бок, шуршат песком.

– Что с тобой, королева? – удивляется Ингрун. – Кто это сделал?

У меня разбита губа, кровь капает. Синяки на руках еще не сошли. Волосы растрепаны и порвано платье. Но это не имеет никакого значения сейчас.

– Мой муж, – говорю я.

Я помню новую волну безумия в его глазах. Он уже почти решился меня отпустить, но потом передумал, снова догнал... А потом – ужас. Больше даже для него ужас, чем для меня. Он ударил меня и только потом очнулся.

Ингрун хмурится.

– Ты пришла искать защиты у меня? – говорит она, ее голос как шорох прибоя.

– Я пришла искать помощи.

Морская царица подходит ближе, рассматривает меня со всех сторон, словно дикушку, словно видит впервые. У нее молочно-белая кожа и неправдоподобно большие синие глаза, высокие скулы. Вблизи так

отчетливо видно, что она не человек.

– Ты изменилась за эту зиму. Так повзрослела. Удивительно, как быстро взрослеют люди и как мало живут.

От ее слов пробирает дрожь. Ей больше трехсот лет, что для нее наша жизнь?

– Это была сложная зима, – говорю я.

– Дай мне руку, – говорит она.

– Нет, сначала вопрос, – я делаю шаг назад, не потому что боюсь, а просто... не сейчас. Сначала я хочу услышать. – Кто такие скитальцы?

По лицу Ингрун пробегают тень.

– Почему ты спрашиваешь?

– В детстве я умела оживлять бабочек, – говорю я. Сейчас не время скрывать. – Однажды, мне кажется, я смогла оживить даже мертвую птицу в саду. Но насчет птицы не уверена, может быть, она и не была мертва. Но с бабочками всегда получалось. Меня пугали, что если я еще хоть раз сделаю что-то такое, то скитальцы заберут меня.

Огромные глаза Ингрун смотрят на меня в упор, я не могу оторваться.

– Дай руку, – говорит она. Голос завораживает.

Я протягиваю. Ослушаться невозможно, мое тело действует само.

Ингрун берет мою руку в свою и накрывает другой ладонью. У нее тонкие, но очень сильные пальцы, словно сделанные из камня. Чуть шероховатая теплая кожа.

Легкое покалывание...

Ее глаза... Я смотрю в них, и словно меня подхватывает волна. Плыву...

– У тебя есть дар, но он спит, – говорит Ингрун, отпускает, отступает назад. – Давно я не видела такого у людей.

– Что это значит?

– Люди всегда считали скитальцев демонами, злыми духами, уводящими души людей в царство мертвых. Но это не совсем так. Скитальцы сами когда-то были людьми, но их души оторвались, застряли между мирами. Они ни там, ни здесь. Наш мир, нижний и верхний мир богов – могут попасть в любой, но нигде они не могут остаться. Они обречены вечно скитаться и не знать покоя. Когда скитальцы были людьми, у них был особый дар проводника между мирами, но что-то пошло не так. Опасный дар. Боги не прощают ошибок и слабости. Большинство срывается в первый же раз.

– И мой дар... он тоже такой?

– Да. Это опасный дар. Ты хочешь помочь ему? Хочешь вытащить из

колодца его душу?

– Хочу. Это возможно?

Русалка смотрит на меня, в ее глазах плещется море. И пробирает дрожь.

– Возможно, – говорит она медленно, словно оценивая. – Но для этого нужно нырнуть на самое дно. Сгореть полностью в огне, очиститься. Для большинства это значит смерть. Знаешь закон? Жизнь за жизнь, но для этого нужно добровольное согласие. Добровольно отдать свою жизнь за жизнь другого человека. Иначе ничего не выйдет. Между вами должна быть крепкая связь. И лишь оттолкнувшись от дна, можно вернуться назад.

Умереть.

– То есть, если я попытаюсь, то могу умереть?

– Можешь, – говорит она. – Если боишься, лучше не лезь в это. Если боишься – ничего не выйдет.

– Я не боюсь.

Эрнан знает. И он никогда не позволит мне. Это опасно, и он никогда не позволит мне рисковать. Он скорее умрет сам, чем согласится на это.

Нужно что-то придумать.

– А почему с бабочками выходило так легко? – спрашиваю я. Хочется разобраться во всем.

Ингрун улыбается.

– Души бабочек не падают в колодец, они остаются здесь, в нашем мире. Ты просто брала их и возвращала. Но люди не бабочки. К тому же с Эрнаном все намного сложнее – он еще жив, его душа здесь. И его душа привязана к телу.

* * *

Я долго стояла в поле, в траве. Мне нужно было собраться с силами и с мыслями.

Я уже решилась, но все равно...

Нельзя бояться.

Нужно продумать все хорошенько и действовать наверняка. У меня только одна попытка. Я справлюсь.

Понять, как быть с Эрнаном. Уговорить его? Заставить?

Я стояла в поле, по колено в траве, и меня трясло. Не от страха даже, от напряжения.

Не стоит тянуть.

Чем дольше тянешь, тем хуже. Ингрун рассказала мне. Я знала что делать, но нужно было просто собраться.

Что-то происходило в замке.

Я не могла сказать наверняка, но... Тихо. Необычно тихо. Пусто на тренировочном дворе. Где все? Я встретила Арека на лестнице. Он окинул меня взглядом и как-то странно усмехнулся. Почти с сочувствием. Конечно, я понимала, что выглядела дико в порванном платье и с разбитой губой, но что-то мне казалось, дело не в этом.

В чем?

Что-то уже началось?

Сейчас не время.

Главное, чтобы ничего не помешало мне. А с этим я разберусь чуть позже.

Зашла к себе, умылась, переделалась.

Мне нужно снотворное, веревка и кого-нибудь в помощь. Нужно найти Лохана.

Боги, как все непросто!

Возможно, это самый глупый план из всех, какие было возможно придумать, но другого у меня нет. Не так уж он и плох, на самом деле.

Нужно подготовиться.

Снотворное, нож, веревка...

– Луцилия!

Ее голос заставил меня почти подпрыгнуть на месте.

Сухой, властный, и в нем уже звучат нотки триумфа.

Маргед.

На пороге моей комнаты.

В первое мгновение: «О, боги! Она жива! Какое счастье!» И только потом осознание.

Игрушки на моей кровати.

– Что ты здесь делаешь? – сказала я.

Главное – не паниковать.

– Не ожидала меня увидеть? – спросила Маргед. Усмехнулась. – Вы с этим Вороном надеялись, что я утонула, да? Но не вышло. У меня влиятельные друзья. А у твоего Ворона, маленькая шлюшка, друзей совсем не осталось. Все отвернулись от него. Он сам виноват. И ты. Ты сама во всем виновата. Лучше бы умерла еще при штурме Небесной Нит! Лучше

бы умерла вместе с Хаддином, так было бы проще.

Она смотрела на меня с пренебрежением, едва ли не отвращением, словно на раздавленную лягушку, и мне показалось, я снова перенеслась в прошлое. Год назад. Когда отец умер, Хаддин совсем не стремился заниматься делами, и я впервые тогда попыталась влезть и разобраться... Но Маргед резко осадила меня. «Куда ты лезешь?» – сказала она, вот так же снисходительно, как и сейчас. «Государственные дела не касаются тебя. Скоро ты уедешь. Ты будешь ублажать своего мужа и рожать ему детей. Ни на что другое ты не способна».

Я не знала, что с ней стало после штурма. Эрнан не говорил мне. Утонуть? Друзья?

Отвернулись?

Мне показалось, земля уходит из-под ног. Только не сейчас!

Боги! Только не сейчас!

Нужно успокоиться.

– Где Эрнан? – И я изо всех сил старалась, чтобы голос звучал твердо.

– Зачем он тебе? – удивилась Маргед. – Это ведь он сделал? Он избил тебя? Не бойся, мы подыщем тебе нового, более ласкового мужа. Ты все же принцесса, тебя можно хорошо продать.

Превосходство. Легкая улыбка. Лед в глазах.

Маргед меня ненавидит. Теперь это не просто пренебрежение, а настоящая ненависть.

Попытаться сыграть, или...

– Я хочу его видеть! – сказала я. – Прямо сейчас.

– Ты осмелела, – Маргед чуть подняла бровь. – Но это тебе не поможет. Твоего Ворона казнят завтра на площади, как захватчика. На этот раз уж наверняка, я не стану повторять ошибок Майлога. Ему отрубят голову. И даже русалки не смогут оживить. Никакая магия не поможет. Хочешь, чтобы тебя казнили рядом с ним?

– Я хочу его видеть, – повторила я.

– Это не сложно устроить, – Маргед скривилась. – Он уже избил тебя. Возможно, даже убьет тебя этой ночью, и нам не придется марать руки. Повесим и это на него. От тебя мне нужно только одно – кольцо. Отдай мне.

Вот тут я попыталась соорудить самое невинное лицо, на которое способна.

Показала руки.

Главное, чтобы не начали обыскивать. Кольцо я давно уже носила не на пальце, а на цепочке под платьем. Его сила пугала меня.

– У меня его нет, – сказала я. – Ты же видишь. Я отдала его Эрнану, когда он вернулся. Если бы кольцо было у меня, он бы не смог меня ударить, не смог бы ничего сделать мне.

Я дотронулась до разбитой губы.

Маргед нахмурилась, но с такими доводами не поспорить.

– Стража! Взять ее! – громко крикнула она. И на пороге комнаты появляется Арек и еще несколько солдат.

Арек!

Даже друзья предали его. Вот, значит, как...

Лохана нет. Войска в миле за городом – надо узнать, кому подчиняются они.

Солдаты подошли ко мне с обеих сторон, взяли за руки. Мне не сбежать.

Сердце колотилось где-то у горла. Только не так...

Королева...

Она рассчитывает занять трон. Королева-мать? Регент? Мать наследника?

– А где Гаран? – спросила я. – Его уже привезли? Я могу увидеть своего брата?

– Что? – Маргед вздрогнула.

У нее было такое лицо, что стало понятно – я не ошиблась. Всего на мгновение, потом она справилась с собой, но этого было достаточно.

– Гаран бастард Майлога, – сказала я громко. – Он не имеет права на трон. Незаконнорожденный. У Хаддина не могло быть детей.

– Что ты несешь? – прошипела Маргед. – За такие слова ты умрешь тоже!

Мне показалось, сейчас она вцепится и расцарапает мне лицо.

Глава 26

Он лежал на соломе, на боку, поджав ноги, странно скрючившись и закрыв глаза. Узкая полоска света едва позволяла разглядеть, узнать...

Меня впихнули в камеру и заперли дверь.

Заскрежетал засов.

Эрнан приоткрыл глаза. Он смотрел на меня и, кажется, не мог понять, кто перед ним. Всматривался. И лишь потом вздрогнул, всем телом подался назад.

– Тиль... нет!

Я подошла, опустилась рядом с ним на колени. Он попытался отодвинуться к самой стене. Но это было не просто. У него связаны руки, крепко, сзади, скручены почти до локтей. У него вся рубашка в крови... Ранен? Это ведь его кровь? Похоже на то. Я только не могла понять где... все пропиталось.

Солома влажная и красная под ним.

Боги...

У меня только одна попытка.

– Уходи, Тиль! – едва слышно хрипит он. – Уходи! Слышишь!

Мне хочется плакать, но плакать нельзя.

Это как в поединке, если запаникуешь – умрешь. Я должна справиться.

– Я не могу уйти, – говорю осторожно. – Они схватили и меня тоже. Если ты не поможешь мне, то мы оба умрем.

Он стонет. Пытается подняться, хотя бы сесть, но не выходит. Сил нет.

– Нет, лежи. Не двигайся. Я могу помочь тебе, а потом ты поможешь мне. Хорошо?

Лихорадочный блеск в его глазах и еще – ужас.

– Нет! – просит он. – Не надо, Тиль. Не трогай меня! Нет! Не делай этого.

Он боится за меня.

Это опасно, я и сама прекрасно знаю, Ингун подробно рассказала мне. Но если этого не сделать сейчас...

Мне нужна его помощь. Или хотя бы согласие. Или даже пусть просто не мешает мне.

У меня есть нож, спрятан под платьем, никто не подумал обыскивать меня... да и много ли толку от ножа в камере приговоренному к смерти?

Я могу разрезать веревки и освободить ему руки.

Но я не буду. Не сейчас. Иначе справиться с ним будет еще сложнее.

– Ты ранен?

Он отодвигается, забивается в угол подальше от меня.

Словно напуганное животное.

– Нет-нет-нет! – Паника в его голосе.

Мне плохо и страшно. Я не знаю, что делать, что ему сказать. Он уже плохо осознает происходящее. Еще немного, и...

Я протягиваю руку, пытаюсь коснуться его плеча.

– Нарин...

И он вдруг вскакивает. И откуда только берутся силы. Подскакивает на месте. И в сторону. Он стоит посреди камеры, и от резкого движения открываются подсохшие раны, я вижу, как толчками течет кровь. Он не чувствует боли. Ничего не чувствует. Кажется, он даже плохо понимает, что руки связаны, как-то неуклюже дергает плечом. Словно животное, не человек. Лихорадочный блеск...

Хочется заорать в голос.

Только бы не было уже поздно!

– Нарин, – осторожно говорю я, осторожно, по полшага пытаюсь подойти. – Ты мне нужен! Мне нужна твоя помощь! Ты меня слышишь? Нарин? Ответь мне!

Я подхожу. Ближе, ближе.

Он пятится.

Бесполезно разговаривать. Он не слышит, не понимает меня.

И, наконец, он прижимается спиной к стене. Отступить некуда.

– Нарин? Ты меня слышишь?

Шаг, еще шаг.

Чуть отвожу руку назад. Хорошо, что у меня не связаны. Меня никто не принимает всерьез. А зря.

– Ты меня слышишь?

Прости меня!

Помоги мне, Небесная Мать!

И со всего маху я бью его по лицу. И потом снова, пока он не опомнился. Лохан научил меня драться не только с оружием, этой зимой у нас было время.

И сейчас – либо он придет в себя, либо вырубится. Мне все равно. Мне подходят оба варианта. Главное, чтобы не сопротивлялся. Цинично, жестоко, но на все остальное нет времени.

И он падает на пол. Судорожно хватая ртом воздух.

– Нарин?

Слезы все же катятся по моим щекам.

Я снова опускаюсь на колени рядом с ним.

У него открыты глаза.

– Ты слышишь меня? – говорю я.

Я и сама себя с трудом слышу.

Но он кивает.

– Сейчас мне очень нужна твоя помощь, – быстро говорю я. – Ты мне нужен. Живой, здоровый и в здравом уме. Нужен! Понял?! Я сейчас постараюсь помочь тебе, а потом ты постараешься помочь мне. Иначе нам не выбраться. Только так. Если ничего не сделать, завтра утром нас с тобой казнят. И меня тоже. Ты понимаешь? Если ты сейчас не позволишь мне тебе помочь, то завтра меня убьют. Мне одной не справиться. Сейчас ты закроешь глаза и будешь лежать тихо-тихо. Потому что любое твоё движение может помешать, и тогда мы оба с тобой умрем. Ты понимаешь меня? Нарин, ты понимаешь?

– Да. – Даже в темноте я вижу, как он смотрит на меня. – Хорошо, Тиль.

И я делаю глубокий вдох.

Все.

Сейчас.

Только бы никто не вошел, иначе... Нет, о таком нельзя думать.

– Закрой глаза, – говорю я. – Верь мне.

И он послушно закрывает.

Тогда я ложусь на пол рядом с ним. Обнимаю. Нет, надо не так, надо кожей к коже. Хотя бы ладонями. Я поднимаю его рубашку, там все мокрое и липкое от крови. У меня дрожат руки. Но ничего. Лучше к спине. Ладонями к спине. Обнять, прижать ладони, самой покрепче прижаться к нему и не выпускать.

Он вздрагивает. Дышит так прерывисто и тяжело. Ему очень больно и плохо.

– Сейчас ты умрешь, – тихо говорю я ему на ухо. – Но совсем ненадолго. Я должна развязать узелок. Только так я смогу вытащить тебя по-настоящему. Не бойся. Будет немного больно, но ты постарайся не двигаться сейчас.

– Хорошо, – так же тихо говорит он. – Давай.

И я закрываю глаза.

Никаких узелков, – сказала Ингрун. Душа должна быть свободна. Только так возможна полноценная жизнь. Душа должна вернуться и

прирасти сама.

Но для этого придется нырнуть на дно огненной бездны.

Русалки не способны на такое, огонь не их стихия.

Узелок.

Легко сказать, но найти и понять, что делать – совсем не легко. Не ошибиться. Ингрун рассказала мне, но... Лишь бы не сделать хуже. Развязать узелок – значит убить его.

Боги... Даже некого попросить о помощи. Небесная Мать не поможет в таких делах. А просить Темного...

Закрывать глаза, почувствовать себя с ним единым целым. Позволить себе провалиться.

Со мной уже было такое. Провалиться...

Это почти невозможно.

Нужно самой немного умереть, уйти...

И тогда я увижу...

С первой попытки я пугаюсь и вынырываю назад.

Так, успокоиться. Нельзя так делать. Если уж решилась, то идти до конца. Иначе это смерть для нас обоих.

Успокоиться.

Я прижимаюсь к нему и всем телом чувствую его дыхание.

Мне плохо от того, что я собираюсь сделать. Но иначе не выйдет.

Я не знаю других путей.

Второй раз легче.

Сначала кружится голова. Слабость, почти до тошноты, но это нужно преодолеть. Уйти... Я могу.

Самой исчезнуть...

Почти так же, как выпрыгнуть в окно башни. Но теперь все зависит только от меня.

Оторваться.

И я вижу его словно совсем другим зрением. С закрытыми глазами. Вижу свет. И тонкую ниточку... Я пытаюсь нащупать... Вот!

Я почти не верю, что все это реальность. Да и не надо. Надо просто делать.

Узелок. Так крепко. Я пытаюсь нащупать, пытаюсь справиться.

Слышу, или скорее чувствую, как Нарин стонет сквозь зубы. Ингрун сказала, что это так, словно тебя разрывает изнутри. Но нужно, чтобы он тоже не попытался вырваться из моих рук. Нужно его согласие. И мужество.

Я уже почти...

А потом мы вместе с ним полетим в бездну колодца.

В пламя.

Часть его души уже там. Нужно собрать все. Все осколки. Каждая смерть отрывает все больше, он скорее там, чем здесь. Его душа похожа на потрепанный парус. Нырнуть. Нужно пройти это и, оттолкнувшись от самого дна – вернуться. Вместе. Я должна вынырнуть и вытащить его.

Огонь обжигает.

Я держу его за руку. Это так странно. Моя душа держит за руку его душу. Крепко-крепко. И мы горим.

Самое главное – не испугаться и не рвануться назад. Выдержать. Заставить себя выдержать и не рвануться назад раньше времени, сгореть до конца.

Это почти невозможно.

Невозможно!

У меня нет сил.

Паника. Но паниковать нельзя. Еще немного...

Огонь!

И я почти растворяюсь в этом огне. От меня остается лишь пепел.

* * *

– Тиль...

Я почти не ощущаю своего тела. Такая легкость. В голове звенит.

Я парю где-то в небе, среди облаков. Я еще и там, и здесь.

– Тиль!

Он хочет, чтобы я открыла глаза.

Но здесь в облаках так хорошо... мягко... спокойно... Блаженная прохлада вместо огненной бездны. Так хорошо! Хочется остаться. Я страшно устала...

Я ведь сделала это!

Я думала, что умру, что уже поздно... это конец...

Но я достала до самого дна! Я видела, как его душа там наполняется светом, растет. Из тонкого, едва различимого призрака превращается почти в человека, переливающегося огнем изнутри. Обретает силу.

Теперь вверх!

И я отталкиваюсь со всей силы и лечу вверх, все так же крепко держа его.

– Тиль! Очнись, Тиль.

Что-то касается моего лица.
– Тиль, ну, давай же!
Нужно усилие, чтобы вернуться из облаков. К нему.
Здесь так хорошо.
А там страшно.
Но Нарин зовет меня. Я нужна ему.
И я открываю глаза.
– Тиль!
Он смеется. Это такой нервный смех облегчения, когда уже все позади.
Он прижимается лбом к моему лбу, щекой к моей щеке, носом... он целует меня.
И я, наконец, возвращаюсь.
– Нарин... – шепчу я.
Он улыбается – широко и счастливо.
И все равно, что мы в тюрьме, что связаны руки и что надежды почти никакой.
Но я сделала это!
Все получится.
– Как ты? – спрашивает он.
– Хорошо, – я улыбаюсь в ответ.
И только сейчас вспоминаю. Пытаюсь сесть. Тело слушается плохо, все затекло, и приходится разминать суставы, словно я лежу тут целую вечность.
– Сейчас, – говорю я. – У меня есть нож, я освобожу тебя.
Он поворачивается на живот, потом на бок, спиной ко мне, чтобы было удобнее.
Я достаю и режу. Веревки крепкие, поддаются с трудом, да и намотано так, что видно – его боялись.
Наконец, у меня выходит.
Он встает сначала на колени, поводит плечами, встряхивает руки. Пальцы словно задеревенели, тоже не слушаются.
– Спасибо тебе, – говорит он.
Я помогаю ему растереть запястья и пальцы ладонями, разогнать кровь. Он сжимает и разжимает руку в кулак.
Кажется, все.
Садится рядом и, наконец, обнимает меня. Крепко и нежно, и так хорошо, прямо до слез. Я всхлипываю. Потом и вовсе реву. Слезы ручьями катятся по щекам.
– Тихо, тихо, все хорошо, – шепчет он, гладит меня по волосам.

И мне очень хочется ему верить.

Потом мы вместе смотрим, как от раны на его боку остался лишь легкий розовый шрам. Столько крови вокруг, все промокло от крови, но раны нет. Затянулась.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

– Надо выбираться отсюда.

Он улыбается, словно это так легко.

* * *

Не бойся – сказал Эрнан.

Все получится.

Если только успеть – все получится.

У Маргед не так уж много настоящих сторонников. Она просто терпелива, она смогла появиться в нужный момент. Ошарашить. Люди видят, что король совсем не в себе, и с каждым днем все хуже. И тут появляется она. Обещает всех спасти, наградить и восстановить справедливость.

Да, Маргед знала, что делала.

Король убивает друзей, ближайших соратников – говорила она. Рух – Уларский наместник! И король наградил его, а потом убил! За что?! Скоро и с вами будет так же!

Кто-то сомневался. Кто-то боялся за свою жизнь и свое будущее. А кто-то хотел большего. Маргед обещала всем.

Арек, конечно... Арек хотел власти. Ему было мало.

Но кто-то еще остался верен.

К утру Лохан должен привести войска.

Но если к тому времени, когда он вернется, король Эрнан и королева Луцилия будут мертвы, то все эти войска бесполезны. Некого защищать. То, что мы еще живы – ничего не значит. Скорее всего, нас планировали убить на глазах у всех. Акт устрашения.

Тогда солдатам бесполезно сражаться. Не за кого. В стране останется только одна законная королева, и все должны присягнуть на верность ей.

Всего-то нужно было выиграть время. Появиться в нужный момент.

Но выход найти можно.

Только дверь заперта и мы одни.

Из оружия – лишь маленький узкий нож, но попробовать стоит.

Мы пытались привлечь внимание стражи. Надеялись, они откроют дверь, и Эрнан ударит. Он справится. А потом мы сбежим. Я знаю тайный ход к самому замку, Хаддин как-то водил меня. Подземелья манили Хаддина и пугали одновременно. В конце коридора, в нише, будет замаскированная дверь... а дальше уже просто.

Главное выбраться.

Я пыталась кричать, звать на помощь. Эрнан стучал в дверь.

К нашей двери даже подошел кто-то из стражи. Мы пытались изобразить звуки борьбы.

– Помогите! – кричала я. – Он сейчас убьет меня! Помогите!

Стражник за дверью только заржал, сказал, что пусть убивает, им потом меньше мороки. Так даже лучше.

Дверь не открыли.

Мы сидели с ним на полу, рядом, вслушиваясь в шаги в коридоре. В тишину.

Молчали.

Эрнан пытался что-то придумать, найти какие-то пути... Но что толку придумывать, если мы заперты и даже не представляем, что творится снаружи.

– А Гаран? – осторожно спросила я. – Он ведь тоже жив, да? Он в Лохленне?

Эрнан чуть вздрогнул, посмотрел на меня.

– Да, – сказал он. – В Лохленне. С Разной. Ты видела его. Мы только втроем знали об этом. Я, Арек и Лохан. Теперь и Маргед знает тоже. Маргед с сыном мы взяли еще до штурма крепости, когда заняли город. Случайно наткнулись. Тогда еще Арек предлагал зарезать их обоих побыстрому, чтобы потом не было проблем. Смешно, но одни обвиняют меня в том, что я слишком жесток, другие – что слишком мягок. Врагов нужно убивать сразу. Даже женщин и детей. Это позволит избежать еще больших жертв в будущем.

– Ты жалеешь, что не сделал этого?

Эрнан пожал плечами.

– Не знаю, – честно сказал он. – Чем больше я влезаю во все это, тем меньше понимаю, как правильно поступать. Правильно с точки зрения короля и с точки зрения человека – совсем по-разному. Куда проще быть простым наемником.

– Знаешь, – сказала я, – иногда я думаю... когда-нибудь, если мы сможем выбраться отсюда... Как бы хорошо было уехать куда-нибудь

далеко-далеко. Сбежать! И не думать о претендентах на трон, государственных интересах и прочем. Просто жить... Посадить оливы перед домом... капусту в огороде.

Эрнан улыбнулся, обнял меня за плечи.

Это как тогда, у фонтана... мы гуляли в городе вдвоем, и никто не знал, кто мы... Эрнан жонглировал яблоками... Так чудесно.

– Да, было бы хорошо, Тиль. Сбежать и не думать. Только не поможет. Потому что вот мы сидим тут в ожидании казни... Я даже не знаю, доживем ли мы до завтрашнего вечера или даже до утра. И о чем я думаю? О том, что у нас куча неоплаченных долгов, и надо срочно искать деньги, из-за осады сорваны переговоры с Фаннаром, Маргед наверняка вернет Восточный Улар Гилтасу, если на нее надавят. Какого демона меня должно это волновать сейчас? Кто бы сказал мне еще год назад, я бы не поверил.

Я засмеялась... хотя, на самом деле, это совсем не весело. Взъерошила ему волосы на затылке.

– Ты влип, да? – сказала я. – Эта государственная трясина затянула тебя по уши?

Он потянулся, поцеловал меня.

Мы оба, пожалуй, изменились за этот год.

– Затянула, – согласился очень серьезно. – Тебе страшно, Тиль?

Я кивнула.

Страшно.

– Мне тоже, – сказал он.

Там, где-то наверху, настал вечер, потом ночь. Сквозь крошечное окошечко под потолком можно было разглядеть звезды.

А на рассвете...

Нет, еще до рассвета мы слышали шаги.

Люди там, в коридоре. Они шли к нам. Я слышала лязг доспехов, поскрипывание дубленой кожи...

Эрнан услышал даже раньше меня. Мгновенно напрягся, вытянулся.

Их там много.

– В угол, – шепотом скомандовал Эрнан. – Вон туда, за дверь.

Я подчинилась. У меня снова все сжалось внутри. От ужаса. От ожидания.

Кольцо у меня на пальце – Эрнан заставил надеть. Я хотела отдать ему, но он не взял. «Если с тобой что-то случится, – сказал он, – я просто не смогу жить. Это потеряет смысл».

Поможет ли мне это кольцо?

В углу было темно, чтобы увидеть меня, им придется войти, выйти на середину камеры.

Эрнан притворился, что ничего не было. Отошел, лег на солому под окном, руки за спину... только в руке зажат нож. Чуть согнулся, одну ногу на пол. Со стороны кажется, что он просто лежит связанный, ему плохо, но я понимала, что из такого положения можно очень быстро вскочить на ноги.

Шаги.

Ближе...

Совсем рядом.

Сердце колотится так, что кажется – его стук громче, чем скрип замка.

Я судорожно пытаюсь молиться всем богам, сбивчиво, без разбора...

Вот сейчас...

И открывается дверь.

Первый вошедший держит факел. Мне плохо видно из-за двери, но я вижу, что он высокий, просто огромный.

– Где она? – его голос звучит глухо и требовательно.

Лохан?!

В какое-то мгновение мне хочется завизжать и броситься ему на шею. Он пришел за нами?! Нас спасут?! Какое счастье!

Но я вижу, как еще больше напрягся Эрнан. Он все так же неподвижно лежит на соломе, глядя на Лохана так, словно...

Нет...

И сердце замирает совсем.

Лохан не предатель! Этого не может быть!

– Где-то здесь, – слышу я голос Арека, слышу усмешку и едва скрываемое напряжение разом. – Стража говорила: она звала на помощь. Может быть, он уже сам убил ее? Ты же знаешь...

Свет от факела дергается, мечется по углам.

Маленькая камера заполняется людьми.

– Если она мертва, ты не получишь своего сына! – страшно говорит Лохан. – Тиль!

Я ничего не понимаю. Сына?

– Вот она! – Факел светит мне в лицо.

Одно мгновение, Эрнан вскакивает на ноги и вот уже стоит между мною и стражей. Мной и Лоханом.

– Что происходит? – его голос звучит жестко, как приказ.

Кто-то бормочет проклятья. Кто-то испуган. Эрнан должен быть связан и, вообще-то, почти при смерти.

– Вы же связали ему руки?! – кричит Маргед. Она тоже здесь, и ей все это очень не нравится. – Вы ничего не можете сделать как надо?!

Я скорее слышу, чем вижу, как Арек достает меч. Тихий лязг.

– Спокойно! – говорит Лохан. – Маленький принц все еще у нас. Если я не выйду отсюда вместе с Луцилией, его убьют. Прикажи им убрать оружие!

– Убрать! – командует Маргед. Она недовольна.

Арек зло ругается сквозь зубы.

Лохан подходит ближе. В одной руке у него факел, другая... Нет, другая рука привычно тянется к ножнам, но ножны пусты. Он безоружен.

– Что происходит? – снова спрашивает Эрнан, на этот раз очень тихо.

Лохан возвышается над ним, он едва ли не на голову выше Эрнана. И Эрнан смотрит на него снизу вверх.

А Лохан смотрит на меня... Все же самообладания ему не хватает, переживания очень ясно отражаются на лице.

– Луцилия? – Лохан облизывает губы. – Ты... у тебя платье в крови?

Я качаю головой. Хочется сказать, что со мной все хорошо, но моего-то самообладания не хватает даже на это, горло перехватывает, я только беззвучно шевелю губами.

Ничего не понимаю.

– Это моя кровь. Все в порядке, – говорит Эрнан. – Зачем ты здесь?

Лохан смотрит на него, потом на меня, снова на него... моргает.

– Гаран у нас, – говорит он. – Мои люди уже выехали за ним. К тому же мы перехватили тех, кого отправил Арек. Я обменяю Гарана на Луцилию, как только его привезут сюда.

– Ее отпустят с тобой? – Эрнан не очень верит.

Все же я королева... принцесса, дочь Майлога. Я...

– Если она хочет получить своего сына живым, то отпустит, – говорит Лохан. – К тому же Луцилия больше не будет опасна и не сможет претендовать на трон.

Эрнан ждет продолжения. Но Лохан пытается собраться с духом.

– Наш Лохан всегда мечтал жениться на прекрасной принцессе! – громко говорит Арек откуда-то из темноты. – Он женится на тебе, малышка! И ты потеряешь все права на трон. Потому что такой грязи, как мы, никаких прав не видать. Ты станешь одной из нас, женой наемника! Как тебе?

У Лохана такой вид, словно он хочет провалиться сквозь землю. Но он стоит, смотрит Эрнану в глаза.

– Хорошо, – очень спокойно говорит Эрнан. – Ты забереешь ее сейчас?

– Только, для начала, ей нужно стать вдовой! – смеется Арек.

– Из тюрьмы... – тут Лохана подводит голос. – Из тюрьмы – да. Но из крепости нас выпустят только после того, как привезут Гарана. Обмен.

– Тебе, Ворон, отрубят голову, а они пойдут резвиться в кроватке! – говорит Арек. – Может быть, они давно задумали это? Еще зимой? Тебя так долго не было, думаешь, они скучали без тебя?

– Хватит! – Это Маргед злится, ей надоело.

Мне кажется, все это происходит не на самом деле. Не со мной. Так не может быть.

Хочется закричать...

Словно во сне.

Лохан качает головой, но что-то меняется. Он смотрит на Эрнана. Пальцами едва заметно делает какой-то знак.

– Да, я рад, что так вышло, – почти насмешливо говорит он. – Иначе я и мечтать не мог, Тиль такая красotka. – Я вижу, он невероятно собран, как-то иначе перехватывает факел. И тут же, не меняя тона: – Со мной трое, но оружия нет.

– Арек мой, – коротко говорит Эрнан.

И оба они срываются с места. Так быстро... У Эрнана нож, у Лохана факел...

Я, кажется, кричу и вжимаюсь в угол от страха.

Битва. Грохот. Звенит сталь, мечутся огни. Я почти ничего не могу разобрать.

– Сзади! – слышу только голос Эрнана. – Сюда! Прикрой ее!

Кто-то пытается кинуться ко мне, но Лохан, уже с мечом в руке, рубит наотмашь.

Где-то в коридоре визжит Маргед.

Глава 27

Он дрых как ребенок.

Я проснулась раньше, полежала немного рядом, глядя на него, сначала стараясь тихо и не мешать... но солнце уже высоко. Я подобралась поближе, положила голову ему на плечо. Он даже не проснулся, только что-то пробормотал во сне, дернул ногой и повернул голову в мою сторону. Тогда я поцеловала его. Он приоткрыл один глаз и улыбнулся мне. И заснул снова.

Пусть спит.

Вчера был тяжелый день... Да и не только вчера.

Я тихо вылезла из кровати, потянулась.

Почти две недели прошло, как все закончилось. Но я только сейчас начала немного приходить в себя. Только сейчас поверила – все хорошо.

О том, как мы выбрались из тюрьмы, я даже сейчас боялась вспоминать. То, как Эрнан с Лоханом пробивались к выходу, как бежали к воротам, прикрывая меня с обеих сторон. У ворот было страшнее всего. Так сложно было понять – кто с нами, кто против нас и откуда ждать удар. Кому доверять. Но потом в замок вошла армия, стоящая у ворот.

Слава богам...

На Эрнана даже ни царапины. Лохан легко ранен в плечо, но опасности никакой, тем более, теперь все уже затянулось...

Мне было так страшно.

Но все позади.

Я подошла к окну, закрыла глаза, подставляя лицо свежему ветерку.

Легкий свежий запах кипарисов, утреннее солнце, тихий гул набегающих волн. Тишина и покой. Так хорошо.

Нет, проблем, конечно, еще хватает. Не меньше, чем было год назад, когда Эрнан только пришел из Лохленна. Долги, недовольство, договоры... Но теперь и я немного разбираюсь во всем этом, могу помочь. Все можно решить, и все равно никуда не деться... Рутину.

Топ-топ-топ-топ... маленькие быстрые шажки по коридору. Бум! – это в дверь. Она тяжелая, но открывается легко. И из-за двери выглядывает маленькое личико. Гаран. Он опять убежал от няни. Ее шаги я слышу тоже, сейчас поймает.

Гарану недавно исполнился год, но он не просто научился ходить, он сразу стал бегать, так стремительно, что и не догнать. Гарана привезли два

дня назад, вместе с ним приехала старая няня и леди Раэна.

Завтра все они уйдут с Ингрун.

Мне немного страшно за них. Хотя я понимаю, что мой страх скорее из-за непонимания той жизни... Эрнан жил в море, потом вернулся. Он говорит – ничего страшного, там не хуже, чем здесь. Раэна даже рада – дочь корабельщика, она скучала без моря в Лохленне. Нянька Гарана боится, ей кажется, что в море она умрет, но и бросить мальчика не согласна, пойдет с ним все равно. А сам Гаран еще слишком мал, чтобы понимать.

Третий сын Майлога и мой брат.

После истории с Маргед невозможно оставить Гарана на виду у всех. Если не собственная мать, то кто-то другой может воспользоваться и потребовать вернуть законные права. Не сейчас, возможно, через годы, но от этого не легче. Не нам, а нашим детям. «Для него я такой же захватчик, – сказал Эрнан, – как твой отец для меня. Ничуть не лучше. Не удивлюсь, если Гаран захочет мстить. Не стоит строить иллюзий».

А там, в море, он не узнает... это будет слишком далеко и непонятно для него. Нет места надежнее.

Гаран...

Мальчик заглядывает в спальню.

– Улдин, иди сюда! – позвала я.

Улдин, не Гаран – надо помнить, он сын Андроса и Раэны. Не произносить вслух. Как бы там ни было – чем меньше людей знает, чем меньше он слышит сам, тем лучше. Не стоит лишний раз искушать судьбу.

Он посмотрел на меня, потом оглядел комнату. И напрямик направился к спящему Эрнану, шустро залез на кровать. И ка-ак прыгнет с диким визгом! Эрнан сам подпрыгнул от неожиданности. Но очень быстро сгреб Гарана в охапку, завалил, принялся щекотать. Потом возня и веселый смех.

Удивительно...

А я чувствовала себя слегка неловко рядом с Гараном. Не знала, как себя вести, не понимала... Может быть, я чувствовала себя виноватой. Может быть, просто не очень умела общаться с маленькими детьми. Боялась сделать что-то не так.

Эрнана ничего не смущало. Так легко...

Когда Гарана только привезли, привели к нам, он стоял в сторонке, держа за руку няню, глядел по сторонам. Ему все было интересно. И пока Раэна с Эрнаном разговаривали, Гаран как-то незаметно отпустил няню, подошел, дернул незнакомого дядю за ногу. И Эрнан, не задумываясь, подхватил, посадил на шею. Потом повел показывать комнаты, отведенные

для них. Гаран сидел на шее и увлеченно откручивал Эрнану уши. Потом они играли в дракона, летая по всей комнате и завывая на два голоса...

Я видела, что Раэна напряглась сначала, заволновалась, потом перестала. Гаран для нее был как родной, она любила его, так привязалась... не думаю, что родного сына можно любить сильнее.

– Улдин! Ты здесь?

Это няня, наконец, добралась до нас. Догнала.

– Простите, ваше величество... – она очень смущалась.

Потом забрала Гарана завтракать, несмотря на все его протесты. Няня была медлительная, но очень строгая.

Эрнан сел на кровати.

– Может, теперь ты прыгнешь? – весело предложил он.

И я не заставила себя уговаривать.

За последние две недели что-то изменилось между нами.

Исчезли все недоговоренности и тайны. Эрнан рассказал о себе все, ничего не скрывая. Много всякого... Взрослый мужчина, прошедший едва ли не полжизни в полях и боях, борьбе за власть, за свою жизнь, он не всегда поступал правильно, не всегда... Наверно, раньше я восприняла бы это иначе. Много всякого было. Но теперь у меня не было ни сил, ни желания его в чем-то винить. Тогда он не мог поступать иначе...

Но все, что было – уже не важно. Важно лишь то, что есть сейчас.

Если ты решаешь принять человека – нужно принять его полностью. Не оглядываясь. Либо ты принимаешь, либо нет, иначе в этом нет никакого смысла.

Нет, ничего настолько ужасного, конечно... просто всегда лучше знать. Это делает нас ближе.

Я бы тоже рассказала, но моя жизнь всегда была слишком тиха и проста. Никаких войн, никаких сложных решений. Маленькая принцесса...

– Ты как-то удивительно влияешь на мою жизнь, – сказал Эрнан, мы лежали обнявшись, он нежно гладил мое плечо. – Наверно, без тебя я был бы совсем другим человеком. Словно магия... Когда я впервые увидел тебя, то тебе было года два или около того. Меня не так давно выпустили из подземелья, и после всего, что со мной случилось, я чувствовал себя скорее зверем, чем человеком, диким волчонком... сложно объяснить. За все время, проведенное в камере, я успел отвыкнуть от людей и уж тем более от человеческого обращения. Я плохо помню те дни. Словно в тумане... страх, голод, побои... кто-то на конюшне пытался кормить меня сыром

мясом и весело ржал потом, наблюдая, как я утаскиваю кусок в темный угол и там жру его, – Эрнан вздохнул, облизал губы. Его глаза серые, спокойные, полные тепла. – А потом я увидел тебя. Такая маленькая белобрысая девочка с тоненькими косичками и кульком конфет в руках. Не знаю, откуда ты стащила эти конфеты, в детстве ты была такой же хулиганкой, как маленький Гаран. Ты долго смотрела, а потом подошла, сунула кулек мне в руки и улыбнулась. Тогда меня испугало даже это, я шарахнулся в сторону. А уж какой ужас был на лице твоей няни, которая тащила тебя прочь. Но что-то произошло тогда. Щелкнуло и встало на место. Впервые человеческое...

Я не помнила этого.

Мои первые воспоминания о нем уже намного позже, когда мы с Оуэном ходили на конюшню, а Нарин чистил там лошадей. Обычный мальчик... И только потом...

– Когда год назад я лез на эту проклятую башню к тебе, по узкому ходу, когда выламывал дверь, я действительно собирался сделать то, что обещал твоему брату. Я представлял, как увижу тебя, сорву с тебя платье... – он чуть качнул головой. – Но вышло совсем иначе.

– Почему? – тихо спросила я.

Он улыбнулся.

– Не знаю. Наверное, понял, что ты значишь для меня что-то большее. Вся радость от победы и свершившейся мести вдруг встала поперек горла, когда я понял, что могу потерять тебя.

– Я пряталась от тебя. Но на самом деле очень ждала, что ты придешь.

Он крепче обнял меня, я прижалась щекой к его груди.

Какой долгий путь иногда приходится пройти...

Я видела Флир в новом платье. В саду, у фонтана. Кажется, она ждала кого-то, все высматривала, поправляла волосы. Страшно волновалась. Никогда не видела Флир такой. У нее горели щеки и сияли глаза. Она неуверенно улыбнулась мне, чуть дернула плечом и отвернулась, давая понять, что ждет совсем не меня. Я не стала мешать.

У всех есть право на счастье.

Надеюсь, и Лохан свое счастье найдет, главное – не торопиться. Капитан гвардии. Эрнан предлагал ему большее, но Лохан сказал, что это место как нельзя лучше подходит ему. Ничего другого не нужно.

Кое-что случилось еще.

Мы провожали Гарана на берегу. Эрнан должен был отправиться вместе

с ним, проследить, чтобы все прошло как надо. А потом вернуться, конечно.

Они говорили о чем-то с Ингрун, я сидела на песке в стороне. Голова слегка кружилась... мне нужно больше отдыхать, столько всего...

Потом Ингрун позвала меня.

Я подошла.

– Ты молодец, принцесса, – Ингрун улыбнулась мне. – Мало кто из людей способен на такое. Но я не сомневалась в тебе. Дай руку.

Я протянула руку ей.

Она взяла, закрыла глаза. Очень долго и напряженно вслушивалась... у меня покалывало пальцы. Может быть, она сама хотела увидеть, как все было. Мои воспоминания... Потом Ингрун кивнула чему-то своему. Отпустила. Ее рука скользнула на мой живот, потом чуть ниже. Она кивнула снова.

– Девочка, – сказала она. – У тебя будет девочка. Я знаю, вы, люди, предпочитаете мальчиков, но с этим придется подождать.

Ингрун посмотрела на Эрнана. Тот, кажется, понял не сразу или не сразу поверил. Чуть нахмурился, моргнул. И только потом сорвался с места, подхватил меня на руки.

– Тиль...

У меня слезы хлынули из глаз. От счастья. Я смеялась и плакала.

И не только от того, что у нас будет ребенок. На самом деле это значило куда больше.

Это значило – мне действительно все удалось.